

Краснодарский университет МВД России

**Л. В. Карнаушенко
Е. Н. Трикоз
А. А. Швец**

**ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ЯПОНИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Учебное пособие

Краснодар
2020

УДК 34(520)
ББК 67.99(5Япо)
К24

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Рецензенты:

Н. С. Нижник, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербургский университет МВД России);

А. В. Дашин, доктор юридических наук (Кубанский государственный аграрный университет).

Карнаушенко Л. В.

К24 Правовая система Японии: история и современность : учебное пособие / Л. В. Карнаушенко, Е. Н. Трикоз, А. А. Швец. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2020. – 114 с.

ISBN 978-5-9266-1654-2

Рассматривается комплексное сравнительно-историческое исследование источников и основных институтов права Японии, направленное на выявление особенностей и уникальных аспектов создания и развития источников традиционного и модернизированного японского права, систематизации законодательства в средневековый и пореформенный периоды, стиля юридического мышления, правопонимания и правореализационной деятельности в современной Японии.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России.

УДК 34(520)
ББК 67.99(5Япо)

ISBN 978-5-9266-1654-2

© Краснодарский университет
МВД России, 2020
© Карнаушенко Л. В., Трикоз Е. Н.,
Швец А. А., 2020

Предисловие

Актуальность темы объясняется высокой потенциально практической востребованностью знаний об истоках и специфике юридической системы древнейшего государства и мировой державы современности – Японии. До сих пор это одно из передовых государств Востока со своеобразной политико-правовой историей и оригинальной правовой системой, которая, с одной стороны, тяготеет к типу дальневосточной правовой семьи, а с другой – имеет большой крен в сторону романо-германской правовой семьи с элементами англо-американской системы. С самого своего зарождения японская правовая система постоянно испытывала влияние соседних государств и их правовых систем, привнося в собственное правовое развитие постоянные инновации и новеллы, не теряя при этом своей самобытности и традиций.

В период Средневековья японцы использовали государственно-правовой опыт Китая. В эпоху Нового времени японцам удалось использовать опыт европейских стран для построения новой правовой системы по европейскому образцу, отвечающей всем стандартам того времени. В послевоенную эпоху правовая система Японии в результате политических причин подверглась сильному влиянию американского права. Однако при построении правовой системы японцы учитывали и сохраняли свои национальные традиции и обычаи, которые во многом формировались под влиянием их традиционной религии – синтоизма, и в японских правоотношениях до сих пор сильна роль обычаев и традиций, сложившихся у них с давних времен. Япония является единственной страной Востока, которая сумела продемонстрировать действительно успешный пример вестернизации права. Таким образом, изучение японского правового опыта Японии, связанного с успешным заимствованием иностранного законодательства, является актуальным, особенно с учетом глобализации, когда происходит постоянное культурное и политическое взаимодействие.

Исследование истории правовой системы этой страны приводит к пониманию того, как японцам удалось успешно интегрировать государственно-правовой опыт не только цивилизационно близких к ним традиций Дальнего Востока и конфуцианско-буддийских стран, но также и отдаленных от них стран Запада, при этом сохранив свои исконные правовые традиции и синтоистские обычаи. Проблема внедрения и имплементации ранее неизвестных японцам правовых норм, идей и институтов весьма актуальна, так как японский правовой опыт является примером успешного синтеза многовековых традиций и новелл современного права, что может послужить образцом для модернизации правовых систем других государств.

Следует отметить, что история японского права и становления правового государства мало изучена в российской юридической литературе и среди историков-востоковедов. Однако в последние годы активизировалось международное сотрудничество Российской Федерации со странами Дальнего Востока, и в особенности с Японией. Между нашими странами существует послевоенный территориальный спор, связанный с проблемой принадлежности Курильских островов, и обе стороны активно пытаются прийти к соглашению и компромиссному решению не только на основе норм международного права, но и с учетом национальных запросов и местных юридических норм.

Глава 1. Традиционная правовая система

1.1. Система источников раннесредневекового права

Островное государство в Восточной Азии, на территории современной Японии (*Ниппон*, яп. – «место, где восходит Солнце»)¹ начало формироваться в районе Ямато к III–IV вв. («период курганов»)².

Основателем древнейшей династии *Ямато* считается государь (император) *Дзимму* (301–316). *Дзимму* считается первым земным правителем и прямым потомком богини Солнца – *Аматэрасу*, вторым по счету божеством в пантеоне древней японской религии *синто*. С правлением этого императора связывают начало государственности (яп. *кокка* – «государство»).

Традиционно легендарный *тенно* *Дзимму* считается основателем царствующей и по сей день в Японии императорской династии «*микадо*»³, в которой сложился почти непрерывный ряд из ста двадцати одного императора и девяти императриц⁴. Эта династия отличается божественным происхождением и редкостной долговечностью царствовавших правителей на протяжении последних двух с половиной тысяч лет.

В этот период племенной государственности преобладало *протоправо*, состоявшее из древних обычаев и предписаний глав родов – *удзи*. Они представляли собой группы родового и кланового типа по кровному родству⁵, союз родственников побочных ветвей и даже более отдаленных родственников, по сути, большие социально-семейные группы, в которых главенствующее положение занимала одна из наиболее родовитых семей⁶.

В качестве полноправных субъектов права, наделенных функцией правотворчества и судебскими полномочиями, признавались в те времена только главы родов и родоплеменных объединений (*удзи-но-ками*), которые осуществляли правосудие, опираясь на волю древних богов и законы,

¹ «Ниппон» или «Нихон»? В Японии нет единого мнения о японском произношении слова «Япония» // Япония наших дней. 2014. № 1 (19). С. 156.

² Суровень Д.А. Основание государства Ямато и проблема Восточного похода Каму-ямато-иварэ-бико // Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств. Екатеринбург, 1998. С. 175–198.

³ Микадо (кит. дү) означает: 1) император, монарх; 2) небесный царь, верховный владыка, бог, божество; 3) обожествленная душа предка; 4) посмертное имя императора. См.: Большой китайско-русский словарь. М.: Наука, 1983. Т. III. С. 306–307.

⁴ Арутюнов С.А. Дзимму-тэнно: мифический вымысел и историческая реконструкция // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века. Новосибирск, 1975. С. 9–12.

⁵ Ерёмин В.Н. История правовой системы Японии / отв. ред. А.А. Кириченко. М., 2010. С. 56.

⁶ Кожевников В.В. Формирование древнего государства в Японии // Известия Восточного института. 2017. № 4. С. 57.

восходившие к божествам¹. Постепенно к III в. в результате объединения определенной группы кланов-удзи стали образовываться первые прото-государства под властью верховного главы общины-государства (др.-яп. – «*кими*»), управлявшего через глав родов («*дзокутё*»), которые все еще сохраняли остатки самостоятельности и значительный объем полномочий по управлению своими удзи.

Японское древнее право этого периода имело устно-традиционный по форме и религиозно-синтоистский по содержанию характер, оно было синкретичным с нормами морали и мифологизировалось. В его основе лежала традиционная религия *синтоизм* (яп. «*путь богов*»)², зародившаяся в VIII–XII вв. до н. э. Эта синтоистская вера японцев основана на древних анимистических верованиях, тотемизме, магии, ритуалах и обрядах поклонения (*мацури*) духам умерших и почитании божеств *ками* – покровителей семей и родов³. Общее синтоистское правило морали гласит: «Поступай согласно законам природы, щадя при этом законы общественные»⁴.

Начиная с VI в. императорский двор взял под свой контроль деятельность синтоистских храмов и попытался унифицировать все древние шаманские и колдовские обряды *синто*, а департамент по делам *синто* составил официальный список богов (свыше 3 тысяч).

Отдельного внимания заслуживает концепция синтоизма о силе жизни, с которой связаны предписания придерживаться естественного порядка вещей и соблюдать чистоту. Японцы считают, что все, что естественно, должно уважаться, а любое «нечистое» может быть очищено в храме путем синтоистских ритуалов. Эта синтоистская концепция со временем выработала у японцев наклонность к приспособлению и способность к адаптации.

В юридической истории Японии период от образования Ямато и вплоть до 604 г. н. э. можно условно назвать «*правовой системой царей*». В это время право верховного нормотворчества постепенно закреплялось за императорами – правителями объединенных племенных королевств на японском архипелаге.

В раннесредневековом праве периода Яматай различали такие категории уголовных деяний, как «*цуми*» (оконченное преступление) и «*цуми какусу*» (сокрытие преступления), «земные прегрешения» (преступления внутри общины) и «небесные прегрешения» (тяжкие преступления), а так-

¹ См.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках: этнос, общество, культура и окружающий мир. М., 1980.

² Светлов Г. Путь богов. М., 1985.

³ Hardacre H. Shinto. Oxford: Oxford University Press, 2017; Picken S.D. B. Historical Dictionary of Shinto. Historical Dictionaries of Religions, Philosophies, and Movements Series. Scarecrow Press, 2002; Боги, святилища, обряды Японии. Энциклопедия синто / отв. ред. А.Н. Мещеряков. М., 2010.

⁴ Япония и ее обитатели. СПб., 1904. С. 339.

же «хараэ» как вид наказания («очищение») и «мисоги» (церемониальное погружение в реку). В системе японских наказаний выделилась такая особая санкция, как лишение личного статуса подсудимого, в частности лишение ранга *кабанэ* во исполнение обвинительного приговора¹. Встречаются упоминания об истреблении всего дома и обращение в рабство жены и детей обвиняемого в наиболее тяжких преступлениях, а также его смертной казни; за легкие проступки могли конфисковать имущество и забрать в казну «малую семью» (жену и детей).

В период *Ямато* (IV–VII вв. н. э.) определенное влияние на местные источники и правовое регулирование отдельных институтов права оказывало юридическое наследие соседних стран, прежде всего раннесредневекового государства *Силлы* на территории Корейского полуострова и китайской империи эпохи Тан². Доктринальное воздействие на зарождавшуюся японскую правовую систему оказывало проникшее на острова китайское конфуцианство и буддизм, хотя постепенно шло ослабление роли традиционной религии как основы политической власти³. Японский император считался потомком синтоистских богов и его власть базировалась на религиозном авторитете, следовательно теневое влияние синтоизма оставалось весьма сильным⁴.

Все правители Ямато носили одинаковый императорский титул «*сумэра-но микото*», который, помимо военных функций, административной и судебной власти, также включал полномочия верховного жреца культов. Начиная с VII в. исследователи употребляют «*тэнно*» в значении «император» применительно к верховному правителю страны⁵. В связи с этим наиболее тяжкими преступлениями признавались именно посягательства на священную особу императора и его государственную власть (составы заговора, мятежа, проявление неуважения и др.).

Особо выделялись тягчайшие преступления, которые были сгруппированы в десять родов⁶: 1) заговоры против династии; 2) попытка разрушения храма императорских предков, императорских кладбищ и дворцов; 3) измена; 4) убийство родителей и близких родственников; 5) убийство невинных, расчленение людей, изготовление и хранение ядов, ворожба или колдовство; 6) непочтительность по отношению к государю; 7) сыновья непочтительность; 8) непочтительное обращение с друзьями и род-

¹ Ерёмин В.Н. Указ. соч. С. 64.

² Конрад Н.И. Древняя история Японии // Избранные труды: история. М., 1974.

³ Vargö Lars. Social and economic conditions for the formation of the early Japanese state. Stockholm, 1982.

⁴ Kidder J.E. Japan before Buddhism. London, 1959.

⁵ Воробьев М.В. Япония в III–VII вв. М., 1980. С. 291; Мацумото С. Сэйтё-цуси. Токио, 1978. Т. IV. С. 16.

⁶ См.: Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и») / введ., пер. с кит. и коммент. В.М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб., 1999. Т. I. 376 с.

ственниками; 9) убийство старшего по положению; 10) инцест. Впоследствии в несколько модифицированном виде эта иерархия преступлений была рецепирована в японское средневековое уголовное право.

В VII–IX вв. начинается *эпоха кодификации* раннесредневекового японского права по китайскому образцу¹, которая оказала существенное влияние на всю дальнейшую историю развития традиционного права и его *этическую ориентированность*. Разрозненному обычному праву глав родов постепенно противостоит право монархов Ямато, пропитанное религиозными устоями.

К самым значимым японским правовым документам данной эпохи можно отнести «Конституцию Сётоку» 604 г., «Манифест Тайка» 646 г., кодекс «Тайхо рицурё» 702 г. и его редакцию «Ёро рицурё» 718 г. Такое обилие крупных сводов и кодификаций придавало особое качественное содержание данному этапу в истории Японии, который историки не зря называют *эпохой правового государства*.

Расцвет систематизации писаного права в Японии включает в себя следующие периоды японской политической истории: Асука (592–710), Нара (710–794) и Хэйан (794–1185). На контрасте в последующие века, начиная с заключительного периода Хэйан при режиме *сэккан* наступил новый этап развития средневековой правовой системы, произошла децентрализация правового пространства Японии, повлекшая за собой падение роли права и значения закона в жизни японского государства и общества².

Идеи великого китайского философа Конфуция о гуманности и человеколюбии, выраженные в правилах «*ли*», неразрывной связи политики и нравственности, культе верховной власти, основанной на разуме и нравственности правителя, оказали существенное влияние на формирование *нравственного образа* японского кодифицированного права. В рассматриваемый период императорский Китай под управлением династии Тан (618–907) переживал период расцвета в области культуры, религии, государственного управления и системы законодательства, распространяя свое геополитическое влияние на огромную территорию от Вьетнама до Тянь-Шаня и от Кореи до Персии³. Оказывал Танский Китай огромное культурно-политическое и идеологически-правовое влияние на соседнюю Японию, выступая своего рода «генератором культурной традиции».

¹ The T'ang Code. General Principles / Transl. with an Introduction by W.J. Johnson. Princeton, 1979; Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и») / Цзюани 1–8.; Цзюани 9–16. СПб., 2001. 299 с.; Цзюани 25–30. СПб., 2008. 408 с.

² Трикоз Е.Н. Кодекс «Тайхо рицурё» (VIII в.) // История государства и права зарубежных стран: избранные памятники права. Древность и Средневековье. М., 2018. С. 102–132.

³ Benn Ch. China's Golden Age: Everyday Life in the Tang dynasty. Oxford University Press, 2002.

Кодифицированные акты японского права VII–IX вв. хотя и являлись рецепцией китайского законодательства на основе учения легистов и конфуцианства, но не представляли собой его слепого копирования или бездумного подражания иностранному образцу.

При составлении японских правовых памятников были учтены местные культурные особенности, традиционные правовые положения, установления обычного права, синтоистские устои и древние политико-правовые порядки эпохи Ямато¹. Следовательно, уже в этот один из самых первых опытов рецепции иностранного права выработалась способность японцев к восприятию зарубежного опыта при сохранении своих традиционных особенностей.

Японцы выработали уникальную способность к активному восприятию иностранного правового опыта и реформированию своего права на основе критической рецепции китайских политико-правовых институтов. При этом для них была также характерна консервативная самобытность и необычайная устойчивость традиционных основ жизни².

Эти на первый взгляд противоположные характеристики оказались вполне реализованными благодаря особенностям средневекового японского правосознания. Оно включало в себя такой принцип, как постоянный «возврат к старине», что означало сочетание новых правовых явлений со старинными идеалами подчинения закону и почтительного отношения к властям со стороны японцев. В таком прагматичном поддержании собственных традиций японцы видели практическую мудрость и продолжают по сей день видеть в этом основу национальной правовой политики.

Другой их традицией, своего рода «культурной привычкой» стали регулярные обращения к инновациям и заимствованиям на основе ограничительного принципа «западная техника, но японский дух» (яп. *вакон ёсай*). Так, например, рецепция китайского права ограничивалась главным образом заимствованием юридической терминологии на китайских иероглифах, но в сами письменные формулы при этом вкладывалось специфически японское содержание, как это видно из свода «*Тайхо Ёро рицурё*» (кодекс «*Тайхо рицурё*» 702 г. и его редакция «*Ёро рицурё*» 718 г.).

Идеи, воспринятые из китайского права³ и заложенные в самом раннем письменном памятнике японского права, известном как «Законоположения в 17 статьях» (яп. *Сётоку тайси но 17 дзё но кэмпо*) 604 г., оказали

¹ Sources of Japanese tradition. New York; London, 1965. Vol. I.

² См.: Vargö Lars. Social and Economic Conditions for the Formation of the Early Japanese State. Stockholm, 1982.

³ См. подробнее: Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права. М., 1986.

заметное влияние на все последующие акты, принятые в средневековой Японии¹.

Этот документ известен более под названием «*Конституция Сётоку*»², так как его составителем считается принц Сётоку, правящий регент и член императорской семьи, активный проповедник буддизма, объявленно-го недавно государственной религией Японии, и в то же время сторонник учения Конфуция о централизованном государстве во главе с мудрым правителем. Этот квазиконституционный документ, своего рода наставление правителя Японии должностным лицам, начиная с придворных сановников и кончая провинциальными чиновниками³.

Документ принца Сётоку состоял из семнадцати статей, которые условно можно разделить на четыре тематических блока:

1) статья о буддизме (ст. 2); 2) статьи о верховной власти императора (ст. 3 и 12); 3) статьи об отношении к подданным (ст. 6 и 16); 4) двенадцать статей об обязанностях и нормах поведения должностных лиц (ст. 1, 4, 6–11, 13–15, 17). Нормы этого акта носили характер морально-этических заветов и наставлений правителей своим чиновникам и содержали следующие формулировки в конфуцианском духе: «почтительно воспринимать указы», «обязательно соблюдать их», «справедливо оценивать заслуги и провинности» и т. п.⁴

Таким образом, «*Конституция Сётоку*» была направлена на укрепление власти монарха и централизацию государства, декларировала рецептированные идеи буддизма и конфуцианства, не имея при этом сугубо правового характера, объединяя элементы трактата и нравоучений.

Следующим эпохальным документом раннесредневекового права Японии и толчком к развитию кодифицированного законодательства стали *реформы Тайка*, начатые императором Катоку в 645 г. Сам термин «*Тайка*» (яп. «великие перемены») означал новый девиз правления Котоку (645–650), а понятие «*кайсин*» переводится как «реформа, преобразование». Цели и содержание этих так называемых реформ без происшествий, начатых в

¹ Суровень Д.А. Принципы регента-престолонаследника Умаядо (принца Сётоку-Тайси) из «Законоположений в 17-ти статьях» в правовой системе раннесредневековой Японии // Правовая система общества: проблемы теории и практики. СПб., 2011. С. 377–384.

² Упоминается в: «Нихон котэн бунгаку тайкэй» (Японская классическая литература. Большая серия). Т. 68. Нихонги. Токио, 1965. С. 181.

³ Попов К.А. Конституция Сётоку (604 г. н. э.) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1.

⁴ Воробьева М.В. Древняя Япония. М., 1958.

645 г. и растянувшихся почти на полвека, были юридически оформлены специальным *Манифестом Тайка* 646 г.¹

В этот период были предприняты социально-политические преобразования с целью устранения родовой системы управления *удзи-кабанэ*, построения централизованного государства во главе с императором, в качестве образца которого рассматривался танский Китай. Особо отметим реформу семейного права, основанную на императорском указе 645 г., который «впервые устанавливает семейное право («право для мужчин и женщин»), по которому дети, рожденные от брака свободного мужчины со свободной женщиной, должны принадлежать отцу; дети от брака свободного человека с рабыней должны принадлежать матери; дети от брака свободной женщины с рабом должны принадлежать отцу; дети от брака раба с рабыней из двух разных семей должны принадлежать матери. Дети монастырских служанок считаются свободными, но если эти служанки попадают в рабство, то на них распространяется положение о рабах. Радикальное изменение здесь выражалось в частичном повороте к патриархату, так как долгое время имена детей определялись по родовому имени матери и воспитывались до совершеннолетия в доме матери².

«Царский указ о реформах Тайка» (яп. «*Тайка кайсин но микотоноори*») состоял из короткой преамбулы и всего лишь четырех статей. Декларировалось освобождение рабов и крепостных, занятых в сельском хозяйстве и ремесле (ст. 1), отмена их прежнего лично зависимого статуса – системы рабства и полурабства (*какибэсэй*). Как писал Н.И. Конрад, «первое, с чего начинается Манифест, это с декларации об освобождении рабов»³. Хотя рабов к VII–VIII вв. насчитывалось всего 10–15% населения, около 6 млн человек (*табэ, томобэ и какибэ*)⁴.

Кроме того, в Манифесте вводился новый порядок налогообложения с большими преференциями в пользу государственной казны, но в то же время отменялась практика нерегулярной дани в доход царской семьи. В частности, подушные надель крестьян были обложены натуральной рентой – зерновым налогом и налогом с продуктов домашнего ремесла (например, холст, шёлк и др.). В ст. 3 предписывалось составить подворные списки населения, налоговые списки и ввести закон о выделении и получении земельных наделов (введение уравнительного землепользования). Но при этом крестьяне, будучи прикрепленными к земле, были лишены

¹ Манифест с некоторыми изменениями и дополнениями практически действовал вплоть до буржуазной революции периода Мэйдзи. Следует попутно заметить, что девиз Тайка, как и другие упоминаемые в хрониках, скорее всего, был придуман задним числом, так как не находит эпиграфического подтверждения (Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 43, сн. 23).

² Попов К.А. Ямато (Япония) VII в. // Манифест Тайка / пер. К.А. Попова. М., 1961.

³ Конрад Н.И. Япония: народ и государство: исторический очерк. Пг., 1923. С. 73.

⁴ Попов К.А. Указ. соч.

права покидать свои наделы и обязывались несколько дней в году участвовать в строительных, ирригационных и других общественных работах. В целом, несмотря на тенденцию к раскрепощению, Манифест Тайка закрепил четыре повинности для крестьянина: подворная подать, земельная натуральная рента, трудовая и воинская повинности.

Кроме того, по реформам Тайка старое родовое управление и клановое деление заменялось государственным административно-территориальным делением (ст. 2). Прежние сравнительно небольшие провинции были преобразованы в уезды (*гун/кохори*) и их объединения – новые провинции (*куни*). Родовые старейшины заняли посты наместников провинций, а императорский двор направлял царских контролеров (*кокуси*). Социальная структура приобрела более многослойный и многополюсный характер. Впервые введен был Табель о рангах, который опирался на китайский принцип бюрократической системы.

Главной целью реформ периода Тайка было перераспределение экономической власти в пользу центрального правительства, создание первого на территории Японии единого централизованного правления¹.

Японские историки и юристы отмечают, что «по своему влиянию на многие последующие годы реформы Тайка находятся на уровне Пандектов или Кодекса императора Юстиниана»². С другой стороны, это был первый в истории Японии масштабный опыт рецепции иностранного политико-правового опыта – заимствование из Китая системы бюрократического управления, землевладения и налогообложения. По итогам эти реформы оказались не совсем успешными, так как японская экономика и само население не были готовы этнически и культурно к восприятию китайской традиции.

Традиционной чертой средневекового права Японии можно считать давнюю практику систематизации японского права и издания кодифицированных актов, что стало свидетельством стойкой приверженности японцев правовым нормам.

Особенностью кодификации японского права был ее масштабный и многоотраслевой характер, предполагавший детальную законодательную регламентацию различных сфер управления и жизни подданных³. Поэтому политическую систему в период расцвета кодификации (VII–IX вв.) называли «*правовым государством*» (яп. «*рицурё кокка*» – букв. «государство, опиравшееся на законы»).

¹ Трикоз Е.Н. Кодификация права в средневековой Японии // Правовые традиции: сб. материалов Междунар. науч. конф. «Жидковские чтения». М., 2014. С. 327–334.

² Цит. по: Попов К.А. Указ. соч.

³ См. об этом также: Суровень Д.А. Систематизация права Японии во второй половине VII – начале VIII века // Проблемы истории общества, государства и права. Екатеринбург, 2013. Вып. 1. С. 117–172.

Специфика японской правовой культуры проявляется прежде всего в своеобразной системе *источников права*. В Японии долгое время обычай и закон соперничали по силе юридического авторитета и степени верховенства в правовой системе.

С одной стороны, *закон* (яп. *хō-до*; кит. *фǎ-дǔ*) имел силу основного источника по вопросам государственного и административного права, пропитанным правовыми концепциями китайского государственного управления¹. Закон как форма внешнего выражения права довольно рано приобрел форму императорского указа (яп. *микото-нори* – царский эдикт), который по своему юридическому значению и фонетическому звучанию был разновидностью такого источника права, как *нории* (закон, императивное правило).

При этом в Японии использовалось древнекитайское подразделение законов на две категории:

1) уголовные законы (яп. *рицу*; кит. *люй*), к которым относились нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права;

2) неуголовные законы (яп. *рё*; кит. *лин*), объединявшие нормы административного, вещного и обязательственного, брачно-семейного и наследственного права (хотя четкого различия между уголовными и административными правонарушениями японцы не проводили; под термином *рё*² традиционно понимались нормы, нарушение которых, в отличие от *рицу*³, не влекли за собой применения ни одного из пяти тяжких наказаний (от смертной казни до битья палками), полагавшихся за явные преступления и тяжкие нарушения норм морали).

С другой стороны, *обычное право* довольно долго превалировало в сфере уголовно-правовых и процессуальных правоотношений, в частности: обычаи предков, жреческие обычаи, служебные обычаи, административная практика должностных лиц и др. Их господство удалось в значительной мере преодолеть благодаря своевременной систематизации накопившихся разрозненных нормативных актов и обычаев в эпоху *Тайхо* (701–704) и *Ёро* (717–724)⁴.

Следует назвать и еще один вид (форму) источников права средневековой Японии. Это *ритуальные нормы* (яп. *рёй*; кит. *ли*), тесно связанные с

¹ Воробьев М.В. Китайское средневековое право и его рецепция в средневековой Японии (до VII в. включительно) // XVII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1986. С. 110–115.

² От яп. *рё/рёй* – указ, декрет, приказ, директива; законное предписание; наставление; уложение, сборник (собрание) законов и декретов (Большой китайско-русский словарь. М., 1983. Т. IV. С. 953).

³ От яп. *рицу* – норма, закон, законоположение; заповедь; устав, уложение.

⁴ Суровень Д.А. Возникновение права и источники права древней Японии // Проблемы курса истории государства и права. Екатеринбург, 2004. С. 222.

традициями предков, местными обычаями и ритуальной практикой¹. Само понятие ритуала, как основы подчинения властям и управления на основе конфуцианской морали, было введено еще в ст. 4 *Конституции Сётоку* 604 г. Приблизительно с середины эпохи Хэйан начался возврат к обычному праву, тесно связанному с традициями предков, местным (региональным) правом и ритуальной практикой. Долгое время система ритуалов, опутывавшая все древнеяпонское общество, составляла нерасторжимое единство с законодательными сводами. В отличие от Китая, где *ли* обладали автономным культурным статусом и более высокой юридической силой, в Японии ритуальные нормы были частично инкорпорированы в своды законов и не имели самостоятельного правового значения.

Так, например, в 819 г. был обнародован императорский рескрипт, согласно которому все общегосударственные ритуалы должны были соответствовать китайским образцам, а в 821 г. был составлен свод внутридворцовых правил, детально регламентирующих различные стороны придворной жизни².

Наряду с общегосударственными ритуалами, выделялись этические ритуальные предписания. В числе последних так называемые *гири* получали силу *нормативного обычая*. Эти морально-правовые обыкновения представляли собой своего рода кодекс чести японцев, который автоматически соблюдался из-за страха осуждения со стороны общества в случае отклонения от общих норм приличия или неподчинения ритуальному поведению. Эти морально-правовые устои регламентировали все стороны частной и публичной жизни японцев (например, *гири* отца и сына, мужа и жены, заимодавца и должника, хозяина земли и ее арендатора, торговца и его клиента, начальника и его подчиненного и т. д.)³. На их основе сформировались постепенно принципы деловой этики и отдельные корпоративные нормы, которые не потеряли своей значимости и в современной Японии⁴.

Законодательные акты центрального правительства — *кяку* и *сики* занимали отдельное место в исторической иерархии источников права. Это были своеобразные акты, в основном административного характера, направленные на «исправление сделанного неправильно» путем запрещения нарушений закона либо устанавливавшие порядок ведения дел и внут-

¹ Подробнее см.: Ритуал в синтоистской традиции // Боги, святилища, обряды Японии: энциклопедия синто. М., 2010. С. 101–155.

² Дайрисики («Нормативные установления государева дворца»). Токио, 1928; Нихон киракю («Краткие анналы Японии»). Токио, 1995.

³ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1996. С. 368.

⁴ Мещеряков А.Н. Буддизм и этика в раннесредневековой Японии // Народы Азии и Африки. 1983. № 1.

ренный распорядок учреждений. Первый тип таких правительственных «законов» обычно вводился в действие императорскими указами, а второй – распоряжениями *Дадзёкана* (Палаты большого государственного совета).

Таким образом, если законы *рицурё* имели общегосударственное значение и императивно соблюдались всеми слоями населения, то законы *кякусики* носили характер ведомственных актов и служебных инструкций. Преобладающее значение они получают в регламентации государственной жизни уже в более позднюю эпоху Хэйан (IX–XI вв.).

Правовая доктрина в этот период также получает свою силу как содержащаяся в научных трудах японских и китайских правоведов, которые стали выходить в ответ на трудности правоприменения актов *рицурё*. Реальная жизнь японцев и юридическая практика не были приспособлены под адекватное воплощение сводов законов *Тайхо* и *Ёро*, которые были скорее вместилищем идеального правопорядка. В средневековой Японии так и не сложилось профессиональной корпорации юристов-судей, а полицейские органы не имели центрального подчинения. Местные князья – *даймё* в своих землях поддерживали правовую вольницу и сами увлекались автономным правотворчеством.

В результате появилась необходимость в официальных разъяснениях и руководящем толковании чрезмерно кратких, сжатых текстов *рицурё*. Эти своеобразные письменные заключения специалистов права назывались *каммон*, служили вспомогательной формой разъяснения права. Они обладали юридической силой при разрешении судебных дел по вопросам, прямо не урегулированным основным законодательством.

Считается, что уже в IX в. при императоре Сёва началась практика глоссирования свода «*Тайхо Ёро рицурё*». Свод интерпретировался так, что якобы он основывался на своеобразном «законодательном прецеденте», делая упор на ранее изданные законы и некоторые обычаи, действовавшие с незапамятных времен. Этот общепонский свод имел обязательную силу, так как разрабатывался и вводился по повелению императора. За достаточно короткий период удалось подчинить жизнь всех подданных этим общеобязательным сводам *рицурё* как кодифицированному императорскому законодательству, и в результате были созданы правовые основы построения централизованного государства в Японии.

1.2. Кодекс «Тайхо Ёро рицурё»: структура и особенности

«Тайхо Ёро рицурё» – это крупнейший межотраслевой кодекс под общим названием «Тайхо-рицурё», или «Уголовный и административный кодекс годов Тайхо»¹. Как он сам, так и его последующая редакция «Ёро рицурё» являются важнейшим актом кодификации права средневековой Японии.

Впервые *свод рицурё* был издан в эпоху императора Мому (697–706), правившего под официальным девизом *Тайхо* (букв. «великое сокровище»)². Хотя подготовка этой правовой реформы началась еще при предыдущем императоре Тэмму, когда *реформа Тайка* шла полным ходом. Итогом стало осуществление проекта нового централизованного государства, обрисованного впервые еще принцем Сётоку в его Конституции по образцу соседней китайской империи. Были проведены важные социально-экономические преобразования, получившие название «реформы Тайка» по девизу императорского правления (букв. «большие преобразования», или «великая перемена»).

«Свод Тайхо» в редакции «Свода Ёро», с небольшими изменениями и дополнениями, действовал более тысячи лет, вплоть до эпохи Мэйдзи (1867–1912), что ставит его в один ряд с величайшими памятниками права³.

Сын нового императора – принц Осакабэ и его первый министр Фубито, представитель влиятельного рода Фудзивара, принялись за разработку общегосударственного кодекса. Им помогала его готовить комиссия из 17 японских аристократов и одного китайского ученого. На протяжении двух лет они осуществили многосторонний пересмотр, унификацию и систематизацию законодательных и обычно-правовых норм, развивая концепции, заложенные в «Конституции Сётоку» и «Манифесте Тайка». Использованы были также изданные во второй половине VII в. правовые своды – «Киёмихарарё» и «Омирё», составленные как «административно-гражданские кодексы» (яп. *рё*), не включавшие уголовно-правовые нормы⁴.

¹ Данный материал частично основан на главе одного из авторов учебного пособия: Трикоз Е.Н. Кодекс «Тайхо рицурё» (VIII в.) // История государства и права зарубежных стран. Избранные памятники права. Древность и Средневековье / под науч. ред. Н.А. Крашенинниковой. М., 2017. С. 102–132.

² Дело в том, что в 3-м месяце 701 г. императорский двор получил от о-ва Цусима впервые добытое в Японии золото (как оказалось позднее, фальшивое), в связи с чем девиз правления получил такое символическое название и была устроена грандиозная церемония, на которой объявили о новом Своде законов. В китайской традиции слово «Тайхо» означает «великое сокровище» в смысле добродетельности Неба и Земли либо самого императора.

³ Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3. Правовые системы Азии / отв. ред. В.И. Лафитский. М., 2014. С. 350.

⁴ Суровень Д.А. Возникновение права и источники права древней Японии // Проблемы курса истории государства и права. Екатеринбург, 2004. С. 223–224.

Первый вариант кодекса «*Тайхо рицурё*» появился в 701 г., но его официальное вступление в силу и обнародование растянулось во времени на целый год. Так, согласно историческим хроникам, сначала огласили административно-гражданскую часть данного свода¹. Позднее стали вводить в действие ту часть, которая представляла собой уголовный кодекс с нормами *рицу*². Здесь могло быть две причины: большинство норм уголовно права в Японии регулировались не столько писаными законами, сколько обычным правом. Кроме того, «мудрый государь», согласно дальневосточной теории управления, управлял государством не столько с помощью насильственных мер, сколько на основе своей добродетельности³.

Вскоре министр Фубито Фудзивара получил задание продолжить работу по кодификации, что привело к переизданию в 718 г. прежнего свода законов под другим названием – «*Ёро рицурё*» в честь нового девиза во время правления новой государыни Гэнсё (717–724). Однако вступил в силу он лишь в 757 г., т. е. спустя почти 40 лет после составления.

Объединенный кодекс «*Тайхо Ёро рицурё*» с некоторыми изменениями и дополнениями был основным правовым сводом Японии почти тысячу лет, вплоть до периода *Мэйдзи* (1867–1912). Так, принятый в 1742 г. «*Кодекс из 100 статей*» воспринял многие положения прежних двух редакций кодекса эпох Тайхо и Ёро. Его историческое значение было таковым, что во время его активного правоприменения в VIII–X вв. в Японии сформировалось «правовое государство» (яп. *рицурё кокка*), соблюдался режим законности, в отличие от последующей эпохи, когда произошло резкое падение самой идеи права и значения закона в культурной жизни японцев⁴.

Первоначально кодекс «*Тайхо рицурё*» состоял из 11 свитков по административному и гражданскому праву (*рё*) и 6 свитков по уголовному праву (*рицу*). Первые подытоживали реформаторскую деятельность периода *Тайка*, а вторые основывались на танско-китайском законодательстве и впервые вводились в Японии.

¹ Так, в хронике «Сёку Нихонги» было описано, как сначала вводились в действие новые нормы *рё* по всей стране: «[I-й год Тайхо, весна] 3-я луна, 21-й день. В соответствии с новыми законами произведено переименование учреждений, должностей и рангов... 4-я луна, 7-й день. Три человека... отправлены для разъяснения новых законов. Принцы, сановники и чиновники приступили к их изучению... 6-я луна, 8-й день. Оглашен указ: «Все дела следует вершить в соответствии с новыми законами...» Отправлены посыльные в семь округов для разъяснения новых законов относительно основ управления и сбора налогов».

² В «Сёку Нихонги» было отмечено так: «[II-й год Тайхо, весна] 2-я луна, 1-й день. В Поднебесной впервые роздано уголовное законодательство... 7-я луна, 10-й день. Государь повелел всем чиновникам – внутренним и внешним, гражданским и военным – изучать новые законы. 7-я луна, 30-й день. Впервые произведены разъяснения уголовных законов. В этот день были помилованы преступники».

³ Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 58–59, сн. 88.

⁴ Трикоз Е.Н. Указ. соч. С. 102–132.

Новая редакция кодекса под названием «Свод Ёро» представлял собой структурно измененный вариант прежнего кодекса Тайхо. Его положения были разделены на две неравные части: 10 уголовных и 30 гражданских законов. Свитки *рицу* насчитывали 497 статей, а свитки *рё* – 953 статьи. По сравнению с «Тайхо рицурё» около 300 статей было изменено на основе китайских образцов, хотя нормы *рё* сохранили свое достаточно самобытное содержание. По сути кодекс «Ёро рицурё» был ближе к китайскому аналогу «Юнхуэй люйлин» (650–655 гг.), чем к предшествующим японским сводам. И это был первый в японской истории опыт хотя и косвенной рецепции иностранного права, при которой заимствование китайских образцов не носило абсолютного характера¹.

По аналогии со своим прототипом – законодательством китайских династий Суй и Тан – японские кодексы Тайхо и Ёро включали предписания, регламентирующие почти все стороны жизни японцев. Сюда входили вопросы административно-территориального устройства, систематизации различных верований и культов, процедуры назначения на должности и аттестации чиновников, их обязанностей и полномочий и т. п. Таким образом, объединенный свод «Тайхо Ёро рицурё» содержал в себе как бы мини-кодексы различных отраслей права (гражданского, административного, семейного, земельного, уголовного, процессуального и др.).

В кодексе не проводилось четкого разграничения между администрацией и юстицией, частным и публичным правом, уголовным и гражданским судопроизводством². Здесь приобрели, по сути, публично-правовой характер нормы вещного, брачно-семейного и наследственного права, так как они были растворены в монолитном блоке предписаний административного и даже отчасти уголовного права.

Дошедший до нас почти полностью свод «Тайхо Ёро рё» структурно состоял из 30 законов-книг, большинство из которых посвящались политико-административному устройству и организации бюрократического аппарата. Определенная часть законов регламентировала вопросы частного права, в том числе земельной собственности и брачно-семейных отношений. Каждая из этих книг, объединенных в десять томов, посвящалась одной правовой тематике. Книги 1–5 описывали систему штатов и рангов чиновников, книги 6–7 были посвящены правовому положению священнослужителей, а положению крестьян, земельным наделам и налогам – книги 8–10, служебному продвижению чиновников – книги 11–15, особому положению служб дворца и вооруженным силам – книги 16–24, вопросам государственной службы – книги 25–27 и уголовному судопроизводству – книги 28–29. Заключительная 30-я книга объединяла различные нормы, среди которых введение единых мер и весов и др.

¹ Воробьев М.В. Японский кодекс «Тайхо Ёро рё» (VIII в.) и право раннего Средневековья. М., 1990. С. 9.

² Янаги Харуо. Кэмпо ёко («Общий очерк конституционного права»). Курумэ, 1984. С. 14.

1.3. Формирование институтов традиционного японского права

Качественное состояние традиционного права японцев (или средневековой правовой системы) развивалось по своему собственному пути, независимо от западной традиции¹. Так, вместо практики социального давления и протеста японцы предпочитали замирительные процедуры и акты примирения, оказываемые через посредничество влиятельных семей и сплоченной местной общины. Разработано было всего лишь несколько правил, предписывающих каким образом следует разрешать споры, не доводя до суда. Те же, кто подавал жалобу и представал в суде по уголовному или гражданскому делу, подвергался публичному и семейному унижению, поскольку нарушал доктрины конфуцианства и традиционный японский принцип гармонии².

Ближайшим аналогом западноевропейского адвоката в средневековой Японии можно условно признать так называемого *кудзиси* (*kujishi*), который по совместительству был трактирщиком (держателем корчмы и гостиницы), в связи с чем часто оказывал консультационную помощь и при заключении сделок. И только к XVIII в. эти владельцы недвижимости в Эдо стали официально предлагать свои юридические услуги для постояльцев³.

Статичное японское общество в период традиционного права препятствовало развитию коммерческой деятельности и частной инициативы, очевидно, не желая и не нуждаясь в развитом правопорядке и режиме законности.

1.3.1. Правовое положение японцев

Социальный строй средневековой Японии складывался как сословно-ранговая структура, которая соединялась со специфическим административно-правовым статусом подданных.

Так, в эпоху раннего государства *Ямато* социальная структура была двухуровневой: 1) сословие полноправных свободных (*ō-бито* – общинная знать и *удзи-бито* – рядовые общинники); 2) низшие сословия (*нухи* – патриархальные рабы и *эмин* – неполноправные, но юридически свободные чужаки, не входившие в общинный коллектив)⁴. Но знатные роды уже

¹ Japanese law. Written by the Editors of Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Japanese-law> (дата обращения: 01.02.2020).

² Uchtmann D., Blessen R., Maloney V. The Developing Japanese Legal System: Growth and Chance in The Modern Era // *Gonzaga Law Review*. Vol. 23. P. 349.

³ Jones J. A brief history of lawyers in Japan // *Mutantfrog Travelogue*. Retrieved 6 August 2014.

⁴ Суровень Д.А. Правовое положение населения в древней Японии // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. науч. статей*. Курск, 2010. С. 133–155.

имели внутренние иерархические различия: в зависимости от их политического веса и генеалогии («царского» происхождения или нет). Это дополнялось практикой принятия особых личных имен и присвоения наследственных клановых, особо почетных званий (яп. *кабанэ*), которые нередко зависели от профессиональных функций и мест расселения¹.

В период правления принца-регента Умаядо (Сётоку) был введен *Табель о рангах* 603 г., своего рода система двенадцати рангов (12-ступенчатая система головных уборов и рангов) как для мужчин, так и для женщин. Эта система классификации придворной и региональной элиты японского государства, главным образом была направлена против клановости японской политики. Знатные *родомудзи* были лишены своих древних прав на определенный титул и звание и не могли уже передавать их по наследству. Новая ранговая система заложила основы для развития не знатных, но профессиональных и талантливых чиновников, ведь ранги (в отличие от титулов) жаловались центральной властью за личные заслуги и лишь на время службы; система способствовала преодолению клановых междоусобиц и в целом централизации власти².

Постепенно социальная структура средневековой Японии приобрела более многополюсный характер. Вследствие сословно-правовых *реформ Тайка* простые люди получили новый статус свободных граждан (*комин*), хотя по существу оставались на положении рабов, которыми бесконтрольно распоряжалось государство. Все подданные подразделялось на две большие социальные группы: *рёмин* – свободные (от аристократа до крестьянина) и *сэммин* (букв. «подлый народ») – несвободные всех категорий, или так называемые презираемые: полусвободные и частные рабы (*синухи*)³.

Правовой статус свободного крестьянина, превратившегося после «Манифеста Тайка» 646 г. из обычного общинника в государственного крестьянина, подробно закрепили в *Закоме VIII* кодекса «Тайхо рицурё». Ряд его статей определяли положение крестьянского двора как хозяйственной, организационной, военно-учетной и податной (фискальной) единицы административной системы Японии.

И хотя правовой статус подданных получил определенную значимость в своде законов, японцы все еще были далеки от понятия субъективных прав и их судебной защиты.

¹ Волков С.В. Служилый слой на традиционном Дальнем Востоке. М., 1999. С. 198; Мещеряков А.Н. Рецензия на: Richard J. Miller. Ancient Japanese Nobility. The Kabane Ranking System. Berkeley-Los Angeles-London, 1974 // Народы Азии и Африки. 1978. № 1. С. 234–235.

² Суровень Д.А. Введение в Ямато в 603 году системы двенадцати рангов (по материалам японских и китайских источников) // Наука и просвещение: материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2011. Ч. 3. С. 47–59.

³ Воробьев М.В. Некоторые формы зависимости в древней Японии // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. М., 1984. С. 242.

Специфическая старояпонская *форма рабовладения* была основана на тесной взаимосвязанности домашнего рабства и института *бэмин*, их взаимной интеграции на основе патриархальных отношений. Слабое развитие классического рабовладения было связано с характером местной общины (*удзи*) и особенностями земледелия, невозможностью создавать крупные латифундии в островной и гористой стране с малонаселенной территорией¹.

Свод «*Тайхо Ёро рицурё*» дополнил сословно-классовую стратификацию новым административно-правовым статусом: была введена система должностных категорий и дворцовых рангов для правительственных служащих. Важным свидетельством и одновременно традиционным средством поддержания закрытости аристократического общества Японии служило так называемое *право тени*. Согласно этому институту дети чиновников с первого по пятый ранг уже с рождения наделялись «теневыми рангами», которые после совершеннолетия автоматически, без экзаменационных испытаний конвертировались в достаточно высокие «настоящие» ранги. Исследователи полагают, что в Японии практика применения этого «права тени» проводилась с большей последовательностью, чем в Китае, что еще раз подтверждает более закрытый характер японского общества².

Закон I кодекса «*Тайхо Ёро рё*» содержал Табель из 19 рангов (яп. *ви*) – от первого класса «старших царевичей» до начального (самого младшего) ранга, и перечень постов (яп. *кан*) – от министра до писца, разделенных соответственно на «благородные» и «неблагородные» ранги, «высокие» и «низкие» посты. Этот закон-*рё* был поставлен на первое место в кодексе потому, что фактически определял новую структуру чиновничества в царстве Ямато, заменив собой предшествующие табели о рангах. На предыдущую систему ранжирования оказывала большое влияние корейская государственная практика, уступившая отныне место китайской, в которой переход чиновника из одной сетки ранжирования (столичной или провинциальной) в другую был весьма затруднен.

Каждой должности соответствовал определенный ранг. Все государственные служащие делились на две основные группы: военные (*букан*) и гражданские (*бункан*) чиновники. *Закон XVII* кодекса регламентировал правовое положение военнотружущих и описывал таким образом всю во-

¹ Особый географический рельеф японских островов, их большая протяженность при малой ширине, пересеченность несколькими горными хребтами и фактически повсеместный выход на морское побережье привели к обособлению ряда районов, которые могли существовать вполне самостоятельно. См.: Мещеряков А.Н. Ранняя история японского архипелага как социоестественный и информационный процесс // Восток. 1995. № 5. С. 5–22; Хисао Мацуока. Особенности японского феодализма // XIII Международный конгресс исторических наук (г. Москва, 16–23 августа 1970 г.). М., 1970.

² Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 52.

енно-административную структуру: территориальные (местные) отряды, пограничные части, дворцовую охрану, мобилизацию, прохождение службы и т. д. В то время не было регулярной армии, и при необходимости она формировалась из территориальных частей, которые после выполнения боевой задачи возвращались в свои местные округа.

Назначение на гражданские посты зависело от того или иного ранга и обуславливало всю социально-административную структуру из более чем полутысячи должностей для ранговых лиц. Например, самую верхнюю ступень этой лестницы занимал старший государственный министр – *дадзё дайджин* (из могущественного рода Фудзивара), возглавлявший высший административный орган *Дадзёкан*, в который входили два его помощника (левый и правый министры) и глава Коллегии государственных советников. Младший же начальный ранг нижней ступени получили писцы государственных учреждений.

Закон XII кодекса устанавливал правило, что все придворные ранги присваиваются только императором или центральными ведомствами, в то время как некоторые посты, особенно в провинциях, фактически были наследственными. Их занимали главы местных влиятельных родов. Одной из специфических черт социальной системы в эту эпоху было обособление на местах социальной группы с исключительным статусом – *гундзи*, которые были главами новых административных единиц и территориальных образований на периферии. *Гундзи* назначались пожизненно из представителей могущественных местных домов, получали большее количество земельных владений, чем стоявшие выше их по должности и положению *кокуси*, назначавшиеся обычно на определенный срок. Кроме того, *гундзи* были наделены рядом судебных полномочий и руководящими функциями в военной сфере¹.

Пожалование ранга всегда производилось лицам старше 25 лет (либо же лицам из знатных семей с 21-го года), а по достижении чиновником 70 лет и более ему разрешалось уходить в отставку по возрасту. Согласно ст. 6 *Закона VIII*, устанавливались следующие возрастные рубежи: до 3 лет – ребенок, до 16 лет – подросток, до 20 лет – юноша или девушка, от 21-го года – взрослый или взрослая, от 61-го года – старик или старуха, от 66 лет – престарелый или престарелая.

Закон XIV кодекса детально описывал две важные процедуры: *ко* – оценка заслуг и провинностей, и *ка* – экзаменационная проверка способностей лиц, окончивших казенные школы. По результатам аттестации уже решался вопрос о карьере чиновника (повышение, понижение, оставление в прежней должности и ранге), а по итогам экзаменов – вопрос о пригодности кандидатов к службе в государственных учреждениях. Общим кри-

¹ Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 75.

терием присвоения одного из девяти аттестационных разрядов служили *сай* (высшая аттестационная оценка) и *дзэн* (достоинство).

Из 80 статей *Закона II* кодекса больше половины были посвящены штатам восьми основных министерств (самое высокое место занимал *Дзингикан* – Совет по делам религии синто), пять статей – штатам других ведомств, шесть – штатам дворцовой охраны, а остальные – штатам провинциальных органов. Например, согласно ст. 30 из компетенции японского Министерства юстиции (*Гёбусё*), ведавшего не только наказаниями, но и разбором уголовных и гражданских дел, были изъяты дела знатных семей и чиновников, имевших пятый придворный ранг и выше, так как они были подведомственны Министерству гражданской администрации. В соответствии со ст. 58 особая Палата цензоров (*Дандзётэй*) наблюдала за нравственной стороной деятельности чиновников государственного аппарата.

В числе основных нравственных достоинств чиновника назывались добродетель и верность долгу, чистота и искренность, справедливость, неустанное усердие и трудолюбие. Относительно каждой должности перечислялись особые требования служебного соответствия (в том числе и тогда, когда чиновник последовательно внедряет ритуальные правила *рэй*, беспристрастен, хорошо докладывает и выполняет распоряжения).

Законными основаниями увольнения чиновника считались следующие четыре: отставка по возрасту или болезни, отрицательная аттестация, несдача экзамена на должность и совершение тяжелых преступлений.

В отдельную социальную категорию, имевшую также тесную связь с административной системой, выделялись *духовные лица*, в том числе монахи и священнослужители синтоистских и буддийских храмов. Так, *Закон VI* кодекса устанавливал среди прочего нормы о положении храмовых слуг, а *Закон VII* регулировал правовое положение буддийских монахов, которым, в частности, строго запрещалось приобретать в частное владение садовые участки, дома и имущество, заниматься торговлей и ростовщичеством. И если монах или монахиня инициировали судебный процесс по частному делу и посещали казенное учреждение, то они могли временно выступать там как миряне.

В.Н. Ерёмин справедливо замечает, «в нормах этих законов воплотились идеи общества социального неравенства, где знать и чиновничество наделены особыми привилегиями, крестьянство сведено в пятидворки, цемнтируемые круговой порукой, экономической основой являются налоги и трудовая повинность, а стабильность строя и повиновение подданных обеспечивает сложный чиновничий аппарат»¹.

¹ Ерёмин В.Н. История правовой системы Японии. М., 2010. С. 71–72.

Например, согласно *Закону X* кодекса выделялись следующие виды трудовой повинности и обязательных взносов: *бу* – это взносы провинций центру; *те* – это подушная подать; *ё* – это замещающая натуроплата, внесение продуктов сельского хозяйства вместо трудовой повинности; *гисо* – это взносы вспомоществования, вид дополнительного налога; *яку* или *сайяну* – это государственная ежегодная трудовая повинность; *дзацуё* – это разные местные трудовые повинности.

Именно тогда сформировалась знаменитая японская социальная паутина обязанностей и долга, основанная на ритуально-этических предписаниях *гири* и социальных регламентах, в которых намертво «запутывался» каждый японец с самого рождения. Различались два вида своеобразных и весьма жестких обязательств, или социальных приказов, которые управляли жизнью каждого жителя этой страны: 1) пассивная форма «он», относившаяся к основным понятиям этики, и безоговорочно ставившая в положение должника любого, кто получал услугу («милость») от других людей (яп. *ондзин*): родителей, наставника, начальника или государства как такового (или *ко-он* – «милость императора»); 2) активная форма обязанностей «*гири*» как вечный неоплачиваемый «долг поведения», тяготеющий над каждым японцем с самого рождения (например, вечный долг перед императором, государством и Японией, или обязанности по отношению к вышестоящим).

С точки зрения социального положения суть *гири* была в определенной манере поведения, чтобы «не потерять лицо», не совершить чего-либо предосудительного и задевающего честь семьи или имени (профессиональная ошибка, нарушение обещания, неоказание взаимной услуги, и даже просто неуважение к самому себе).

Весьма специфичным и по большей части привилегированным было положение *женщины* в японском обществе. Например, попадая в окружение императорского двора, женщины наравне с мужчинами могли получать свои ранги, звания и должности. Их социальный статус и правовое положение были более либеральными по сравнению, например, с танским Китаем, где существовал жестокий обычай умерщвления новорожденных девочек. В Японии же рождение девочек всегда приветствовалось, ведь оно давало потенциальную возможность выгодного замужества и поднятия социального престижа семьи. Это подтверждается существованием многочисленных «императриц» и часто практиковавшейся матрилокальностью в японском социуме.

1.3.2. Регулирование имущественных и семейных отношений

Большая часть норм в области поземельных и семейных правоотношений оставалась в компетенции обычного права и традиционных практик на местах. Однако в своде «*Тайхо Ёро рицурё*» можно выделить ряд законоположений, регламентирующих порядок землепользования и формы собственности на землю, например такие *формы собственности на землю*, как казенная (государственная), общественная и большесемейная. Казенные земли предназначались для раздачи наделов, среди которых самыми крупными были должностные и ранговые наделы чиновников. «Царские поля» обрабатывались земледельцами из корпорации неполноправных свободных *табэ*, а снятый с них урожай хранился в особых «государевых амбарах». В общественной собственности находились леса, горы, пустоши, пастбища, которыми мог пользоваться каждый.

Частные земли были обозначены в кодексе термином *сити*, а символом частной собственности считалась веревка из рисовой соломы (яп. *симэ*), завязанная жгутом на изгороди по всему периметру рисового поля в знак запрета ступать на эту территорию посторонним¹. Различалось несколько способов приобретения права частной собственности на землю и другие вещи (передача по договору, судебному решению или распоряжению властей, путем захвата бесхозной вещи, в случае обнаружения клада, и др.).

В основу всей надельной системы землепользования был положен *Закон IX* свода. Он, в частности, устанавливал порядок предоставления и использования земельных наделов, площадь налогооблагаемой земельной единицы, размер зернового (рисового) налога, разные виды земельных наделов, приусадебные участки и наделы рабов, запрещение дарения земель буддийским монастырям и др.² Основными единицами надельной системы были простые подушные наделы (*кубундэн*), т. е. пашни, выделяемые государством на двор по числу душ, в зависимости от сословия и пола держателя, количества и качества земли в данной местности. В отличие от приусадебных и садово-огородных участков, которые получал каждый двор в постоянное пользование, пахотные земли *кубундэн* нельзя было закладывать или сдавать в аренду. А в случае смерти держателя надела пахотное поле подлежало возврату в казну (ст. 21 *Закона IX*).

Кроме *кубундэн*, были также привилегированные земельные наделы, которыми наделялись представители правящего сословия, а именно: должностной надел (*сёкубудэн*) и ранговый надел (*идэн*), предоставлявшийся в

¹ Суровень Д.А. Регулирование вещных отношений в древнеяпонском праве // Право. Законодательство. Личность. Саратов, 2008. Вып. 3. С. 129.

² Подробнее см.: Конрад Н.И. Надельная система в Японии // Избранные труды: история. М., 1974.

пожизненное пользование. Размеры наделов за заслуги (*кодэн*) и дарованных именным императорским указом (*сидэн*) не регламентировались и выдавались в пользование на несколько поколений.

Что же касается общинной земли, то здесь после реформ *Тайка* господствовал режим пятидворок. Переделы земли происходили каждые шесть лет. В случае если та или иная семья крестьянина-общинника сбегала со своего надела, то на четвертый год их отсутствия они исключались из подворного реестра, а их земельный участок возвращался в казну, не дожидаясь года передела земли (ст. 10 *Закона VIII*).

Свод «*Тайхо Ёро рё*» также указывает, что собственники могли владеть не только землями и строениями, но и различными движимыми вещами, такими как рабы, домашний скот и другое имущество (ст. 18 *Закона XXX*). Особый правовой режим устанавливался для бесхозных и потерянных вещей, а также для вещей, изъятых из гражданского оборота (например, оружие, места захоронения).

Договорное право в кодексе регулировалось всего десятком статей. Описаны были такие договоры, как купля-продажа, аренда, наем, заем, ссуда, хранение. Условия их заключения жестко регламентировались, и отступление от них нередко влекло наказание по нормам *рицу*.

Определения договора как такового не было, но закреплялись отдельные его признаки как «частного обязательства» (добровольность, двусторонний характер, обязательная сила), а возникающие правоотношения влекли за собой обязательства частных лиц (*сикэй*); не допускалось, «чтобы казенные ведомства регулировали [частные сделки]» (ст. 19).

Согласно *Закона XXX*, среди условий действительности договора были следующие: 1) наличие разрешения главы семьи на совершение сделки подвластными членами; 2) отсутствие принуждения к заключению договора – хитрости, насилия или обмана; 3) завышение или занижение цены на предметы торговли считается таким же преступлением, как и сокрытие казенного имущества; 4) стоимость товара должна была обязательно согласовываться с владельцем товара (*буссю*), а предлагаемая цена не должна быть сильно разнящейся от существующей; 5) собственник вещи должен был предоставить контрагенту такую вещь, которая не имела бы скрытых изъянов, не была украденной, изъятой из оборота или непригодной (как «плохой товар»), а соответствовала бы предъявляемым к ней требованиям покупателя; 6) ограничения на занятие торговлей для знатных людей: «Царевичам и [чинам] пятого ранга и выше нельзя содержать базарные лавки (*итиси*) и торговать [в них] через [своих] телохранителей, дворовых холопов или частных рабов» (ст. 24 *Закона XXX*); 7) не разрешалось вывозить за границу запрещенные предметы и торговать беглыми или похищенными рабами.

В договорной практике были широко представлены сделки займа и ссуды. Так, различались *договоры займа* рисом и другими товарами,

предоставляемые частными лицами, как правило, под 100% годовых, и сезонные государственные займы (яп. *кō-суйко*), погашаемые по ставке 50% во время сбора урожая.

В своде встречается три разновидности *договора найма*: личный наем (яп. *вакō* – «наем мастеров по уговору»), наем услуг и наем работ. Например, в ст. 22 *Закона X* речь идет о найме работников на казенные работы (кровельщиков, строителей амбаров и др.). Законодательно устанавливалась длительность рабочего дня и размеры наемной платы (исходя из средней дневной выработки холста). Наконец, свод законов подробно регламентировал *договор аренды земли* (яп. *тинсо*). Так, провинциальные чиновники должны были сдавать в аренду сроком на один год рисовые поля, оставшиеся свободными после распределения земель. Полученная арендная плата отправлялась в столицу для покрытия государственных расходов (ст. 11 *Закона IX*). Можно было свободно сдавать в аренду садовые участки и заброшенные рисовые поля, находившиеся в запустении три года и более.

Брачно-семейное устройство средневековой Японии определялось патриархально-клановыми обычаями и семейными ритуалами *гири*. Это касалось особой формы японского брака (яп. *цумадои* – «посещение жены»), при котором муж не вводил жену в свой дом, а навещал по ночам в доме ее родителей.

Заключение брака проходило в два этапа: сначала помолвка, или «назначение брака» (сговор или предварительное соглашение родителей о заключении брачного союза между их детьми), а затем собственно «вступление брака в силу». Эту стадию в браке *цумадои* сопровождал архаичный предварительный ритуал (или обряд *токоро-араваси* – «обнаружение места»): жених накануне три ночи подряд посещал покои своей невесты, после чего в случае согласия родственников к изголовью молодой четы подсовывалось блюдо с ритуальным кушаньем – красными и белыми лепешками¹.

Брачное соглашение могло быть расторгнуто без каких-либо последствий, если срок между назначением брака и его действительностью превышал три месяца, либо при безвестном отсутствии жениха в течение одного месяца, или он «попал в плен к внешним варварам и не вернулся домой в течение одного года, или был сослан или наказан за тяжелое преступление».

К такому же результату приводило несоблюдение условий действительности брака: например, недостижение возраста брачного совершеннолетия для мужчин – с 15 лет и женщин – с 13 лет, неравный сословный статус жениха и невесты, «порочность» их добрачных отношений. Так, если

¹ См. подробнее: Суровень Д.А. Возникновение и развитие брачно-семейных отношений и их правовое регулирование в древней Японии. Saarbrücken, 2012.

сначала совращали женщину насильственным образом либо вступали с ней в незаконную связь по взаимному согласию, а потом ее отец и мать разрешали брак, то хотя лицо, совершившее такое прелюбодеяние, получало впоследствии прощение, но брак все равно подлежал расторжению. Эта норма была прямо заимствована из норм конфуцианской морали «*ли*», относящихся к нарушениям брачного ритуала. Под страхом наказания было запрещено похищение невесты, о чем прямо говорилось в ст. 45 уголовного кодекса «*Тайхо Ёро риццу*»: «Если [похищенного] насильственно превращают в жену, наложницу, сына или внука, то [виновному] – 2,5 года казни».

В браке *цумадои* супруг мог свободно посещать жену, сохраняя фактически раздельное жительство с нею и даже пользуясь услугами наложниц. Такая специфика хотя и не лишала брачный союз моногамного характера, но, безусловно, накладывала свой отпечаток на взаимоотношения супругов. Среди прочего это предоставляло женщине более значительную самостоятельность в домашних делах и наследовании имущества.

Достаточно часто встречался так называемый *матрилокальный тип брака*, при котором муж переселялся в дом родителей своей жены и формально усыновлялся, становясь «старшим сыном» семьи. Такой союз обычно заключался, когда единственным наследником в семье была дочь. Именно поэтому здесь допускался более ранний возраст вступления в брак (в записях отмечены даже случаи трехлетних невест).

Из конфуцианской традиции были заимствованы семь *оснований развода* по инициативе мужа, так как беспричинный развод влек за собой запрещение нового брака (ст. 28 *Закона VIII*). Это бездетность жены (точнее отсутствие мужского потомства), распущенность, ревность, вороватость, а также развратное поведение, непослушание родне мужа или «дурная болезнь» (проказа или другая заразная неизлечимая болезнь). В первых четырех случаях разведенная супруга могла воспользоваться особой привилегией остаться в доме мужа, если у нее не было своей семьи (например, умерли родители) или же она была знатнее мужа и тем самым повысила его социальный статус. Жена имела право на развод лишь в случае пятилетнего безвестного отсутствия мужа или тяжкого оскорбления им ее родителей.

Сама процедура расторжения брака была весьма упрощенной: супруг выдавал жене соответствующую бумагу со своей подписью либо прикладывал отпечаток пальца в случае неграмотности, а родители с обеих сторон должны были подписать эту «разводную бумагу», или, как ее называли, «три с половиной строчки» (яп. *риэнджэ*), указывавшие на то, что «плохая жена» должна немедленно покинуть дом мужа. Если покинутая жена не располагала собственными средствами к существованию, то одним из вариантов решения проблемы был уход в монастырь, другим – стать *гейшей*. После расторжения брака приданое жены подлежало возврату в ее

семью, и она не имела права забирать с собой своих детей. Хотя здесь была одна оговорка: «Если от приведенных ею рабынь есть дети, то их следует [также] вернуть» (ст. 29).

Свою особенность имели брачно-семейные устои при *императорском дворе*. Если моногамия в браке была обязательна для простого народа, то для представителей высших сословий допускалась полигамия. Так, *Закон XIII «О преемственности и наследовании»* содержал нормы об условиях законности высочайших браков.

По древнеяпонскому *обычаю многожёнства* император, представитель знати или чиновничества могли иметь по четыре жены и наложниц. Но главной была первая жена, и именно от нее дети и внуки (в частности, старший сын) считались законными наследниками.

В крестьянских семьях после смерти отца никакого раздела имущества не происходило, и потому все младшие братья оставались в семье на положении зависимых от старшего брата либо уходили из дома без имущества. Эта проблема «вторых сыновей» по сей день актуальна для Японии, особенно в сельском хозяйстве, потому что они вынуждены искать работу на стороне.

В средневековом японском праве был широко распространен институт *усыновления*, причем приемные дети пользовались даже большими правами, чем кровные родственники. Так, например, в пятидворках общинников, согласно ст. 2 *Закона VIII*, бездетным разрешалось усыновление соответствующих положению отца родственников, но с тем чтобы степень родства была не далее четвертой, для соответствия возрастов отца и сына (например, 30 и 15 лет, 40 и 25 лет и т. д.). Институт усыновления гарантировал преемственность в любой сфере деятельности и тем самым способствовал закреплению «аристократического» принципа организации японского общества¹.

Наследственному праву в своде «*Тайхо Ёро рё*» посвящен *Закон XIII*, касавшийся, прежде всего, наследования по закону в знатных семьях (яп. *кейси*).

Законным наследником и основным правопреемником считался «*тякуси*» – старший сын от первой жены. Была также возможна субституция, или замена наследника: «Если законный старший сын совершил преступление [или] тяжело болен (под преступлением подразумевается пристрастие к вину, а также другие преступления, когда человек становится недееспособным в будущем; под тяжелой болезнью подразумевается неизлечимая болезнь) и поэтому не может наследовать, то надлежит уведомлять соответствующее управление. Проверив истинное положение дел, разрешать замену», в частности, его младшего брата от той же матери,

¹ Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 51, сн. 53.

старшего родного внука, либо старшего сына от второй жены (ст. 3 *Закона XIII*).

В состав наследуемого имущества входили рабы (*кэнин* и *нухи*), рисовые поля, приусадебные участки со строениями и проч. Согласно ст. 23 *Закона VIII* из наследственной массы исключалось личное имущество старшей жены и имущество, полученное во владение от государства за службу и особые заслуги.

Если наследники оставались жить вместе и вести общее хозяйство, то раздела имущества наследодателя на наследственные доли между ними не производилось. В противном случае доли в имуществе определялись согласно ст. 23 в зависимости от очереди наследников. Так, наследники первой очереди – старшая мать, мачеха и теща, старший сын получали по две наследственные доли; остальные сыновья – по одной доле; дочери и младшие жены получали половину доли. Наследниками второй очереди могли быть только внуки (но не внучки) наследодателя, а также тетки и сестры умершего наследника первой очереди, получавшие половину доли сыновей наследодателя. Наследниками третьей очереди становились вдовы (старшие и младшие жены умерших наследников).

О начале формирования института *завещания* свидетельствует следующее положение из той же статьи 23 свода: «В случае... если были сделаны прижизненные распоряжения (яп. *нити-сёбун*) и есть достаточные [тому] доказательства, то эти правила [о разделе имущества при наследовании по закону] не применять». Но такие завещательные распоряжения могли касаться лично нажитой или унаследованной собственности. Но закон нигде прямо не ограничивает распоряжения имуществом на случай смерти, из чего делается вывод, что наследодатель мог распорядиться по завещанию всей наследственной массой¹.

1.3.3. Особенности уголовного права и процесса

В административно-гражданском своде «*Тайхо Ёро рё*» выделяется целая группа уголовно-правовых предписаний и процессуальных статей.

В отдельной *книге XXIX* под названием «Уголовные дела» (яп. *гоку рё*) описывались принципы назначения наказания и порядок исполнения судебных решений по делам об уголовных преступлениях (*дангоку*), а также иные вопросы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права. Частично упоминались такие основополагающие правовые принципы, как принцип законности (ст. 41), «запрета поворота к худшему» (ст. 31) и др. Здесь закреплялись положения о юрисдикции уго-

¹ Суровень Д.А. Наследственное право в древней и раннесредневековой Японии... С. 251.

ловных судов, правила возбуждения уголовного дела, предварительного дознания, допроса и применения пыток, апелляции и пересмотра судебных решений. Приговор к смертной казни тоже мог быть заменен на самоубийство в собственном доме – *дзидзин* – либо на царское «амнистирование» путем замены на высылку или откуп от смертной казни. Рассматривались также основания направления на каторгу и в ссылку, как правило, по политическим преступлениям, правила содержания в местах заключения и ссылки, порядок конфискации имущества, назначение совокупного наказания *дзёмэн* (например, лишение поста, ранга или государственной награды и одновременно исключение из семейных списков).

Со структурной точки зрения можно условно выделить блоки норм общей и особенной части уголовного права. Однако материальные и процессуальные нормы еще строго не разграничивались в сводных актах Японии.

Своеобразная *общая часть «Тайхо Ёро рицу»* включала семь статей, из которых первые пять описывали различные виды наказаний (розги, палки, каторга, ссылка, смертная казнь), еще одна статья закрепляла классификацию восьми тяжких преступлений, а последняя под названием «Шесть [категорий] достойных» отражала основной принцип назначения наказания – учет сословно-рангового положения преступника.

В статье о *классификации уголовных деяний* описывалось восемь тяжких преступлений (яп. *хатигяку* – «восемь злодеяний»), разграниченных на две основные категории: тяжкие государственные преступления и преступления против общественных норм морали.

В *первую категорию* входили самые серьезные государственные преступления: мятеж; государственная измена; разрушение государевых жилищ и усыпальниц (Общая часть, ст. 6, пп. 1–3).

Во *вторую категорию* были объединены следующие преступления: убийство близких родственников (начиная с деда и бабушки и включая собственного мужа); аморальные поступки (*фудо*); великая непочтительность (*дайфукё*); непочтительное отношение к родителям (*фуко*); нарушение долга (*фуги*).

В *Законе XIV* свода описывался состав *сидзай* – служебного проступка, совершенного в личных интересах (например, получение взятки). Это расценивалось как своего рода частное («личное») преступление, оно не относилось к общеуголовным деяниям, ибо за него не назначалось ни одно из пяти крупных наказаний (битье кнутом, битье бамбуковыми палками, каторжные работы, ссылка, смерть). Более того, провинившийся чиновник мог откупиться от наказания за такое «личное» преступление медью, и в этом случае его должностная аттестация не понижалась.

Закон XVII кодекса содержал нормы об ответственности за воинские преступления. При этом в боевой обстановке главнокомандующему разрешалось самостоятельно выносить решения и приводить в исполнение наказания, включая смертную казнь (например, когда подчиненные не вы-

полняют боевых приказов, плохо или неправильно выполняют боевые задания, недостаточно или плохо вооружены).

В зависимости от категории преступного деяния решался вопрос о выборе вида основного наказания. Первые четыре преступления влекли за собой исключительно смертный приговор. По наиболее тяжким преступлениям было запрещено применять амнистию, они к тому же влекли назначение дополнительного наказания в виде конфискации имущества. Включённые во вторую категорию так называемые *асоциальные преступления* варьировались по виду и мерам наказания в зависимости от состава деяния и обстоятельств его совершения. Например, за *фудо* в виде изготовления и хранения ядов следовало повешение, а за избиение мужа – 100 палок; за *дайфукё* в виде кражи или подделки личной государственной печати и регалий следовало повешение, а за ошибку при сервировке государственного стола или подаче табуированных кушаний – 3 года каторги и т. д.

В пенитенциарную систему по «*Тайхо Ёро рицу*» входило три подсистемы наказаний: основная шкала наказаний (яп. *сюкэй*) и две специализированные. Так, подсистема *сюкэй* была универсальной для всех слоев японского общества и включала пять видов экзекутивных мер: 1) смертная казнь, 2) ссылка, сопряженная с принудительными работами, 3) каторга, 4) битье розгами и тонкими бамбуковыми палками, 5) избиение плетью. По аналогии с Древним Китаем устанавливалось пять ступеней наказания за преступление: розги, палка, принудительные работы, ссылка, смертная казнь.

Специфически японским видом казни было сажание на деревянную лошадь, под которой разводили огонь, а также многочетвертование, когда приговоренному в первый день рубили палец, на следующий день – другой, и только по истечении второй недели таких пыток отсекали голову.

Две специальные группы наказаний использовались только для привилегированной прослойки правонарушителей: 1) так называемые «замещающие наказания» (яп. *канкэй*), например зачет наказания одной из должностей и откуп от наказания; 2) дополнительные наказания (яп. *фукакэй*), в частности лишение всех рангов и должностей, смещение с основной занимаемой должности и др.

В качестве промежуточной меры на время следствия, обжалования и других процедур применялось заключение под стражу. В законах детально регламентировалось, что разрешено или запрещено иметь заключенным, как «должно снабжать их одеждой, питанием, циновками, врачами, лекарствами» за счет конфискации их имущества и т. п.

За преступления и проступки духовных лиц назначались не только церковные наказания (например, *куси* – епитимья, переписка сутр, полировка статуи Будды), но и светские, т. е. сначала по уставу буддийского монастыря, а затем уже после расстрижения монаха – по «общегражданскому» уголовному кодексу.

В целом уголовная ответственность в эпоху Средневековья имела сословный характер. Так, простому рабу назначалось более строгое наказание, чем крестьянину за аналогичное преступление. Среди же шести групп привилегированных лиц, имевших право откупиться от наказания путем внесения в казну слитков чистой меди до 200 кг, выделялись две категории японской знати: первая и шестая группы (родственники царя и придворная знать) и остальные четыре группы «достойных», определявшихся царским повелением (старые друзья царя, мудрецы, великие таланты, лица с великими заслугами).

К Общей части свода «Тайхо Ёро рицу» по своему содержанию примыкает раздел первый «Уголовный закон о процедуре наказаний» (яп. *мёрэйрицу*). Он содержал определение различных уголовно-правовых терминов, регламентировал общие вопросы и порядок привлечения к суду, льготы при назначении наказания привилегированным лицам, рабам и крепостным, буддийским монахам, женщинам, престарелым и малолетним, вопросы возвращения или компенсации украденного, случаи совокупности преступлений, соучастия, рецидива, явки с повинной, основания освобождения от уголовной ответственности, а также вопросы применения амнистии.

В этот период уже разграничивались такие формы вины как умысел и неосторожность, случайное совершение правонарушения. При этом преступный умысел в виде умышления на убийство карался одинаково с оконченным составом убийства. Жестоко наказывалась такая форма соучастия, как подстрекательство, отягчающим обстоятельством признавалось состояние опьянения. В некоторых случаях вина смягчалась при таких обстоятельствах, как добровольное возмещение причиненного вреда, явка с повинной, активная помощь в раскрытии преступления и др.¹

Император считался единственным обладателем «ключей от жизни и смерти» подданных, решающим сохранить судебный приговор в силе или отменить его. Он являлся высшей апелляционной инстанцией.

Особенная часть «Тайхо Ёро рицу» объединяла разделы со второго по десятый. Так, раздел второй «Уголовный закон об охране императорского дворца» включал нормы о наказании за неявку стража на дежурство, проникновение в охраняемую зону, нелегальный переход заставы, проникновение злоумышленников на территорию замка и др. Раздел третий «Административно-уголовный закон» был посвящен ответственности за такие деяния, как критика государя, разглашение государственной тайны, умышленное изменение государева указа, незаконное использование государева имущества, преступления провинциальной администрации, взяточничество, присвоение казенного имущества, неправильное назначение чиновников, невыполнение служебных обязанностей, самовосхваление,

¹ Ерёмин В.Н. Указ. соч. С. 78.

нарушение правил документооборота и почтового сообщения, неуважение старших родственников и др.

Разделы с четвертого по шестой «*Уголовные законы о семье и браке, о казенных конюшнях и амбарах и о трудовой мобилизации*» были почти полностью утеряны. Предположительно они содержали различные уголовные санкции за нарушение норм, установленных в гражданско-административной части кодекса «*Тайхо Ёро рё*». Наконец, раздел седьмой «*Уголовный закон о мятеже, разбое и грабеже*» включал наказания за целый ряд политических (государственных) преступлений, а также преступлений против жизни и здоровья, против нравственности и религии (колдовство, кровная месть, надругательство над трупом), имущественных преступлений (более десяти разновидностей кражи, а также грабеж, разбой, вымогательство, незаконная подмена имущества) и др.

Государственные преступления по средневековому уголовному праву Японии являлись наиболее тяжкими. В их числе вооруженный мятеж, насильственный захват власти, насильственное удержание власти, разрушение или заговор с целью разрушения государева жилища или усыпальниц и синтоистских храмов, государственная измена (включая шпионаж), посягательство на жизнь главы государства, диверсия и др. Все они наказывались обычно смертной казнью¹.

Среди таких преступлений выделялся такой состав, как мятеж против государя. За него назначалась смертная казнь через обезглавливание, причем судебный приговор предписывалось выносить заочно. Родственники обвиняемых также подвергались уголовному преследованию и реальному наказанию: отцов, сыновей и дворовых холопов преступника обращали в казенные крепостные, а братьев, внуков и деда отправляли в дальнюю ссылку. Как покушение на мятеж, так и подстрекательство к нему влекло строгую уголовную ответственность, как, впрочем, и ложный обвинитель себя в участии в мятеже, за который полагалось три года каторги (раздел VII, ст. 3).

Особо тяжким преступлением считалась государственная измена. Как сам преступный замысел на измену, так и покушение на это преступление уже влекли смертную казнь через повешение. В Японии достаточно рано появилось понимание того, что государственная измена – это преступление, заключающееся в деянии, сознательно направленном против интересов государства, гражданином или служилым человеком которого является преступник (например, переход на сторону противника во время войны, разглашение государственной тайны, шпионаж, ведение переговоров с противником против воли государя).

¹ Суровень Д.А. Государственные преступления в древней Японии // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. Курск, 2011. Вып. 4, ч. 2. С. 128.

В подгруппе статей о *преступлениях против жизни* виды убийств разграничивались в зависимости от формы вины и обстоятельств деяния: 1) умышленное; 2) по неосторожности; 3) в драке. «Случайное убийство» также относилось к категории причинения смерти по неосторожности: «Если [кто-либо] случайно убьёт заключённого, то [виновного] судить по статье о грабеже заключённого», что означало приговорить к повешению.

Кроме того, квалификация содеянного зависела от объекта преступления и признаков специального субъекта. Так, самым опасным видом умышленного убийства, влекущим смертную казнь даже в случае простого приготовления или покушения на него, считалось *акугяку* – убийство близких родственников.

Среди *имущественных преступлений* одним из самых древних составов, ранее регулируемых обычно-правовыми нормами, было нарушение границ чужого земельного участка («разрушение межей» и «вбивание кольев»). Оно наказывалось изгнанием из общины как «небесное прегрешение» (яп. *ама-цу цуми*).

В целом в средневековой Японии проводилась жесткая уголовная политика по предотвращению и строгому наказанию случаев воровства и иных корыстных преступлений, особенно связанных с правительственной службой. Для искоренения этого зла были кодифицированы правила о расширении уголовной ответственности. Так, согласно ст. 54, если «в подведомственном [начальнику] районе кто-либо совершит кражу или же там будет допущено пребывание вора, то сельскому старосте – 40 розог (то же городскому районному старосте и квартальному старосте). Если происходят грабежи, то в каждом случае увеличивать наказание на одну ступень (при этом старшего начальника считать основным виновником, а [его] помощника – соучастником». Был введен институт рецидива, когда виновный, совершивший уже после отбытия наказания за предыдущие две кражи новое хищение, за которое предусматривалась ссылка, подвергался смертной казни без права на применение амнистии (ст. 52). За вымогательство чужого имущества и незаконную подмену казенного имущества судили по аналогии с простой кражей (ст. 38 и 43).

Разделы с девятого по двенадцатый не сохранились в оригинальной версии «*Тайхо рицурё*». Но известно, что это были уголовные законы о мошенничестве и подделках, а также разные уголовные законоположения, нормы о беглых, правила вынесения судебных приговоров и др.

Глава 2. Модернизация правовой системы

2.1. Развитие источников и институтов права в эпоху сёгуната

В целях историко-сравнительного исследования различают ряд периодов правового развития в условиях раскола государства, политической раздробленности, аристократического режима *сэккан* (правление регентов и советников) и последующего военно-аристократического режима сёгуната на протяжении IX–XVI вв.

Культурно-цивилизационным контекстом становления и развития японского права данной эпохи были такие обстоятельства, как падение роли императорского двора, возвышение влиятельных кланов и военных домов, занятие их членами ключевых позиций в *бакуфу*, система частновладельческих вотчин *сёэн/хан*, сословная дифференциация самураев и крестьян, принятие буддизма и выделение дзен-буддизма, рост владений буддистских и синтоистских храмов, разрыв официальных отношений с Китаем и др.

Рассматриваемая средневековая эпоха может быть разделена на следующие периоды.

I. «Правовые системы императорского дома и княжеских владений». Сложилась двухуровневая правовая система *тюдэй хо* (960–1230-е гг.), состоявшая из правовой подсистемы императорского двора (*кугэ хо*) и подсистемы права поместий (*ходзё хо*).

II. «Правовая система сёгуната Камакура». В период дуалистического правления прочные позиции закрепились за самурайским «правом воинов» и официальным сводом бакуфу «*Госэйбай сикимоку*» 1232 г. Складывается новая правовая подсистема воинов-самураев (*букэ хо*).

III. «Правовая система сёгуната Муромати». На этом этапе получили дальнейшее развитие законодательные акты систематизации в форме *сикимоку* и был принят новый свод «*Кэмму сикимоку*» 1336 г. В этот период новые законы практически не принимаются, делается акцент на обращении к традиционным нормам и заветам предков.

IV. «Правовые системы воюющих провинций». На этапе с 1477 по 1582 г. в условиях противоборства «разделенных/воюющих провинций» достигла своего апогея раздробленность японского средневекового права. Местные *даймё* распространяют свои правовые акты не только на сословие самураев, но и на отношения крестьян и горожан.

V. «Переходное право раннего Нового времени». Считается, что переходная историко-правовая эпоха в позднесредневековой Японии началась с обмера земель в 1582 г. и создания земельного кадастра, который, по сути, ликвидировал систему частновладельческих *сёэн*. Совершился переход от средневековья *тюдэй* к новому времени *кинсэй*.

Начиная с X и вплоть до XIX в. постепенно меняется сама форма государственного правления, идет трансформация политического режима, претерпевает модернизацию традиционная правовая система Японии¹.

Императорский дом постепенно утратил свою реальную власть, а вместе с ним стали уходить правовая стабильность, юридическая унификация и гарантированный сводом «*Тайхо рицурё*» режим законности². Это пророчило скорый распад единого правового поля вследствие ослабления авторитета имперских указов и законов *рицурё*. Впоследствии были приняты уже иные по форме, но также весьма важные и зрелые законодательные акты других правителей.

С 1190-х гг. начали создавать *первый сёгунат* как экстраординарную военную систему правления с центром в г. Камакура³. *Сёгунатом* в средневековой Японии (с 1192 по 1867 г.) называлось военное правление верховного аристократичного правителя *сёгуна* и его военно-полевой ставки *бакуфу*⁴.

Это была, по сути, военно-клановая олигархия, при которой император потерял свой былой авторитет главы государства, сохранив лишь формальные и церемониальные функции. Реальная же политическая власть на протяжении XII–XIX вв. находилась в руках военного правителя (титул *сэйи-тайсёгун*, «Великий сёгун, покоряющий варваров»), должность которого передавалась по наследству в рамках нескольких наиболее сильных кланов и знатных родов, хотя формально этот титул жаловался высочайшим указом императора. Была введена также особая должность *кёто-сёсидай* – «наблюдающий в Киото», представитель *сёгуна* в императорской столице, отвечавший за поддержание порядка. Высшие чиновники *родзю* жестко контролировали императорский двор, все публичные органы и госфинансы⁵. Довольно быстро *сёгун* присвоил право утверждать императора и порядок престолонаследия, назначать регентов и высших придворных советников.

Наименование фактического главы государства – *сёгун* – было заимствовано из китайского языка и переводилось как «генерал» (кит.

¹ Толстогузов А.А. Очерки истории Японии VII–XIV вв. Становление феодализма. М.: Восточная литература, 1995. 334 с.

² Titsingh Isaac. Nipon o daï itsi ran, ou, Annales des empereurs du Japon (Обзор императорских правлений в Японии). Paris, 1834. 460 p.

³ Mass J. Warrior government in early medieval Japan: a study of the Kamakura Bakufu, Shugo and Jito. New Haven: Yale University Press, 1974; Пасков С.С. Япония в раннее Средневековье. VII–XII века: исторические очерки. М., 1987.

⁴ Термин «бакуфу» означал «палаточный лагерь», которым обозначалось место расположения полководца, его военно-полевая ставка. См.: Mass P.J. Emergency of Kamakura Bakufu // Medieval Japan: Essays in Institutional History / Ed. by J.W. Hall, J.P. Mass. Stanford, 1988. P. 143–145.

⁵ См.: Court and Bakufu in Japan. Essays in Kamakura History / Ed. by J.P. Mass. Stanford, 1982.

jiāngjūn). В японских источниках понятие «сёгун» определяется как «полководец, по приказу императора становящийся во главе войска, которое подавляет какой-либо бунт или умирязывает варваров». Власть сёгуна в отличие от императора не имела сакральной составляющей, так как клановый лидер считался лишь главой администрации, эффективным управленцем и хранителем государства, мира и стабильности. В то же время сёгун опирался на привилегированный и авторитетный слой воинов – *самураев*¹, из которых назначались все чиновники в административные ведомства *бакуфу*.

Как сам сёгун, так и почти все его министры и помощники в «полевой ставке» (*бакуфу*) были *самураями*, выходцами из военного сословия². Прямыми вассалами были те князья-даймё, которые отправляли службу сёгуну в столице и управляли собственными провинциями, могли наделять своих арьер-вассалов земельными владениями на основе специального акта *содэхан кудасибуми*, который представлял собой «жалованную грамоту» даймё с его монограммой (*као*) на полях справа.

Уже к XIV в. сёгун признал вассальную зависимость Японии от Китая как самого могущественного соседа в Азии и передал право утверждения императоров китайскому правителю. Всевластие сёгуна и *бакуфу* пошатнулось еще сильнее в XV–XVI вв., когда усилилась междоусобная война и противостояние с собственными вассалами (*гэкокудзё* – «низы свергают верхи»), а также сильно выросло влияние буддийской церкви, стремившейся к автономии в японском государстве. К XVI в. оформилась новая система феодального землевладения – вместо прежних средних поместий типа *сёэн* возникли крупные княжеские землевладения *хан*³.

В период сёгуната поменялась типология и иерархия источников традиционного права Японии. Речь идет прежде всего о тех нормативных актах, которые становились *de facto* выше императорских указов и постановлений *тэнно*, оттесненных на второй план. Это в первую очередь были *распоряжения сёгунов*. Вторая авторитетная категория источников права этого периода в Японии – это *инструкции бакуфу*, которые постепенно сформировали значимый пласт средневекового права. Их распространение было вызвано центробежными тенденциями в провинциях и усилением военной власти сёгуна и других важных даймё (князей)⁴. Как следствие, «вы-

¹ Самурай (яп. *сабурау*; «служилый человек», или «слуга») – это воинское сословие крупных владетельных князей-даймё, их вассалов и арьер-вассалов из мелких дворян. Выступали в роли воинов-рыцарей, телохранителей даймё, слуг в бытовой жизни. Вооружались двумя мечами-дайсё, катаной или длинным луком. См.: Turnbull St. The Samurai: A Military History. Routledge, 1996.

² Friday K.F. Samurai, Warfare and the State in Early Medieval Japan. Routledge, 2004.

³ Филиппов А.В. Указ. соч. С. 81.

⁴ Mass J.P. Yoritomo and the Founding of the First Bakufu: The Origins of Dual Government in Japan. Stanford, 1999.

сочайший указ» императора уступил им свое место, а на смену императорским сводам *рицурё* пришли локальные правовые своды, издававшиеся по распоряжению правящих феодальных кланов, которые лишь приводили к расщеплению правовой системы на отдельные правовые порядки¹.

С точки зрения системы источников средневекового права большая часть нормативного регулирования в эпоху сёгунатов осуществлялась посредством издания актов законодательства *рицурё*. Они складывались на основе так называемой «текущей практики» или «исключений на практике» (яп. *гёдзи*). Например, при регламентации уголовно-правовой процедуры стали ссылаться на местные *обычаи*, морально-правовые обыкновения-*гири* и сборники *решений*, составленные региональными полицейскими органами².

В средневековом государственно-удельном законодательстве Японии можно различить четыре типа актов в зависимости от способа их внешнего оформления. Во-первых, это *кабэгаки* – приказы бакуфу, прикрепленные с целью обнародования на стенах ведомств и воротах храмов, и адресованные в основном административным чиновникам. Во-вторых, это *косацу* – тексты на деревянных дощечках в навершие шестов, которые стояли на перекрестках, площадях и рынках и распространялись на более широкую аудиторию. В-третьих, *гэтидзё* – судебные вердикты бакуфу и приказы военных домов, подписанные высшими чиновниками сёгуната завершающей фразой: «таково повеление». В-четвертых, это *хосё* – особая форма письменного послания высокого чиновника, составленная его секретарем и им же подписанная фразой: «передано так в соответствии с повелением»³.

Наиболее ранним и одним из самых известных источников стал кодекс «*Госэйбай сикимоку*» 1232 г. (яп. «Список наказаний», или «Судебные предписания правительства»), изданный в период *сёгуна* Камакура как величественный памятник самурайского законотворчества⁴. Как отмечается в литературе, это был первый документ, письменно закрепивший нормы обычного права военных домов средневековой Японии и составленный под влиянием китайской идеологии⁵.

¹ Попов К.А. Законодательные акты средневековой Японии. М., 1984.

² Ерёмин В.Н. Указ. соч. С. 84.

³ Полхов С.А. К дискуссии об обстоятельствах создания законов дома Оути // Ежегодник Японии. 2014. № 43.

⁴ Его другое название «Канто букэ сикимоку» означало «Кодекс воинов района Канто», а также популярно наименование «Список Дзёэй» по названию девиза императорского правления того периода. См.: Толстогузов А.А. Госэйбай сикимоку // Восток. 1992. № 1.

⁵ Гамалей М.С. Влияние социально-политических факторов на становление системы ценностей самурайского сословия // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2012. № 3. С. 11.

Ходзё Ясutoки (1224–1242) под своим председательством созвал законодательную комиссию из 13 государственных деятелей с участием влиятельных *самураев*, которым было поручено составить образцовый словесный кодекс, который был бы основан на восточно-японском обычном праве и устных самурайских «военных законах»¹.

Эти нормы самурайской этики и корпоративного права складывались на протяжении последних XI–XIII вв.² В их основе лежал «принцип Дао», на котором было основано самурайское понимание справедливости и закона высшей истины³. Одной из скрытых целей нового кодекса была необходимость более действенного контроля *Камакурского сёгуна* над западно-японскими подданными, поэтому предусматривались строгие уголовные санкции за мятежи и захваты земель⁴.

Кодекс «*Госэйбай сикимоку*», утвержденный 30 июля 1232 г., первоначально состоял из 51 статьи, которые были разделены на три тематические части: «Небо», «Земля» и «Человек». Они в свою очередь объединяли такие тематические подгруппы норм, как организация сёгуната – Сюго и Дзито (ст. 3–5, 38), иные чиновники (ст. 37, 39–40), буддийские монастыри и синтоистские святилища (ст. 1–2), собственность и землевладение (ст. 7, 8, 36, 43, 47), управление наделами (ст. 42, 46), купля-продажа наделов (ст. 48), наследование (ст. 18–27), уголовное право (ст. 9–17, 32–34), судопроизводство (ст. 6, 28–31, 35, 41, 44, 45, 49–51)⁵.

Нашли здесь отражение отдельные буддистские мотивы и традиции времен ранних японских текстов «*Кодзики*» и «*Нихон Сёки*» VIII в., в которых были легализованы гомосексуальные отношения между воинами⁶. Была одобрена практика *сюдо* (яп. «путь юноши»), которая включала в себя традиционные гомосексуальные отношения между взрослым и юношей. Еще ранее было распространено понятие *тудо*, описывавшее любовные

¹ Полхов С.А. «Госэйбай сикимоку» и уложение периода «воюющих провинций»: опыт сопоставления // Япония наших дней. 2014. № 1(19).

² Blomberg C. The heart of the warrior: origins and religious background of the samurai system in feudal Japan. London: Routledge, 2013.

³ Adolphson M.S. The gates of power: monks, courtiers, and warriors in premodern Japan. Honolulu: University of Hawaii Press, 2000.

⁴ Mass J.P. The Kamakura bakufu // Kōzō Yamamura (Ed.). The Cambridge History of Japan. Vol. 3. Medieval Japan. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

⁵ Текст переведен на англ. язык в кн.: Hall J.C. Japanese Feudal Law: The Institutes of Judicature: Being a Translation of «Go Seibai Shikimoku»; the Magisterial Code of the Hojo Power-Holder. Transactions of the Asiatic Society of Japan. 1906. Vol. 34. Здесь используется перевод на русский язык А.А. Толстого // URL: http://drevlit.ru/docs/japan/XIII/1220-1240/Goseibaj_sikimoku/text.php (дата обращения: 05.01.2020).

⁶ Watanabe Ts., Jun'ichi I. The Love of the Samurai: A Thousand Years of Japanese Homosexuality. London: Heretic Books, 1989. 158 p.; Leupp G. Male Colors: The Construction of Homosexuality in Tokugawa Japan. Berkeley: University of California Press, 1995.

связи буддистских бонз и их послушников. Нормы поведения *сюдо* между самураями пользовалась большой поддержкой, уважением и поощрялись, так как считалось что эта практика мужской любви благотворно влияет на юных воинов, наставляет их достоинству, честности и чувству прекрасного.

Уголовно-правовая часть «*Госэйбай сикимоку*» содержит составы таких преступлений, как убийство, оскорбление, хищение, «преступные связи с чужой женой», оговор, неявка в суд, укрывательство преступников и др. В «лестницу наказаний» вошли такие меры, как смертная казнь, конфискация имущества, ссылка и даже своего рода исправительные работы в виде ремонта синтоистских или буддистских храмов (ст. 15). Принцип сословности назначения наказания подчеркивается в ст. 13 кодекса, согласно которой самурай, обвиненный в избиении, несет меньшее наказание, чем лицо низшего сословия. Но при этом ст. 42 запрещает применять к крестьянам произвольные меры и незаконную конфискацию.

В ст. 9, посвященной деятельности «мятежников», уточняется, что «данный кодекс не может предусмотреть всех случаев, поэтому всегда надо следовать установившейся практике и опираться на конкретные обстоятельства». В отдельный состав выделялась деятельность «*акуто*» (букв. «преступные шайки»), как оппозиционных режиму дружин самураев, распространенных в конце *сёгуната Камакура*¹. Со временем *сюго* (военные губернаторы) в провинциях получали право устанавливать отношения с *акуто*, приговаривать к конфискации имущества и распределять земли по указу бакуфу².

Кодекс «*Госэйбай сикимоку*» фактически заместил собой прежние традиционные правовые нормы на землях под властью сёгуната.

В последующие века кодекс постоянно дополнялся и его объем вырос до 700 статей. К XIV в. он был признан священной книгой, свидетельствовал о политической зрелости самурайства и их сословной консолидации. Его текст нередко размещали внутри буддийских статуй и ему поклонялись как реликвии бедные воины.

В XII–XIII вв. на основе рассмотренного источника, других норм самурайской этики и сословных обычно-правовых традиций, с включенными элементами конфуцианства, буддизма (прежде всего, буддийской секты

¹ О нарушениях правопорядка в провинциях самураями см.: Kamakura Admonishes Its Vassals to Cease Their Lawlessness and Pursue the Enemy, 1185 // Mass J.P. The Kamakura Bakufu: A Study in Documents. Stanford, 1976. P. 27–28.

² Jansen M.B. Warrior Rule in Japan. Cambridge, 1995. P. 114.

Дзэн)¹ и синтоизма², складывался особый источник корпоративного самурайского права – «Кодекс бусидо» (яп. «Путь воина»)³.

Этот огромный эклектичный свод норм и принципов *бусидо* с идеалами верноподданничества и своеобразного патриотизма объединил в себе правила взаимоотношений японских владетельных князей как сюзеренов и их вассалов – благородных воинов, закрепив особую патриархальную природу этих связей по типу «отеческой заботы о своих сыновьях»⁴. Этим он существенно отличался от договорной природы вассально-ленных отношений в западноевропейской феодальной традиции («фьефные контракты»). Нормы *бусидо* могли содержаться в кодексах *кахо* («семейные законы», «законы дома») и *какун* («семейные нормы поведения»)⁵. В системе социальных отношений, которой был присущ в период сёгуната диалогический характер, формы воинской традиции самураев варьировались от княжества к княжеству⁶.

Совокупный «кодекс *бусидо*» требовал абсолютной личной преданности воина (*буси*) своему сюзерену⁷, не содержал перечня личных прав, свобод или привилегий воинов-вассалов, напротив, предписывал, чтобы любое бесчестье самурай возмещал требуемым в таком случае самоубийством⁸. Истинный самурай в военном походе соблюдал три главных обета:

¹ Учение дзэн оказало сильное влияние не только на бусидо, но и на такие традиционные виды японского искусства, как поэзия (хайку), каллиграфия (седо), чайная церемония (садо), аранжировка цветов (кадо). Белова Л.В. Влияние буддизма на культуру воинского сословия средневековой Японии: автореф. дис. ...канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2000; Спальвин Е.Г. Конфуцианские идеи в этическом учении японского народа // Удар солнца или Гири – чувство чести / сост. В.С. Пинсахович. М.; СПб., 1999. С. 153–186.

² Горбылев А.М. Синтоистская традиция воинских искусств // Синто – путь японских богов: В 2 т. Т. 1. Очерки по истории синто. СПб., 2002. С. 601–623; Спесивовский А.Б. Религия синто и воины. Л., 1987.

³ Inazao Nitobe. Bushido: the spirit of the samurai. Colorado: Shambhala, 2005; Кодекс бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листе / пер. с яп. М.: Эксмо, 2008; Маслов А.А. Бусидо. Кодекс чести самураев. Ростов н/Д., 2007.

⁴ Russell E. The Knights of Bushido. London: Cassell, 1958; Suchi Tokuhei. Nitobe Inazō to bushido. Tokyo: Seijisha, 1984; Kuroda N. Notes on Regulations. Ideals of the Samurai: Writing of Japanese Warriors / Ed. by Wm.S. Wilson, G. Lee. Los Angeles, 1982. P. 134–141.

⁵ Imagawa R., Steenstrup C. A Muromachi Warrior's Code of Conduct Which Became a Tokugawa Schoolbook / Trans. by C. Steenstrup // Monumenta Nipponica. Tokyo, 1973. Vol. 28, No. 3. P. 295–316.

⁶ Дальбинова Н.Г. Военные традиции в культуре Японии: культурно-религиоведческий анализ самурайских традиций. Чита, 2006.

⁷ Code of the Samurai: A Contemporary Translation of the Bushido Shoshinshu of Taira Shigesuke / Trans. by Thomas Cleary. Rutland, 1999.

⁸ Спесивовский А.Б. Самурай – военное сословие Японии. М., 1981; Японские сказания о войнах и мятежах / пер. с яп. В. Онищенко. СПб., 2012.

не вспоминать свой родной дом, забыть о жене и детях, не думать о ценности собственной жизни¹.

Самураи практиковали дзэн-медитацию для своих физических и духовных упражнений, тренировали спокойствие и хладнокровие при любых обстоятельствах². Основной сутью «пути воина», воплощенного в морально-этическом кодексе *бусидо*, было постоянное самосовершенствование, которое складывалось из верховенства чувства морального долга (*ги*), сохранения личной чести и репутации (*таймэн*), ревностного исполнения повседневных обязанностей и служения клану³.

В эпоху первых сёгунов и диктатуры бакуфу в Японии были ликвидированы классические административные и судебные органы, в том числе императорское министерство юстиции (наказаний). В условиях политической раздробленности страны стремительно возникали и расширяли свое подконтрольное пространство локальные правовые системы владетельных князей и глав провинций⁴. Нормативно-регулятивная функция почти целиком переходит к местным правителям, санкционирующим и издающим сборники обычного права и этико-правовых обыкновений, традиционных наставлений «*гири*».

В 1333 г. произошло падение первого сёгуната Камакура, против которого выступил император Го-Дайго⁵ при поддержке некоторых самурайских родов. Он провел краткосрочные реформы под общим названием «*Рестаурация Кэмму*» (1333–1336)⁶, пытаясь возродить централизованную монархию и создать новое гражданское правительство путем прямого императорского правления⁷. Во время реставрации были учреждены такие органы центральной власти, как «Ведомство записей» с полномочием рассмотрения судебных исков о праве на землевладение, «Ведомство жалоб» с правом разрешения финансовых и имущественных споров, и «Ведомство

¹ Юдзан Дайдодзи Будосесинсю. Ямамото Цунэтомо Хагакурэ, Юкио Мисима Хагакурэ Ньюмон. Книга Самурая. Бусидо / пер. Р.В. Котенко, А.А. Мищенко. СПб., 2000. 320 с.

² Кайтэн Нукария. Религия самураев. Исследование дзэн-буддийской философии и практики в Китае и Японии. СПб., 2003.

³ Гамалей М.С. Трансформация морально-этической самооценки самурайского сословия в период Токугава (1603–1868). М., 2012. С. 26; Nitobe Inazo. Bushido, the soul of Japan: An exposition of Japanese thought. Tokyo, 1901.

⁴ История Японии: учеб. / под ред. Д.В. Стрельцова. М., 2018. С. 89–112.

⁵ Это был уже 96-й император (29 марта 1318 г. – 18 сентября 1339 г.), и приставка «го-» в его имени означает «преемник», или «следующий», т. е. по сути это был император Дайго Второй, так как ранее уже был правитель под таким именем – император Дайго (897–930).

⁶ Goble A.E. Kenmu: Go-Daigo's Revolution. Harvard University Press Asia Center, 1996; Shirai Eiji. Kamakura Jiten (на яп.). Tōkyōdō Shuppan, 1976.

⁷ Концевич Л.Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии. М.: Восточная литература РАН, 2010. С. 742.

воинов» для обеспечения правопорядка в столице Киото и охраны Императорского дворца¹.

Однако император Го-Дайго был повержен и бежал на юг, где основал «Южную династию» и провозгласил себя легитимным императором. Наступил короткий период двоевластия и правления двух династий. В стране было восстановлено бакуфу во главе с новым сёгуном из рода Асикага и оформился период *второго сёгуната Муромати* (1338–1573)².

В этот период заметно меняется система источников средневекового права Японии³. Принимается один из самых знаменитых памятников эпохи Муромати – политико-правовой манифест «*Кэмму сикимоку*», или «*Уложение годов Кэмму*» от 10 декабря 1336 г., хотя император подписал документ 11 декабря 1338 г.

Целью Уложения была законодательная легитимация нового режима бакуфу Мурами и самурайского правительства, поднятия их авторитета и недопущения новой гражданской междоусобицы⁴. Новый сёгунат также обязывался снизить преступность в Киото и гарантировать справедливое судопроизводство в провинциях⁵.

Всем жителям предписывалось вести себя рачительно, набожно, учтиво, экономить средства и др. Запрещалось демонстративное потребление (*басара*), «пьянство и азартные игры»; «беспорядки должны подавляться», необходимо прекратить безосновательные конфискации; запрещалось вмешательство в политику и распределение постов женщин, людей святилищ и монахов. Уложение предписывало строго следить за дисциплиной чиновников, соблюдением рангов, критериями отбора военных губернаторов *сюго* («защитников») и приближённых сёгуна (ст. 7, 9, 12), запрещало взяточничество и подарки госслужащим (ст. 10 и 11).

Следующий этап в правовой истории средневековой Японии эпохи сёгунатов связан с политической дестабилизацией и постоянным напряжением разрозненных провинций и крупных военных князей-*даймё*, в частности междоусобная война годов Онин-Буммэй (1467–1477)⁶.

¹ Реставрация Кэмму и эпоха Иосино (1333–1392) // История Японии / под ред. И. Настенко. М.: Евролинц: Русская панорама, 2003.

² Henshall K.G. History of Japan: From Stone Age to Superpower. Palgrave Macmillan, 2012. P. 43.

³ Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. Обновление традиции в японской религиозно-философской мысли XII–XIV вв. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

⁴ Takekoshi G. The Shugo system of the Minamoto and the Hojo regimes // The Economic Aspects of the History of the Civilization of Japan. Vol. II. Routledge, 2003.

⁵ Рубль В.А. Японская цивилизация: традиционное общество и государственность. Киев: Аквилон-Пресс, 1997.

⁶ Толстогузов А.А. Очерки истории Японии VII–XIV вв. Становление феодализма. М.: Восточная литература, 1995.

В это время резко увеличивается число и значение локальных юридических источников – сводов различных княжеств, клановых уложений, статуты автономных городов и купеческих домов¹.

В результате активизации правотворчества местных правителей *сэнгоку даймё* было создано свыше десяти крупных сводов *бункокухо*, которые издавались в целях систематизации местного права и упорядочения административно-судебной системы (например, своды «Косю хатто-но сидай», «Роккаку-си сикимоку», «Юки-си синхатто», «Имагава канамокуроку», «Имагава канамокуроку цуйка», «Сосё дзёмоку», «Дзинкайсю»)².

Окончательно сёгунат Муромати был ликвидирован в 1573 г., когда военачальник Ода Нобунага, возглавивший объединение страны, захватил Киото и изгнал последнего сёгуна рода Асикага. Последнее самостоятельное княжество *даймё* было захвачено и подчинено в 1590 г.³

Возвысившийся в этот момент полководец и правитель *Тоётоми Хидэёси* (1537–1598)⁴ издал несколько законодательных актов, направленных на укрепление централизованного режима правления. Такие полномочия он получил после того, как в 1585 г. стал регентом (*кампаку*) императора-марионетки и главным министром императорского двора (*дайдзё-дайдин*)⁵.

В серии своих указов Хидэёси запретил всем служилым людям покидать свое место и занятие без разрешения господина, землевладельцам нельзя было принимать новых людей со стороны, самураям становиться горожанами и заниматься предпринимательством, а крестьянам покидать землю или становиться воинами. В частности, об этом был его указ «О закреплении социальных различий» («*Мибун-но тэйрэй*») 1591 г. В ст. 2 постановлялось: «Если крестьянин бросит свой надел и займется торговлей или поступит в услужение, то наказание должны понести не только он, но и крестьяне его деревни.

С целью предупредить крестьянские восстания появился еще один указ Хидэёси «*Катана-гари-но рэй*» 1588 г. («Указ об охоте за мечами»), который запретил крестьянам носить мечи, луки, ружья и был направлен на изъятие любого оружия у мирного населения, в том числе серпов, вил, ножей.

Своего рода мини-уголовный кодекс Хидэёси издан 23 апреля 1597 г. под названием «Указ о создании пятидворок и десятидворок и об их круго-

¹ Ramseyer J.M. Thrift and Diligence: Houses Codes of Tokugawa Merchant Families // Monumenta Nipponica. 1979. Vol. XXXIV. № 12. P. 209–230.

² Полхов С.А. Законодательные уложения сэнгоку даймё: исследования и переводы. М., 2015.

³ Arnesen P.J. The Medieval Japanese Daimyo. The Ouchi's Family Rule of Suo and Nagato. New Haven: Yale University Press, 1979.

⁴ Turnbull S. Toyotomi Hideyoshi. Oxford: Osprey Publishing, 2010. P. 6.

⁵ Искендеров А.А. Тоётоми Хидэёси. М.: Наука, 1984.

вой поруке»¹. В нем систематизированы блоки специальных предписаний *о-фурэгаки*, состоявшие из статей «о бандитах с больших дорог, ворах и грабителях», «о лицах, исключаемых из общины», «о членах общины, совершивших преступление». Хотя впервые система «пятидворок» у японских крестьян была введена в период реформ Тайка VII в. Но на этот раз она создавалась не по желанию стихийных крестьянских группировок внутри сельской общины, а регламентировалась властями сверху и под надзором правительственного чиновника *мэцукэ*.

«Токугавское правительство продолжало практику требований к крестьянам организовываться в соседские группы по пять семей. Эти группы использовались сначала для разоблачения изменников и последователей запрещенной христианской церкви. Они имели также другие полицейские функции, однако, в конце концов, эволюционировали в группы взаимопомощи. Сами крестьяне добровольно организовывали ряд других ассоциаций»².

На смену Хидэёси и его династии пришел один из его советников, военачальник и дипломат *Токугава Иэясу* (1543–1616), который в 1603 г. основал новый – третий *сёгунат династии Токугава*, которая стабильно правила страной вплоть до эпохи Мейдзи-исин³. В том же году Иэясу получил от императора Го-Ёдзэй (1572–1617) особый титул *сэйи тайсёгун* («великий полководец, покоритель варваров»). Столицей нового самурайского правительства он объявил небольшую деревушку Эдо (совр. г. Токио), по названию которой также именуют время правления Токугава – «*период Эдо*».

Новая система управления страной отличалась высокой бюрократией, небольшим компактным правительством и циничным прагматизмом. «Правительство Токугава удерживало власть над другими кланами, используя практически монополизированную им дипломатию, оборону и внешнюю торговлю, но кланы тем не менее пользовались высокой степенью автономии»⁴.

Можно выделить *три этапа* в эволюции законодательства Токугава⁵. *Первый*, подготовительный этап начинается с указной законодательной активности предшественника Хидэёси (1588–1598). На *втором* этапе происходит становление законодательства Эдо-бакуфу как развитой условно-правовой системы в XVII в. Намечается поворот от сильного феодального иммунитета и автономии *даймё* в их самоуправляющихся княже-

¹ Сборник материалов по истории Японии. С. 258.

² Цит. по: Ishii R. A History of political institutions in Japan. Tokyo, 1980. P. 121.

³ Прасол А.Ф. Сёгуны Токугава. Династия в лицах. М., 2018; Totman C.D. Tokugawa Iyeyasu: Shogun. San Francisco, 1983.

⁴ Inoguchi Takashi. Winds of Change Buffet Group Mentality. The Nikkei Weekly, 1997. P. 98.

⁵ Филиппов А.В. Указ. соч. С. 63–64.

ствах – к правлению «закона сверху», к жесткой регламентации статуса и обязанностей всех сословий (особые «сословные уложения»). Третий этап связан с трансформацией токугавского законодательства в начале XVIII – середине XIX в.

В это время были предприняты первые попытки Токугава Иэясу поставить вне закона христианскую религию. В частности, им был издан указ 1614 г. о запрещении христианства в Японии, хотя к тому времени новообращенных христиан насчитывалось около 700 тысяч. Так, в ст. 15 указа о запрете христианства содержалась такая идеологизированная формулировка: «Банда христиан прибыла в Японию не только для того, чтобы их торговые суда могли производить обмен товаров, но также и с намерением проповедовать зло, ниспровергнуть истину и таким путем добиться изменений в управлении страной и овладеть ею»¹.

За два года после издания указа сёгуна успели закрыть все христианские центры, выслать из страны европейских миссионеров и многих японских католиков, а оставшихся выслеживали и убивали. Был издан указ 1628 г. о процедуре *фумиэ* с целью выявления тайных христиан: лиц, заподозренных в христианстве, обязывали публично топтать христианские святыни ногами.

Законодательство периода Эдо продолжало активно развиваться, представляя собой симбиоз запретительных указов сёгуна, законов и постановлений самого бакуфу (*кинрэй*) и локальных сводов и указов *даймё* в их княжествах-хан. Позднее многие из этих актов были систематизированы в своде «Токугава кинрэй ко» 1878–1882 гг.²

Постепенно в ходе междоусобных войн и объединения страны династии удельных князей и военных домов утратили свою власть. Поэтому прежняя сила их указов и клановых уложений периода феодальной раздробленности (XV–XVI вв.) сошла на нет; они более не вписывались в правовую систему сёгунов Токугава, так и не став фундаментом для кодексов бакуфу третьего сёгуната³.

Тем не менее сёгун Токугава Иэясу с целью укрепления своего авторитета и ослабления власти *даймё* на местах подписал в августе 1615 г. составленный по его приказу монахом Контином Судэном обобщенный свод нескольких законов военных домов – «*Букэ сёхатто*» («Уложение о самурайских родах», или «Кодекс воинского сословия»)⁴.

¹ Христианство в Японии // Энциклопедия Ниппоника: в 26 т. Токио: Сьогаккан, 1994–1997.

² Кикиути Синсукэ. Токугава кинрэй ко (Собрание запретов и законов сёгуната Токугава): в 21 т. Токио, 1878–1882.

³ Полхов С.А. Законодательные уложения Сэнгоку даймё: исследования и переводы. М.: Кругъ, 2015.

⁴ Толстогузов А.А. Японская историческая наука // Проблемы изучения средних веков и феодализма: очерки истории. М.: Восточная литература, 2005. С. 100.

Так, в ст. 3 закреплялось важное представление о законности того периода: «Закон – основание взаимоотношений между людьми и основа общественного порядка. Закон иногда может находиться в противоречии с истиной (*ри*), но истина не может служить оправданием для нарушения закона»¹. Подчеркивалось, что «обычаи разных княжеств различны», но «если старинные заветы не будут соблюдаться, то начнутся бесконечные интриги и заговоры» (ст. 5 и 7).

Свод «*Букэ сёхатто*» состоял из 13 статей о взаимоотношениях *бакуфу* и *даймё*, о поведении *самурая* на службе и в быту, кодифицировав в сжатой форме установления и традиции *бусидо*, ранее передававшиеся, как правило, устно. Нормы этого «княжеского кодекса» описывали порядок получения образования *даймё* как в искусстве письма, так и в военном ремесле, правила ношения одежды и езды в паланкинах, запрещали им предоставлять в своих владениях убежище политическим преступникам и разбойникам, принимать выходцев или беглецов из чужих владений, «белых» иностранцев и католиков-христиан, и *даймё* обязывались производить экстрадицию – высылку лиц, виновных в преступлении или мятеже (ст. 3, 4 и 7)². При этом *даймё* обязывались регулярно приезжать в Эдо на службу к сёгуну (система «*санкин котай*» – яп. «попеременное служение»), оповещать *бакуфу* о строительстве или ремонте своих замков, видимо, чтобы не наращивать в тайне свою военную и оборонительную мощь (ст. 6), получать разрешение столицы на брак с представителями другой семьи *даймё* (ст. 8) и т. д. Этот новый сословно-правовой кодекс привел к тому, что самурайская военная каста начала постепенно трансформироваться из воинов-землевладельцев в городских чиновников, лишенных земли.

Важно уточнить юридическую природу этой систематизации сословного права: свод «*Букэ сёхатто*» распространялся на всех *даймё* в сёгунате, их семейные кодексы могли применяться только к их же собственным домочадцам, а сам аппарат власти в каждом княжестве строился по тому же самому принципу, что и в центральном *бакуфу*. Постепенно происходит «трансформация воинской традиции в систему элитарной сословной профессиональной этики», а сам морально-этический кодекс *буси* теряет свой практический смысл как нормативно регламентирующий акт «пути воина» в правовой системе Эдо³.

Спустя 20 лет уже при третьем сёгуне Токугава Иэмицу свод «*Букэ сёхатто*» был существенно переработан и дополнен неоконфуцианским

¹ «Свод законов Токугава». Т. 3, ч. 1. С. 18–21.

² Законы Иэяса // Диксон В. Япония, ее история, правительство и внутреннее устройство. СПб., 1871. С. 233–261.

³ Гамалей М.С. Трансформация морально-этической самооценки самурайского сословия в период Токугава (1603–1868). М., 2012. С. 23.

мыслителем Хаяси Радзаном (1583–1657), одним из идеологов государственного *синто* и представителем школы *чжусианства*.

При сёгуне Токугава Иэясу также был создан свод «*Кинтю нарабини кугэ сёхато*» 1615 г. («Законы для императорского двора и аристократии»). Его текст состоял из 17 статей, символизировавших новый этап в развитии самосознания самурайского сословия, дальнейшее отделение влиятельных чиновников бакуфу от императорской аристократии¹.

Однако наиболее крупным памятником права при Токугава Иэясу стал свод «*Токугава сэйкэн хяккадзё*:» («Стостатейные установления Токугава») 1616 г.², известный также под заголовком «Завещание Токугава»³.

Документ был создан именно как разновидность *кахо* для ближайших вассалов и ветвей дома Токугава⁴. В частности, в заключительной статье 101 свода пояснялось на этот счет: «Доверяя свои устремления [помыслы бумаге], вместил [я их] в едином свитке... Выше [изложенные] статьи, помимо моих детей-внуков да старших вассалов *росин*, непозволительно вскрывать и смотреть [никому]»⁵.

С точки зрения юридической техники в «Стостатейных установлениях» систематизированы основные моральные наставления, правила управления, политические инструкции, уголовные санкции и др.⁶ «Управление хоть и ориентировано на старые традиции нашего дома, недопустимо применение старых обычаев прочих домов» (ст. 50). Сущностью политики Токугава как истинно конфуцианского правительства объявлялось «умиротворение Поднебесной» и «доставление спокойствия народу» (ст. 19, 23, 101), поддержание стабильности и отсутствие распрей (ст. 92). По конфуцианским канонам сёгуну надлежало соблюдать меру в политике и держаться середины «между слабостью и строгостью», ибо только «сдержанность» способствует политическому равновесию (ст. 55, 95; см.: Конфуций. «*Лунь юй*». Гл. VI, разд. 27).

При третьем сёгуне Токугава Иэмицу (1623–1651) происходило дальнейшее оформление вертикали власти военного правительства, завершение

¹ Lowder J.F. The Legacy of Iyeyasu // Murdoch J. A History of Japan. Vol. 3. London, 1926. P. 796–814.

² Кикүти Синсукэ. Токугава кинрэй ко (Собрание запретов [и законов сёгуната] Токугава): в 21 т. Т. 4. Букэ (Воинское сословие). Токио, 1878–1882. Л. 1–12.

³ Завещание Иэясу // Очерк истории Японии / сост. В. Костылевым. СПб., 1888. С. 334–350.

⁴ Текст цит. по: Филиппов А.В. «Стостатейные установления Токугава» 1616 г. и «Кодекс из 100 статей» 1742 г.: право, общество и идеология Японии первой половины эпохи Эдо. СПб., 1998. С. 10–38.

⁵ Филиппов А.В. Указ. соч. С. 37–38.

⁶ Grjgsby W.E. The Legacy of Iyeyasu // Transactions of the Asiatic Society of Japan. Vol. III. Pt. II. Yokohama, 1875. P. 118–128.

формирования системы *санкин кōтай* (яп. «посменное присутствие»)¹. В соответствии с ней обе высшие категории *даймё* (как *тодзама*, так и *фудай-даймё*, имевшие родственные узы с Токугава) обязывались присутствовать в столице бакуфу в течение года на службе у сёгуна, а затем после отъезда во владения оставлять в Эдо членов своей семьи в «заложниках». В период сёгуната Иэмицу был провозглашен новый девиз императорского правления «*Канъэй*» (яп. «защита правосудия»), который использовался подряд тремя императорами с 1624 по 1645 г.

Новый «Дворянский кодекс» (яп. *Сёси хатто*) был принят 19 января 1636 г. Он состоял из 23 статей, регламентировавших поведение прямых вассалов сёгуна – *хатамото* и *гокэнин*, их внешний вид, режим наследования, землевладения, занятия вассалов и др.² Им предписывалось всегда совершенствоваться в науках и военном мастерстве, выполнять рыцарский долг (*гири*), не нарушать общественного порядка (ст. 1), жить скромно, соблюдать бережливость, не дарить чрезмерных подарков и не проводить роскошных церемоний, в том числе свадебных (ст. 3–7), не заключать сделки с целью извлечения прибыли (ст. 20)³, избегать споров и ссор внутри владения, а также между соседними княжествами и группами самураев, в противном случае незамедлительно докладывать специальному наместнику от *бакуфу*, начальнику самурайских отрядов – *бангасира* или *кумигасира* (ст. 9, 10, 15 и 16). «Не пристало самураю участвовать в тайных собраниях, нарушать порядок, писать на заборах и в других местах, расклеивать листовки, играть в азартные игры, погрязать в разврате» (ст. 19). Было запрещено укрывательство преступников, беглецов от другого сюзерена (ст. 12 и 13).

По поводу уголовного преследования за нарушение любой из норм было указано, что каждое лицо «после расследования и выяснения тяжести его вины понесет соответствующее наказание» (ст. 23). При этом нельзя было толпой собираться на месте смертной казни, где мог присутствовать только тот, «кому приказано приводить в исполнение приговор» (ст. 8)⁴.

«Дворянский кодекс» предусмотрел более строгий порядок наследования для прямых вассалов сёгуна, чем для простых *даймё*, которые были вправе передавать наследство и пост главы военного дома своему сыну,

¹ Tsukahira Toshio G. Feudal Control in Tokugawa Japan: The Sankin kotai system. Cambridge: Harvard university, 1966.

² Текст см.: Подпалова Г.И. Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII – начале XVIII в. М., 1960.

³ А.В. Филиппов отмечает, что в средневековой Японии стремление к прибыли и вообще к занятию торговлей считалось крайне недостойным делом, поэтому торговое сословие формально оставалось на самой низкой ступени социальной иерархии (Филиппов А.В. Указ. соч. С. 85). Как говорил Конфуций: «Благородный муж знает только долг, низкий человек знает только выгоду». Цит. по: Древнекитайская философия. М., 1972. Т. 1. С. 149.

⁴ Сборник материалов по истории Японии. С. 321–322.

даже незаконнорожденному или приемному, если у законного наследника не было детей и тот в возрасте не ранее 15 лет обратился с петицией о передаче этому своему некровному брату статуса *даймё* – главы дома.

Постепенно развилась политика самоизоляции страны – *сакоку сэйсаку* (1639–1854), сначала под предлогом борьбы с христианством. Так, был введен прямой запрет на распространение христианства среди жителей Японии¹. Отношения с иностранными торговцами и миссионерами тоже резко ухудшились. В развитие этого направления вышли акты «*Сёси дзиин хатто*» и «*Сёси нэги каннуси хатто*» 1635 г., которые поставили под контроль бакуфу синтоистское и буддистское духовенство.

В 1630-е гг. правительство *Токугава Иэмицу* полностью закрывает страну, приняв решение о запрете японцам покидать пределы Японии. В феврале 1633 г. был издан указ о порядке покупки товаров у иностранцев и о запрещении направлять суда за границу, за исключением выдачи специальных разрешений бакуфу.

Все контакты с иностранными государствами были окончательно разорваны после *Симабарского восстания* японских крестьян (1637–1638), в большинстве своем христиан², против феодалов в княжестве Симабара³. После подавления этого восстания христианство в Токугавском сёгунате было окончательно запрещено, а всем подданным было приказано «зарегистрироваться» в буддистском или синтоистском храме⁴. С 1641 г. только китайцы и голландцы – представители Ост-Индской компании могли находиться на искусственном островке Дэдзима и торговать в гавани Нагасаки под прямым контролем бакуфу⁵. Именно этот момент послужил толчком к дальнейшей национализации японского права и рационализации самого законодательства сёгуната.

При четвертом сёгуне *Токугава Иэцуна* (1651–1680) обозначились явные признаки кризиса системы *бакухан*. Новая политика сёгуната по «гражданскому управлению» (*бундзи сэйдзи*) означала отход от «курса военного правительства» (*будан*) и предполагала, что отныне взаимоотношения *даймё* и вассалов будут строиться на основе выплаты жалования за службу, без каких-либо признаков безоглядной воинской преданности и ритуальных самоубийств типа *сэппуку* вассала вслед за смертью сюзерена.

¹ Христианство в Японии // Энциклопедия Ниппоника: в 26 т. Токио: Сьогаккан, 1994–1997.

² Hagemann E. The Persecution of the Christians in Japan in the Middle of the Seventeenth Century // The Pacific Historical Review. 1942. Vol. 11(2).

³ Подпалова Г.И. Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII – начале XVIII в. М., 1960. С. 171–177.

⁴ Гальперин А.Л. Некоторые вопросы объединения и изоляции Японии при первых сёгунах Токугава. М., 1960.

⁵ Мак-Клейн Дж.Л. Япония. От сёгуната Токугавы – в XXI век / пер. с англ. Е.А. Красулина. М., 2006. С. 101.

Как следствие новой «антимилитаристской» политики произошло возвышение торгового сословия, упадок военного сословия, рост роли призамковых и столичных городов и особой городской культуры (в Киото, Эдо, Осаке и др.)¹. Укреплялось значение буддизма и неоконфуцианства, основополагающие принципы которого ежегодно изучали все *даймё*.

В годы правления восьмого сёгуна *Токугава Ёсимунэ* (1716–1745), который в силу политического таланта и успешного управления страной считается вторым по значимости после основателя династии *Иэсигэ*², был составлен «Кодекс из 100 статей» 1742 г. Не зря этот сёгун заслужил прозвание *мэйкун* (яп. «просвещенный правитель»), так как провел серию реформ по модернизации законодательства *Иэясу* и *Иэмицу*, противодействовал роскоши, азартным играм, пьянству, коррупции и злоупотреблениям чиновников. С этого времени консервативная и одновременная гибкая политика Токугава стала проявляться в серии крупных реформ: периода *Кёхо* (1716–1733), периода *Кансэй* (1789–1793) и периода *Тэмпо* (1841–1843)³.

В годы первого блока реформ при восьмом сёгуне *Токугава Ёсимунэ* были осуществлены «преобразования годов *Кёхо*»⁴, которые состояли в денежной реформе, повышении крестьянской ренты, поддержке воинского сословия, введении режима жесткой экономии и т. д. Вслед за этим в 1742 г. сёгун также поручил своему ближайшему советнику Ока Тадасукэ собрать воедино разрозненные источники и свести их в единый кодекс⁵. Так был подготовлен свод «*Осадамэгаки хяккадзё*» («Кодекс из 100 статей»)⁶, который основывался на источниках традиционного права, указах прежних сёгунов и постановлениях бакуфу, нормах обычного права, религиозно-моральных и идеологических положениях, предшествующих сводах законов, в том числе легендарных кодексах эпох Тайхо и Ёро VIII в.

Кодекс «*Осадамэгаки хяккадзё*» мог существовать и как отдельный документ, и как составная часть «Кодекса государственных дел»⁷, в котором первый том содержал 81 статью, которые регламентировали вопросы

¹ Искендеров А.А. Феодалный город Японии. М., 1987; Лещенко Н.Ф. Японский город эпохи Токугава // Япония. Ежегодник. 1996. М., 1996.

² Лещенко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М., 2010. С. 102–108.

³ Поздняков И.Г. Проблемы японского феодализма в трактовках прогрессивных японских историков // Историография стран Востока (проблемы феодализма). М., 1977. С. 156–159.

⁴ Китадзима Масамато. Цепь биографий сёгунов Токугава. Токио, 1975 (на яп. яз.). С. 229–258.

⁵ Yosiyuki Noda. Introduction to Japanese Law / Trans. and ed. by A.H. Angelo. Tokyo, 1976. P. 31–39.

⁶ Впервые на яп. яз. текст был опубликован в сборнике: «Нихон кодай хотэн» (Старые кодексы Японии) / сост. Хагино Ёсиюки. Токио, 1892. С. 831–984. На русском языке см. текст в кн.: Филиппов А.В. Указ. соч. С. 39–43.

⁷ Hall J.C. Japanese Feudal Laws. IV. The Tokugawa Legislation. Pt. 2 // TASJ. Vol. XLI. Pt. V. Yokohama, 1913. P. 684–804.

судопроизводства и иные аспекты уголовно-процессуального права, деятельности полиции; второй том состоял из 103 уголовно-правовых статей, содержащих описание конкретных составов преступлений и санкций за них, а также некоторые гражданско-правовые нормы и процессуальные положения¹.

В отличие от одноименного свода «Стостатейные установления Токугава» «Кодекс из 100 статей» был более юридическим актом – по сути своей судебником², адресованным не столько *сёгуну* и его наследникам, сколько конкретной категории чиновников *бакуфу*. И при этом оба свода оставались в полной силе вплоть до эпохи *Мейдзи-исин*, когда они были заменены сводом «Основные положения нового законодательства» (*Синрицу корё*) 1870 г., опубликованным на третьем году эры «Просвещенного правления».

В числе гражданско-правовых норм «Стостатейных установлений» выделяются положения о залоге земель и домов, договоре займа и исчислении процентов по денежным долгам, границах землевладения и земельных спорах, купле-продаже самурайских и целинных земель и о запрете таковой для крестьян, круговой поруке крестьянских пятидворок. В уголовно-правовом блоке кодекса перечислялись виды наказаний. Наряду со смертной казнью, битьем палками, штрафом и конфискацией, выделялась такая мера, как выбивание на лбу или руке вора особой татуировки. Регламентировался частично уголовный процесс, в частности система доказательств, применения пытки за различные преступления.

При третьем *сёгунате* правящая династия Токугава смогла полностью себе подчинить не только императорский двор, но и поставить под контроль княжеское сословие *даймё*, религиозные организации, внутреннюю торговлю и внешние сношения. *Сёгунат* превратился в подобие абсолютистского личного правления³ с более или менее централизованной правовой системой. Собственно, была монополизирована сама идеология *бакуфу* Эдо, введен в силу «Указ о запрете иных учений» 1790 г., который поставил на вершину всей философской и политико-правовой мысли Японии *неоконфуцианство*, наложив запрет на выдвижение противоречащих ему идей и догматов⁴. Но политико-правовые традиции настолько тесно уже

¹ Gubbins J.H. The «Hundred Articles» and the Tokugawa government // Proceedings of the Japan society. Vol. XVII. London, 1920. P. 127–184.

² Филиппов А.В. Два японских документа под названием «Сто статей»: из истории создания, публикаций и изучения памятников // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. IX. Л., 1986. С. 218–229.

³ В литературе нет единства мнений о допустимости трактовки японской государственности как абсолютизма. См. обзор позиций в кн.: Толстогузов А.А. Советские ученые о периодизации японского феодализма // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М., 1986. С. 12–15.

⁴ Радуль-Затуловский Я.Б. Из истории материалистических идей в Японии в XVII – первой половине XIX в. / отв. ред. Ян Хиншун. М., 1972. С. 16.

переплелись с триадой религиозно-философских учений «синто – буддизм – конфуцианство»¹, что разорвать эту связь было нереально и даже опасно для собственного политического будущего². Как верно замечает А.В. Филиппов, сословная терминология и политические концепции Японии периода Эдо хотя и были восприняты у «Срединного государства», но дали собственные плоды уже на почве «Страны Восходящего Солнца»³.

Несмотря на относительно стабильное правление Токугава в течение более двух веков, создать полностью унифицированное правовое пространство этим сёгунам так и не удалось. Отчасти этому мешала большая дистанция между правосознанием народных масс и сословий, сёгунским законодательством и практикой его реализации. Последние Токугава решили вообще закрыть доступ простого люда к знанию законов и чтению кодексов, апеллируя конфуцианскими постулатами о мудрости избранных и «обязанности народа лишь исполнять, но не знать»⁴.

Проводимая политика бакуфу по изоляции государства от внешнего мира привела к застою и отставанию страны, а в дальнейшем и к падению самого сёгуна Токугава, формированию конституционного правительства и вестернизации правовой системы. Но именно законодательство периода Токугава стало завершением эволюции традиционного японского правотворчества. В этот период началось вызревание семян будущей «модернизации» права (период *киндайка*) эпохи Нового времени в Японии.

2.2. Конституционализация права в эпоху Мейдзи-исин

С середины XIX в. мощные европейские державы – Англия, Франция, Россия, а также США предпринимали настойчивые попытки открыть японские порты для торговли и политического влияния. Так, в 1854 г. американский адмирал Перри привел свою эскадру в Токийский залив и, по сути, вынудил правительство Японии подписать неравноправный торговый договор «*Convention of Kanagawa*». Этот договор установил экстерриториальность американцев в гражданских и уголовных делах, ввел крайне невыгодные для японцев тарифы и пошлины. В 1858 г. США с Японией подписали отдельный Договор о дружбе и торговле (*Treaty of Amity and*

¹ Nakamura Hajime. A History of the Development of Japanese Thought. Tokyo, 1967.

² Rahn G. Recht und Rechtsverständnis in Japan // Entstehung und Wandel Rechtlicher Traditionen. München, 1980. P. 479.

³ Филиппов А.В. Указ. соч. С. 139.

⁴ Инако Цунэо. Современное право Японии / пер. с яп. В.В. Батуренко; под ред. В.Н. Еремина. М., 1981. С. 31; Филиппов А.В. «Завещание Иэясу» и «Кодекс из ста статей»: следы неоконфуцианского влияния // XVII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1986. Ч. II. С. 115–120.

Commerce), известный как «Договор Харриса», который открыл многочисленные торговые порты в Эдо, Кобе, Нагасаки, Ниигата и Иокогама вдоль побережья Японии. В дальнейшем торговые договоры были подписаны с Великобританией, Францией и Российской империей¹.

Прерванная этими соглашениями изоляционистская политика Японии, и без того ранее подрывавшая репутацию правительства в глазах японцев и на международном уровне, в итоге послужила дополнительным импульсом к проведению масштабных реформ по европейскому образцу². На фоне ослабления авторитета бакуфу Токугава из-за неспособности отстоять национальные интересы и угрозы потери независимости выросла сила оппозиции из числа знатных аристократов.

9 ноября 1867 г. сёгун *Токугава Ёсинобу* добровольно отказался от власти и передал ее молодому императору *Муцухито*. 3 января 1868 г. был обнародован особый конституционный «Указ о реставрации императорского правления». В этом акте официально было объявлено о восстановлении политического приоритета императорского правления и ликвидации прежнего военно-олигархического режима. 3 февраля 1868 г. был опубликован императорский указ, направленный иностранным государствам, в котором сообщалось на разных языках о ликвидации *сёгуна*, переходе власти к императору и прекращении политики изоляции.

Новая система государственного правления получила наименование *сансёку*, что было оформлено особым указом от 17 января 1868 г. Вводилась должность председателя правительства – *сосай*, которое состояло из старших советников – *гидзе* и младших советников – *сосье*. Вот именно это первое правительство юного *Муцухито* непосредственно занялось планированием конституционной реформы и текущего законотворчества.

Знаменитая «Клятва из пяти пунктов» (яп. *Гокадзё-но госэймон*) была произнесена лично императором во время интронизации и обнародована 7 апреля 1868 г. от имени его правительства как своего рода программный документ, направленный на модернизацию страны. Текст клятвы содержал буквально следующие пункты от имени императора:

«1. Мы будем созывать совещания и управлять народом, считаясь с общественным мнением.

2. Люди высших и низших классов, без различия, будут единоклассны во всех предприятиях.

3. Обращение с гражданскими и военными чинами будет таково, что они смогут выполнять свои обязанности, не испытывая неудовольствия.

4. Отжившие методы и обычаи будут уничтожены, и нация пойдет по великому Пути Неба и Земли.

¹ Трикоз Е.Н. Право Японии // История государства и права зарубежных стран. Т. 2. Современная эпоха / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2019. С. 720–741.

² Zweigert Konrad, Kötz Hein. Einführung in die Rechtsvergleichung auf dem Gebiete des Privatrechts. Mohr Siebeck. S. 291.

5. Познания будут заимствоваться у всех наций мира, и Империя достигнет высшей степени расцвета»¹.

Клятва пяти пунктов являлась своего рода толчком к началу глобальных реформ, известных как *Мейдзи-исин*, которые впоследствии превратили отсталую страну в одну из ведущих государств мира.

На этом фоне надвигающихся государственно-политический реформ обострилось противостояние между сторонниками сёгуна и сподвижниками нового императора. В итоге этот кризис разразился вооруженным конфликтом, известным в историографии как «*Война Босин*» (1868–1869). Она завершилась полной победой императорских сил и окончательным разгромом ставки бакуфу и всего сёгунского режима.

Реформаторская деятельность в период *Мейдзи-исин* была направлена на уничтожение старого феодально-сословного строя с княжеским землевладением и территориальной раздробленностью, на создание нового государства западного типа, облеченного в легитимные и конституционные «одежды» во главе с традиционной особой императора. Поэтому в первую очередь началось последовательное уничтожение клановой иерархии и упразднение княжеств (*ханов*) как относительно независимых феодальных владений. В 1869–1871 гг. *даймё* стали отказываться повсеместно от своих феодальных прав с передачей властных полномочий императорскому правительству, складывалось прямое управление со стороны центральной власти². В 1871 г. в процессе начавшейся административной реформы было введено новое административно-территориальное деление на 72 префектуры (*кэн*) и 3 столичных округа (*фу*), во главе которых стояли правительственные чиновники, а не *даймё*. В 1878 г. в городских и сельских округах было введено всесословное самоуправление.

С точки зрения реформы правового статуса личности в 1870-х гг. была упразднена феодальная система личных статусов, вместо которых введено социальное деление на три новых сословия: *кадзоку* (аристократы), *сидзоку* (военное сословие) и *хэймин* (простой народ). На их юридическое равноправие были направлены императорские указы: 1) запрет военному сословию носить мечи; 2) запрет продажи и залога людей; 3) признана свобода заключения браков между различными сословиями, а женщины частично получили право на развод по своей инициативе. В 1872 г. был введен Закон о всеобщем и обязательном образовании и Закон о всеобщей воинской повинности, что упраздняло привилегию сословия самураев. В 1873 г. в Японии наконец отменили запрет распространения христианства.

Параллельно разворачивалась программа по аграрно-экономическим и фискальным реформам в обновляемой Японии. Земли *даймё* были при-

¹ Цит. по: Marius B.J. The Making of Modern Japan. Harvard University Press, 2002. P. 254.

² Ерёмин В.Н. Указ. соч. С. 175.

знаны собственностью обрабатывающих их крестьян, а княжеские войска перешли в состав императорской армии. Взамен этих ограничений *даймё* получили государственные должности и постоянное содержание в виде фиксированных выплат. Военное сословие было окончательно превращено в государственных чиновников. В 1873 г. создана система всеобщего призыва на три года.

Крестьяне были освобождены от поземельной и личной зависимости, смогли обзавестись собственными земельными владениями. Укрепился режим юридической защиты института частной собственности, и все землевладельцы получили особое удостоверение о правах на свои участки. По всей стране ввели единый поземельный налог в размере 3% от стоимости земли. В рамках финансовых реформ началась чеканка общегосударственных денег, был учрежден Государственный банк и правительство разрешило открывать частные банки.

Основные прогрессивные законы были изданы в 1870–1880 гг., они провозглашали свободу прессы, открытость судебных заседаний, охрану общественного спокойствия и т. п. С них начинается поэтапное юридическое *оформление конституционной монархии* в Японии. В 1881 г. была учреждена первая в истории этой страны либеральная партия *Дзюто*. В элитарные круги японцев проникали либеральные идеи западного права, народного суверенитета, естественного права и др. Сформировавшаяся либеральная оппозиция требовала от императорского правительства создания конституции и независимых судов.

Указом от 17 мая 1868 г. о государственном переустройстве был учрежден Государственный совет (*Дайдзёкан*) как высшее законодательное, правительственное и судебное учреждение империи. Он состоял из трех палат: главной, левой и правой.

В главной палате всем руководил сам премьер-министр, а также входили левый и правый министры, три государственных советника; на ее заседаниях присутствовал и принимал решения сам император. Левая палата состояла из членов, назначаемых правительством и являлась органом обсуждения законопроектов (законодательная ветвь). Правая палата была органом координации и связи руководителей ведомств и, по сути, координировала исполнительную и судебную ветви власти. В 1875 г. левая и правая палата были упразднены, и на их основе создан новый орган по подготовке законопроектов и их принятию – Палата старейшин. Реформировалась система экзаменов на должность государственных чиновников.

В 1885 г. открыл свои заседания созданный по образцу Пруссии новый орган власти – *Кабинет министров (Найкаку)*, поставленный в зависимость от сильного премьер-министра. В противовес ему было учреждено Министерство императорского двора, членами которого являлись министр императорского двора, хранитель печати и главный камергер. Наконец, в 1888 г. в качестве законосовещательного органа при императоре был со-

здан Тайный совет (*Сумицу-ин*). В него входили 26 советников во главе с графом Ито, к тому времени ставшим премьер-министром¹. В задачи Тайного совета изначально входило обсуждение проекта будущей Конституции, в дальнейшем толкование ее текста, внесение поправок в Конституцию и Закон о династии, в текущее законодательство, решение вопросов внешней политики, заключения международных договоров, политики уголовных наказаний.

Вместе с реформаторской политикой и унификацией права возникла идея о создании *Конституции*, которая должна была закрепить государственно-правовые достижения периода *Мейдзи-исин* и окончательно оформить современное государство в Японии.

В 1871–1873 гг. японское правительство направило за границу большую делегацию, целью которой был пересмотр неравноправных договоров, ознакомление с местной культурой, изучение конституционно-правового опыта, парламентского устройства, военного и образовательного дела в различных странах.

«Миссия Ивакуры» в составе почти 50 советников и свыше 60 студентов отправилась в США и европейские государства (Англия, Франция, Германия, Голландия, Австро-Венгрия, Российская империя, Бельгия, Дания, Италия, Швейцария). На обратном пути они побывали также в Египте, Гонконге, Шанхае, Сайгоне и на Цейлоне. По возвращении был подготовлен официальный отчет «Миссии Ивакуры», отредактированный Кумэ. Его опубликовали в 1878 г. на английском языке под названием «Истинный отчет о путешествии наблюдателя чрезвычайного и полномочного посла по Соединенным Штатам Америки и Европе».

В 1875 г. состоялось особое совещание в г. Осака, на котором обсуждался вопрос введения конституционной монархии в Японии, с участием как членов правительства, так и сторонников оппозиции. По итогам совещания были начаты определенные государственные реформы, в ходе которых страна приобрела новые черты и институты конституционной монархии. В частности, были учреждены Сенат и Верховный суд, которые были поставлены под жесткий контроль императорского правительства.

В 1870-е гг. в Палате старейшин были подготовлены несколько проектов Конституции и переданы на рассмотрение императору. В их основе лежали частичные заимствования из конституций таких стран, как Пруссия, Австрия, Дания и др. Но среди членов правительства не было единого мнения по поводу содержания будущей Конституции, в частности по вопросу углубления демократических начал, контроля со стороны народа и оппозиции, степени отражения национальных традиций и т. п. Кроме того, в Конституции правительство планировало минимально ограничить власть монарха, сохранив в его руках как можно больше полномочий и ограничив

¹ Steenstap C. A History of Law in Japan, until 1868. Leiden, 1991. P. 172.

возможности для оппозиционных сил. Наконец, 12 октября 1880 г. вышел императорский указ о том, что Конституция будет подготовлена и парламент будет учрежден в течение ближайших десяти лет.

В 1882 г. *Ито Хиробуми* в статусе советника императора по вопросам принятия Конституции был командирован в Европу для изучения конституционных форм правления различных западных государств.

В ходе своей 14-месячной командировки граф Ито посетил 18 стран, консультировался с различными европейскими юристами и политиками, слушал лекции в Венском и Берлинском университетах. После встречи с канцлером Германии Отто Фон Бисмарком выбор Ито пал на Конституцию Пруссии 1850 г. как на наиболее подходящий образец для японского государства.

В 1883 г. Ито Хиробуми представил императору обзорный доклад с рекомендацией заимствовать немецкий опыт за основу построения национальной японской государственности. Сразу после этого началась активная подготовка текста Конституции.

«Конституция Великой Японской Империи» (яп. *Дай-Ниппон Тэйкоку Кэмпо*) была публично провозглашена 11 февраля 1889 г. и вступила в силу 29 ноября 1900 г. Она относится к октроированным конституциям, так как была дарована монархом и создана без волеизъявления народа¹. Япония стала единственной страной в Азии со своей собственной писаной Конституцией.

По сути, было юридически оформлено преобразование Японии в конституционную монархию, хотя император и его правительство обладали гораздо большей властью, чем двухпалатный парламент. По содержанию Конституция представляла собой сложное сочетание принципов и институтов абсолютной и конституционной монархии, сохраняемых традиционных начал и новаций, основанных на заимствовании зарубежного (прежде всего, прусского) опыта, но с чертами извещного традиционализма и консерватизма².

Конституция включала 76 статей, разделенных по семи главам: глава 1 «Об императоре»; глава 2 «О правах и обязанностях подданных»; глава 3 «Об имперском парламенте»; глава 4 «О государственных министрах и Тайном совете»; глава 5 «Суд»; глава 6 «Финансы»; глава 7 «Дополнительные правила»³.

Первая глава «Об императоре» в наибольшей степени впитала традиционные японские воззрения и абсолютистские принципы: 1) «японская империя управляется непрерывной императорской династией на вечные

¹ Брун. Японская конституция / пер. с нем. Н.И. Секерина. СПб.: Издание Т-ва «Общественная польза», 1905.

² Ерёмин В.Н. Указ. соч. С. 206.

³ Текст на рус. яз. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=551> (дата обращения: 02.01.2020).

времена»; 2) императорская династия в Японии является непрерывной, «священной и неприкосновенной»; 3) монарх, будучи главой исполнительной власти, в согласии с парламентом осуществляет законодательную власть; 4) император утверждает законы и издает указы, касающиеся их опубликования и исполнения; 5) император созывает имперский парламент, открывает и закрывает его сессии, может объявить отсрочку или распустить Палату представителей; 6) при чрезвычайных обстоятельствах в промежутке между сессиями парламента император издает указы, имеющие силу закона. В исполнительной сфере император наделялся следующими полномочиями: объявление войны и заключение мира, утверждение международных договоров, право издания исполнительных распоряжений, руководство армией и флотом, пожалование титулов. В судебной сфере император обладал правом помилования и смягчения наказаний.

Вторая глава «О правах и обязанностях подданных» содержала ряд положений, прямо заимствованных из Конституции Пруссии 1850 г. Особенность ее заключалась в том, что народ там именовался «подданными», а не «гражданами», как пруссаки.

Конституция восприняла основной блок широко известных западно-европейской цивилизации прав и свобод: 1) свободу выбора и смены места жительства; 2) свободу от незаконного ареста, допроса и наказания; 3) право на судебную защиту; 4) неприкосновенность тайны переписки каждого подданного; 5) неприкосновенность права собственности. Кроме того, были провозглашены свободы вероисповедания, слова, печати, публичных собраний и образования союзов (ст. 28 и 29). Но в то же время все конституционно закрепленные права и свободы носили сугубо формальный характер. Их провозглашение уравнивалось «точно предписанными законом случаями» и мерами, «которые необходимо было принимать для общего блага». Были предусмотрены определенные положения, дающие широкий простор для ограничения прав подданных. Только что созданное по западным образцам японское государство было еще не в состоянии полностью воспринять демократические ценности, а японская конституционная доктрина предполагала безусловное предпочтение национальных и государственных интересов гражданским правам и свободам¹. Конституция также предусматривала определенные обязанности подданных (платить налоги, служить в армии и др.).

Третья глава «Об имперском парламенте» вводила принцип бикамерализма. Парламент состоял из двух палат – палаты пэров и палаты депутатов. Верхняя палата состояла из членов императорской фамилии, носителей дворянских титулов и лиц, назначенных императором. Поэтому палата действовала в основном в интересах императорского правительства и была призвана не допустить усиления оппозиционных сил в государстве.

¹ Трикоз Е.Н. Указ. соч. С. 730–733.

Нижняя палата состояла из членов, прямо выбираемых народом в соответствии с новым избирательным законом. Ее могли составлять не только сторонники политики правительства, но и оппозиционные силы.

Складывалась новая законодательная процедура в парламенте. Обе палаты имели право законодательной инициативы и голосовали за предлагаемые правительством законопроекты. Решения принималось в случае абсолютного большинства голосов, в случае равенства последнее слово оставалось за председателем парламента. Парламент созывался ежегодно. Любой член парламента имел право безнаказанно высказывать свое мнение. На деле компетенция парламента была жестко ограничена институтом императора, который обладал правом на отдачу чрезвычайных указов, назначал председателя парламента, верхняя палата парламента находилась в зависимости от императорского правительства, а нижнюю он имел право распустить.

В четвертой главе «О государственных министрах и Тайном совете» описывались его функции как высшего консультативного органа при императоре, а также шла речь о кабинете министров. Министры являлись главными помощниками императора по различным вопросам государственной власти и несли ответственность перед ним.

Пятая глава Конституции была посвящена судебной власти и состояла всего из пяти статей. Верховный суд (яп. *Дайсинъин*), при учреждении которого взяли за образец французский Кассационный суд, представлял собой по замыслу орган, контролирующий соблюдение законности, но фактически служил лишь инстанцией для окончательного разрешения судебных споров. Устройство судебной власти определялось законом, устанавливалась гласность судебных заседаний и гарантировалась несменяемость судей. Но в то же время, как было отмечено выше, император обладал определенными правами в судебной сфере. Деятельность Верховного суда была поставлена под контроль министерства юстиции¹.

Шестая глава «Финансы» посвящена бюджетно-налоговым вопросам. В ней описывалась процедура внесения поправок в основной закон страны. Так, согласно ст. 73 инициатива внесения изменений в Конституцию принадлежала исключительно самому императору, и при этом изменения должны были быть одобрены парламентским большинством².

Таким образом, «Конституция Мейдзи» 1889 г. стала важным шагом на пути европеизации японского государства и формирования ограниченной монархии. Ее принятие привело к признанию Японии в качестве передовой и модернизированной страны, устранив главные юридические барьеры на пути пересмотра неравноправных договоров со странами Запада. С другой стороны, Конституция Японской империи привела к укреплению

¹ История Японии / отв. ред. А.Е. Жуков. М., 1998. Т. II. С. 43.

² Конституция Японской империи 1889 года. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=551> (дата обращения: 02.01.2020).

власти монархического режима, исключив какие-либо намеки на республиканизм и разделение властей. Конституция впервые провозгласила демократические ценности и права подданных, но их реальное осуществление было под вопросом. В то же самое время модернизация Японии стала восприниматься в сознании подданных и прежде всего интеллектуальной элиты и политиков с обязательным уважением прав человека, народным представительством, кодификацией традиционного права с рецепцией европейских институтов права.

2.3. Отраслевая кодификация и европеизация традиционного права

Еще во времена «*Реформ годов Кёхо*» (1787–1793) был разрешен ввоз в Японию европейских книг по прикладным наукам, за исключением гуманитарно-философской литературы¹. Пробитая европейской книжной культурой брешь в изоляции Японии положила начало местной школе *рангакуся* («голландоведов»), представители которой выступали за распространение европейских знаний в стране.

Во второй половине XIX в. в условиях становления государства западного типа с сохранением традиционных ценностей происходит постепенная европеизация японского права и начинается свою историю современная правовая система Японии. Развивается механизм заимствования, адаптации и последующего гетерогенного развития заимствованного элемента, определивший культурное и ментальное своеобразие японской цивилизации.

Одной из важных причин, побудивших японцев к европеизации своей правовой системы, было желание пересмотреть неравноправные договоры, заключенные со странами Запада, в которых предусматривались пункты о консульской юрисдикции и экстерриториальности для иностранных граждан. Единственным выходом быстрой и качественной перестройки правовой системы являлась рецепция западноевропейского права². В случае успешной модернизации права Япония могла рассчитывать на признание ее со стороны европейских держав в качестве равноправного субъекта международных отношений.

В формировании новой *правовой системы Мейдзи-исин* можно выделить два основных этапа. На *первом этапе* происходило изучение и заимствование образцов *французского права*, что характеризовалось составлением первых в истории Японии новых кодексов западного образца и началом практики применения некоторых из них. На *втором этапе* япон-

¹ Филиппов А.В. «Три большие реформы» и процессы эволюции японского общества второй половины эпохи Эдо: дис. ...д-ра ист. наук. СПб., 2003.

² Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы) / под ред. В.А. Туманова. М., 2003. С. 348.

ские реформаторы обратились к *немецкому юридическому опыту* и увлеклись законодательством Германии. Этот этап характеризовался корректировкой как вступивших в силу, так и разработкой новых кодексов под влиянием германской правовой доктрины.

Модернизация началась с процесса подготовки кодификации японского законодательства, основанного на рецепции переводных французских кодексов. В этих целях много усилий предпринял французский юрист *Жорж Буске*, адвокат Парижского апелляционного суда. Он начал юридические переводы в 1869 г. и на протяжении пяти лет передавал их правительственной комиссии во главе с *Мицукури Ринсё*. Он был увлечен западными политико-правовыми идеями, и поэтому его нередко называют архитектором модернизированной правовой системы Японии.

Ринсё пришлось начинать с создания «собственных кирпичей нового здания», с образования ранее неизвестных японской традиции терминов и концепций, хотя он и не имел доступа к европейским юридическим учебникам, правовым комментариям и словарям. Приходилось вырабатывать элементарные понятия: субъективное право (яп. *кэнри*), юридическая обязанность (яп. *гиму*) и т. п. На японский язык стали переводить труды французских и английских философов и теоретиков права, чтобы избежать «слепого» копирования европейских законов, сделать процесс их рецепции более осмысленным, с пониманием «духа» перенимаемых правовых источников и институтов.

Наиболее заметный вклад в становление новой правовой системы Японии внес французский правовед *Эмиль-Густав Буассонад де Фонтараби* (1825–1910).

В 1873 г. *Густав Буассонад*, будучи профессором юридического факультета Парижского университета, принялся за разработку проекта Гражданского кодекса Японии, а также наряду с другими иностранными юристами занялся пересмотром неравноправных договоров с иностранными державами.

Более 20 лет Буассонад занимался разработкой проектов трех японских кодексов – ГК, УК и УПК, с использованием французских аналогов, что принесло ему мировую славу одного из первых компаративистов-практиков¹.

В ходе разработки большей части уголовного и гражданского законодательства Буассонад активно сотрудничал с японскими правоведами *Уме Кенджиро* и *Хозуми Нобушиге*. В 1887 г. Буассонад выступил против

¹ Иванами Синсё. Буассонад – отец современного японского права. Токио, 1977 (яп. яз.). В этом смысле Буассонад напоминает нам фигуру Жан-Жака Режи де Камбасереса (1753–1824), который был одним из концептуальных разработчиков (автор трех проектов) и идейный вдохновитель Гражданского кодекса Франции 1804 г.; великий французский юрист, судья и депутат, министр юстиции Франции, второй консул при Наполеоне.

предложения *Иноуэ Каору* допустить в японские судьи иностранцев и предостерег от скоропалительного пересмотра неравных договоров. Как отмечает Т. Кензо, в своей кодификационной деятельности Буассонад «стремился к комбинации двух основных идей – справедливости и утилитарности»¹.

Первым принятым в 1880 г. и вступившим затем в силу в 1882 г. «французским аналогом» стал Уголовный кодекс Японии. Его проект был составлен Буассонадом в 1877 г. по образцу Уголовного кодекса Франции 1810 г. Хотя был уже известен более ранний вариант – японский Уголовный кодекс 1870 г. (*Синрицу корё*) и Закон о дополнениях к нему 1873 г. (*Кайтэй рицурэй*), которые были составлены по образцу феодальных уголовных кодексов китайских династий Мин и Цин.

Новый японский УК 1880 г. отвечал духу нового времени Мейдзи-исин и целям модернизации общества и государства, поэтому он применялся на протяжении почти 25 лет². Кодекс состоял из 480 статей и по французской модели был разделен на четыре книги. В нем впервые были закреплены такие классические уголовно-правовые принципы, как «нет преступления без указания на то в законе», «закон не имеет обратной силы», «нельзя дважды наказывать за одно и то же преступление» и др. Вместе с тем в кодексе нашли отражение и положения традиционного права. Например, норма об обязательном смягчении ответственности, если виновный добровольно сообщит властям о содеянном им преступлении. В то же время УК окончательно отменил телесные и позорящие наказания, характерные для традиционного уголовного права Японии³.

Как и во французском кодексе, в японском преступные деяния делились на три группы: преступления, проступки и нарушения. Кодекс не признал сословного характера преступлений, был введен институт условно-досрочного освобождения, устанавливался принцип персональной виновности. Новому японскому УК была свойственна окрашенность системы наказания духом устрашения и возмездия, предусматривалось девятнадцать видов наказаний – основных и дополнительных. Наказаниями за тяжкие преступления были смертная казнь, каторга, тюрьма и т. п.⁴ За нетяжкие могли последовать такие наказания, как штраф, конфискация имущества, лишение свободы. По японской традиции наиболее тяжким преступлением считалась государственная измена, а именно восстание, нанесение или попытка нанесения вреда императору, императрице,

¹ Takayanagi Kenzo. Op. cit. P. 15.

² Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии / под общ. ред. и с вступ. ст. Н.Ф. Кузнецовой, В.Н. Ерёмкина. М., 1989. С. 25.

³ Правовые системы стран мира: энциклопедический справочник / под ред. А.Я. Сухарева. М., 2003. С. 933.

⁴ Ерёмин В.Н. История правовой системы Японии. С. 186.

наследному принцу и т. п. В целях подавления крестьянских восстаний УК вводил такое понятие, как «бунтовщическое сборище»¹.

«Закон об уголовной процедуре» Японии 1880 г. стал вторым детищем французских юристов, успевшим вступить в силу: судебная власть была отделена от административной; закреплён принцип открытости судебного разбирательства; разрешено присутствие прессы на судах; отменены пытки при расследовании уголовных преступлений; исчезли классовые и сословные различия перед судом; была введена система апелляционного и кассационного судопроизводства; учреждён институт судебных защитников. Под влиянием голландского и французского права было создано «Положение о служебных обязанностях должностных лиц юстиций», согласно которому в Японии учреждались пять видов судов: Чрезвычайный суд министерства юстиций для рассмотрения преступлений, совершенных судьями, Суд министерства юстиций, выездные суды, префектурные суды и районные суды. Были введены мировые суды, адвокаты получили значительные права. Вместе с тем суд присяжных так и не появился в эпоху Мейдзи-исин.

В 1879 г. Буассонад приступил к разработке проекта Гражданского кодекса. Авторский проект японского ГК 1891 г., называемый также «*Буассонадский проект*», вызвал теоретический спор о самой кодификации по французской модели и ее пользе для правовой системы Японии. Этот проект основывался на Кодексе Наполеона (*Code Civil des Français*) 1804 г., который с точки зрения как формы, так и содержания был великолепным образцом романо-германской кодификационной техники.

Этот проект ГК встретил резкую критику со стороны юридического сообщества Японии и лидирующей профессуры Токийского университета, находившихся под большим влиянием английского права и немецких политико-правовых воззрений. В итоге *проект Буассонада*, который должен был вступить в силу в 1893 г., отложили на год. Правительство сочло его слишком далеким от японской правовой традиции. Затем ГК был отправлен на переработку специальной комиссии, которая в 1896 г. подготовила новый проект ГК, испытавший на себе заметное влияние германского Гражданского уложения.

Новый *Гражданский кодекс Японии*, вступивший в силу в 1898 г., был основан не только на немецкой (пандектной) модели, но на весьма эклектическом нормативном материале с элементами рецепции положений ряда других европейских систем. В нем, как ни в каком другом акте, проявился гибридный (смешанный) характер модернизированной правовой системы Японии. Этот Гражданский кодекс действует в Японии по настоящее время.

¹ Инако Ц. Современное право Японии. М., 1981. С. 43.

Гражданский кодекс Японии содержал 1 044 статьи, объединенных в пять книг: общие положения, вещное право, обязательственное право, семейное право и наследственное право. Первая книга ГК была посвящена общим положениям гражданского законодательства и включала шесть глав о физических лицах, юридических лицах, вещах, сделках, исковой давности. Вторая книга ГК состояла из десяти глав, которые регламентировали институты вещного права: право владения, право собственности, суперфиций, эмпфитевзис, сервитут, право удержания, право преимуществва, заклад и ипотека. В третьей книге ГК регламентировались вопросы обязательственного права с полной рецепцией германского права. Она включала в себя пять глав: общая часть, договорное право, ведение чужих дел без поручения, неосновательное обогащение и деликты. Четвертая книга ГК была посвящена брачно-семейному праву, которое сохранило более остальных свои архаичные черты. Она состояла из шести глав: общая часть, брак, родители и дети, родительские права, опека, иждивение. Пятая книга ГК была посвящена институту наследования. По японским обычаям этот институт включал в себя не только имущественный комплекс наследодателя, но и наследование титула главы семьи, который передавался старшему сыну, наследовавшему все имущество умершего. Необходимо отметить, что жена не могла наследовать имущество мужа, а дочери допускались к наследованию только при отсутствии сыновей.

Гражданско-процессуальный кодекс Японии был разработан в 1890 г. под заметным влиянием немецкого права, а местами был, скорее, переводом немецкого Кодекса гражданского судопроизводства 1877 г.

Японский *Торговый кодекс* 1899 г., изначально основанный на немецком Торговом уложении 1900 г., в итоге по аналогии с французским правом резко контрастировал с нормами Гражданского кодекса (система дуализма частного права)¹. Он включал больше специальных норм и исключительных положений, чем общих предписаний и абстрактных норм. Раздел ТК о юридических лицах и деятельности фирм, а также раздел о вексельном праве были введены в действие только в 1893 г., а остальные разделы – вместе с ГК Японии в 1898 г. Однако уже спустя год Торговый кодекс был существенно пересмотрен и дополнен отдельными законами об авторском праве, о лицензиях, торговых знаках и др. Эта новая для Японии отрасль права так и не была до конца консолидирована, а ее головной кодифицирующий акт не содержал норм процессуального характера, и долгое время не существовали специальные торговые суды.

Не вошла в Гражданский кодекс Японии и такая традиционная подотрасль национальной цивилистики, как *международное частное право*. Его положения были консолидированы в отдельном «Законе Хорей» 1890 г.

¹ Правовые системы стран мира: энциклопедический справочник / под ред. А.Я. Сухарев. М., 2003. С. 921.

Обновленный и значительно переработанный *Уголовный кодекс* Японии был опубликован в 24 апреля 1907 г., вступил в силу 1 октября 1908 г. и не изменялся вплоть до конца Второй мировой войны.

Этот новый УК Японии был меньшего объема (64 статьи) по сравнению с предыдущей версией 1880 г. Впервые были введены нормы о смягчении наказания, институты условного осуждения и досрочного освобождения. Из особенностей нового УК можно отметить то, что судьи наделялись широким правом усмотрения в таких делах, как выбор меры наказания, ее смягчение, условное осуждение и т. п.¹

В 1890 г. «Закон об уголовной процедуре» Японии был трансформирован в Уголовно-процессуальный кодекс, на основе которого создавалась система уголовной юстиции западного образца². Данная редакция УПК действовала более 30 лет.

В начале XX в. влияние немецкого права на японскую систему только усиливалось на фоне милитаризации японского общества и государственной политики. Именно в этот момент в уголовное право Японии были внесены ряд изменений, направленных на ужесточение репрессий и увеличение полномочий полиции³. В русле изменившейся уголовной политики в 1922 г. был принят новый УПК Японии, образцом для которого послужил Уголовно-процессуальный кодекс Германии 1877 г. и который действовал по политическим причинам вплоть до окончания Второй мировой войны.

На протяжении всей второй половины XIX – начала XX в. произошла радикальная модернизация традиционной правовой системы японского государства, сложилось новое качество всей политико-правовой организации, и Япония перешла в группу вестернизированных стран со смешанной правовой системой⁴.

В начале XX в. наметились новые тенденции в развитии японского права. Стало заметно постепенное ослабление режима законности, расширение судейского усмотрения, практики применения аналогии права, введение льготного правового режима для особых монополистических объединений (*дзайбацу*), предпринимательских ассоциаций в ущерб развитию рабочего и трудового законодательства. Так, Закон 1911 г. о заводах и фабриках, содержащий отдельные положения об охране труда, был фактически введен в действие лишь в 1916 г. с особыми оговорками.

¹ Пионтковский А.А. Уголовная политика Японии. М.: Советское законодательство, 1936. С. 23.

² Мишина Е.А. Реформа системы правосудия в Японии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 3. С. 13.

³ Правовые системы стран мира: энциклопедический справочник. С. 933.

⁴ Трикоз Е.Н. Гибридные правовые системы и их место в смешанном правовом семействе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 4 (32). С. 91–98.

После Первой мировой войны, образования Маньчжоу, войны с Китаем правовая система Японии утрачивает свою системную нормативность, превращаясь в инструмент политики правящих милитаристских элит, подвергается частичной перестройке и делегитимации в глазах народа. В условиях ужесточения политического режима и под влиянием революционных событий в соседней России по стране прокатились «рисовые бунты», стали звучать требования либерализации социально-экономических и демократизации политических условий жизни. Принятое в этот период законодательство отразило две противоположные тенденции: смягчение социальных противоречий (законы об аренде земли и жилищ 1921 г., о выборах в палату депутатов 1925 г.) и усиление репрессий, ограничение свободы слова и мнений, проведения митингов и акций (Закон о поддержании общественного спокойствия 1925 г.).

В условиях эскалации насилия и агрессии на обширных территориях Восточной и Юго-Восточной Азии японцами создавалась по сути военно-колониальная система под названием «*великой восточноазиатской сферы процветания*», были пересмотрены прежние прогрессивные законы и японское право вставало на путь деградации. Были приняты одиозные законы о режиме государственной обороны, о временных мерах контроля в отношении высказываний, собраний, союзов, особый уголовный закон военного времени и др. В 1936 г. вступили в силу реакционные законы о превентивном надзоре за идеологическими преступниками и о временном контроле над документами дестабилизирующего характера. По сути тоталитарный режим и разрушение прежней правовой системы были зафиксированы в Законе 1942 г. о всеобщей мобилизации нации, который «предоставлял правительству всю полноту власти как в политической, так и в экономической жизни государства»¹.

¹ Иноуэ Киёси, Оконоги Синдзабуро, Судзуки Сёси. История современной Японии. М., 1955. С. 165.

Глава 3. Новеллизация правовой системы

3.1. Новая Конституция 1947 года: разработка и особенности

После бурных правовых преобразований эпохи *Мейдзи-исин* дальнейшее развитие Японии привело к росту милитаризма и укреплению власти военных. Участие Японии во Второй мировой войне закончилось оккупацией и полной капитуляцией в августе 1945 г. В страну прибыл главнокомандующий союзными войсками на Тихом океане американский генерал *Дуглас Мак-Артур*. 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе был подписан «Акт о капитуляции Японии».

В дальнейшем генерал Мак-Артур становится главнокомандующим союзными оккупационными войсками в Японии, в задачу которых входило проведение реформ, направленных на демократизацию и демилитаризацию страны. В итоге они были осуществлены при активном руководстве со стороны американских оккупационных властей. Уставшие от военной идеологии и милитаристской риторики властей японские подданные благопривно отнеслись к переменам и поддержали политику демократизации страны. Были осуществлены земельная реформа и ликвидация помещичьего землевладения, распущены *дзайбацу* и различные органы контроля, ликвидирован институт постоянных вооруженных сил, существенно ограничена деятельность правых политических организаций. Реформированию подверглось сельское хозяйство, силы полиции, система образования и труда. Но наиболее важным этапом на пути превращения Японии в мирное, демократическое и модернизированное государство стала разработка и принятие послевоенной Конституции.

6 сентября 1945 г. президент США Трумэн подписал документ под названием «Основные принципы политики США в отношении Японии на начальный период оккупации», устанавливающие цели, которых должны достичь США в этой стране, с оговоренной выше поправкой, что союзные державы не должны навязывать Японии форму правления, не поддерживаемую свободно выраженной волей народа.

В итоге страны-союзники учредили два органа, осуществлявших контроль над японской оккупацией: 1) Дальневосточная комиссия в Вашингтоне, формулировавшая основные принципы, по которым осуществлялась японская капитуляция; 2) Союзный совет для Японии в Токио, который являлся консультативным органом, имеющим право влиять на решения главнокомандующего и передавать существенные вопросы на решение Дальневосточной комиссии.

В январе 1946 г. японский император *Хирохито*, вступивший на престол в 1926 г., в своем обращении, по сути, публично отрицал свою божественность, отказываясь от вековых притязаний на то, что их династия

ведет свою родословную якобы от богини солнца Аматаэрасу. Таким образом были пересмотрены соответствующие положения синтоизма, произошел отход от учения «*кокутай*» и положений о том, что правление императора осуществляется не в силу конституции, а в силу мифического эдикта богини Солнца, который долгое время рассматривался как главный источник японского государственного права.

Японское правительство Сидэхара было вынуждено создать особый специальный Комитет для пересмотра Конституции. Параллельно велась разработка американской версии проекта Конституции, где предполагалось соблюдение четырех основных условий: обеспечение гражданских прав, проведение демилитаризации страны, отмена пережитков феодализма, оставление во главе страны императора.

4 марта 1946 г. в результате доработки японского Правительства американский проект Конституции был окончательно согласован, с изменениями двух важных пунктов: создание двухпалатного парламента, а не однопалатного, и изъятие статьи о государственной собственности на землю и другие природные ресурсы. 3 июня 1946 г. новый премьер-министр Ёсида Сигэру передал проект в Тайный совет, который одобрил его 8 июня.

6 октября 1946 г. проект Конституции был одобрен обеими палатами парламента, а 29 октября утвержден окончательно Тайным советом. 3 ноября 1946 г. Конституция Японии («*Нихон коку кэнпо*:») была промульгирована императором и вступила в силу 3 мая 1947 г.

Конституция Японской империи 1947 г. состояла из 11 глав и 103 статей. В основном она восприняла положения Конституции США 1789 г., а также конституционное законодательство ряда других государств. В частности, закрепление принципа равноправия мужчин и женщин произошло под влиянием Конституции СССР 1936 г.

В преамбуле новой Конституции был закреплён принцип народного суверенитета, а также подчеркнуто, что данный документ является основным законом страны и все законы, противоречащие Конституции, признаются недействительными. В ст. 99 Конституции особо подчеркивается, что «император или регент, а также государственные лица обязаны уважать и охранять Конституцию».

Глава первая Конституции посвящена императору. Наследственная императорская власть была сохранена под давлением правых сил и социально-психологических факторов, консервативного монархического сознания большинства японцев, особенно в сельской местности. Сохранение монархии предполагало, вместе с тем, радикальное изменение роли и места императора в государстве. Отныне император не обладал уже реальной политической властью. Статья 1 Конституции, называющая *Тэнно* «символом государства и единства народа», является уникальной. Дело в том, что ни в одной другой монархической конституции не встречается такая формулировка статуса монарха. Поэтому к форме правления Японии подходит

понятие «символическая монархия», или «идеологическая монархия», что отражает вполне самобытный характер японской государственности, отличающий ее от западных монархий.

Согласно статье 3 Конституции, все действия императора, относящиеся к делам государства, могут быть предприняты и могут приобрести законную силу не иначе как по совету и с одобрения Кабинета министров, который несет за них ответственность перед парламентом.

В статье 4 Конституции закреплены следующие полномочия императора: назначение премьер-министра по представлению кабинета, право на промульгирование поправок к Конституции, созыв парламента и роспуск нижней палаты с одобрения кабинета министров, подтверждение назначения и отставки государственных министров и других должностных лиц. Во внешнеполитической сфере императору отводится лишь подтверждение различных дипломатических документов, прием иностранных послов с совета и одобрения кабинета министров.

Глава вторая Конституции под названием «Отказ от войны» имеет такую особенность, что состоит всего лишь из одной *статьи 9*. Она закрепляет принцип полного отказа от создания военных сил или армии. «Японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации». Тем самым был юридически закреплён успех политики демилитаризации. В послевоенной Японии были запрещены все виды боевых искусств, изготовление японских мечей (вплоть до 1953 г.). На конституционно-правовом уровне была воплощена идея пацифизма, которая до сих пор преобладает в японском обществе и даёт положительные результаты, выражающиеся в низких расходах на военный сектор.

Первое отступление от обязательств по статье 9 Конституции намечалось в период войны с Кореей, когда были сформированы резервы полицейского корпуса, формально выполнявшего только правоохранительные функции, а на деле оснащённого новейшим вооружением. Затем в 1951 г., после расквартирования войск США на архипелаге Рюкю, вооружённые силы Японии также стали увеличиваться, и прежний полицейский корпус был преобразован в Корпус национальной безопасности (110 тыс. чел.), а впоследствии – в японские Силы самообороны (с 1954 г.). В 1980 г. Парламент официально признал «формальное право» Японии на вооружение бактериологическим и химическим оружием и разрешил использовать Силы самообороны за границей «для спасения находящихся там граждан Японии». В 2006 г. Парламент утвердил закон о придании Силам самообороны статуса военной организации и наделении оборонной службы статусом отдельного министерства. Правительство приняло специальную резолюцию в 2014 г., согласно которой страна имеет право на коллективную самооборону и может использовать Силы самообороны в случае вооружённого нападения. Весной 2017 г. новый премьер-министр Синдзо Абэ, будучи одновременно главнокомандующим Сил самообороны Япо-

нии, объявил, что не позднее 2020 г. состоится давно назревший пересмотр статьи 9 Конституции.

Глава третья Конституции под названием «Права и обязанности народа» частично напоминала в предыдущей Конституции Мейдзи-исин раздел основных прав и свобод японских «подданных». Данная глава новой Конституции состоит из 30 статей, которые в совокупности подчеркивают новую роль личности в качестве активного носителя субъективных прав и свобод. Впервые был закреплён ряд социально-экономических прав и свобод (право на труд, запрет принудительного труда, право на свободное получение образования, свобода научных исследований).

Конституция 1947 г. установила принцип нерушимости основных прав и свобод человека (ст. 11), пояснив, что «все люди должны уважаться как личности»; они должны быть «равны перед законом» (ст. 14) и не могут подвергаться какой-либо «дискриминации в политическом, экономическом и социальном отношениях по мотивам расы, религии, пола, социального положения, а также происхождения» (ст. 14). Впервые в правовой истории Японии закреплён принцип равенства полов (ст. 25).

В Конституции провозглашены классические политические и гражданские свободы: свобода слова и мысли, собраний, ассоциаций и «иных форм выражения мнений», недопустимость цензуры, свобода вероисповедания, свобода научной деятельности (ст. 19–23); свобода выбора места жительства и право беспрепятственного выезда за границу. В ст. 13 основной закон признавал право на «стремление к благополучию», в чем прослеживается аналогия с знаменитой формулировкой Декларации независимости США 1776 г. о естественном праве человека на стремление к счастью. В сфере культурных и социальных прав Конституция содержит абстрактное провозглашение права на получение образования, на труд и на объединение (ст. 26–28). Статья 29 содержала ограниченное толкование права собственности, в духе социализации этого права (наподобие Веймарской конституции 1919 г.): «Право собственности определяется законом, с тем чтобы оно не противоречило общественному благосостоянию. Частное имущество может быть использовано в публичных интересах за справедливую компенсацию». Личной безопасности японских подданных посвящён блок ст. 31–40¹.

Статья 25 Конституции обязывает государство прилагать усилия для подъёма и дальнейшего развития общественного благосостояния и социального обеспечения.

Конституция 1947 г. гарантировала «нерушимость и вечность» основных прав граждан (ст. 2 и 97), принадлежность их подданным от рождения, вследствие чего они не могут нарушаться даже парламентским

¹ Инако Ц. Современное право Японии / пер. с япон. М., 1981. С. 180.

актом. Такой подход к правам и свободам заимствован из западной правовой доктрины и теории естественного права.

Главы четвертая и пятая Конституции посвящены двум высшим органам власти – двухпалатному Парламенту и Кабинету министров, в построении которых заметны заимствования конституционно-правового опыта Великобритании.

Высшим органом государственной власти и единственным законодательным органом объявлялся двухпалатный Парламент (ст. 41 Конституции). Японский парламент состоит из нижней Палаты представителей (*Сюгин*) и верхней Палаты советников (*Сангин*). Члены парламента избираются на основе всеобщего избирательного права. Активное избирательное право предоставляется японским гражданам с 20 лет, пассивное – с 25 лет в нижнюю палату и с 30 лет – в верхнюю палату. Напомним, что всеобщее избирательное право в Японии было введено для мужчин в 1925 г., а для женщин лишь в конце 1945 г.

Палата представителей переизбирается каждые четыре года, но может быть распущена по предложению Кабинета министров. Она имеет больше полномочий, нежели верхняя, в частности ей принадлежит право первой рассматривать законопроект о бюджете, есть преимущества в вопросе назначения нового премьер-министра и при обсуждении международных договоров, наличие права выражать вотум недоверия или доверия Кабинету министров.

Срок полномочий Палаты советников определен в шесть лет, с переизбранием половины членов каждые три года.

Согласно ст. 59 Конституции, законопроект может стать законом только после его принятия обеими палатами. Там же сказано, что если Палата советников вынесла решение, отличное от Палаты представителей, то законопроект становится законом после вторичного одобрения большинством нижней Палаты. Однако Палата советников имеет право полностью отклонить законопроект. Премьер-министр и другие министры, согласно ст. 63, должны присутствовать на заседании палат, если они необходимы для дачи ответов и разъяснений. Кроме того, согласно ст. 62 каждая палата имеет право проводить расследование по вопросам государственного управления. Парламент может образовать из числа депутатов суд для рассмотрения в порядке импичмента дел тех судей, против которых возбуждено дело об отстранении их от должности (ст. 64).

Кабинет министров, в свою очередь, является высшим органом исполнительной власти (ст. 65). Кандидатура премьер-министра выдвигается парламентом из числа депутатов, и чисто номинально за императором закреплено символическое полномочие назначать премьер-министра, выдвинутого парламентом. Правительство несет ответственность именно перед парламентом, а не перед императором, как это было заложено в предыдущей Конституции.

Премьер-министр является главой исполнительной власти, назначает министров, большинство из которых отбирают из состава депутатов, а также по своему усмотрению отстраняет их от должности. Премьер обладает правом законодательной инициативы, вносит в парламент законопроект о бюджете, выступает с докладами по вопросам внешней и внутренней политики, руководит всеми звеньями исполнительной власти и контролирует их, руководит внешней политикой, организует гражданскую службу. Согласно ст. 69 Конституции, Палата представителей может принять резолюцию о вотуме недоверия правительству или отклонить проект резолюции о доверии. В этом случае Кабинет должен уйти в отставку, если Палата представителей не будет распущена в течение десяти дней.

Глава шестая «Судебная власть» базируется на соответствующем разделе Конституции США¹. Согласно ст. 81 Верховный суд Японии уполномочен решать вопрос о конституционности законов, что является аналогом полномочия ВС США. Конституция закрепляет независимость судей, однако их по-прежнему назначает правительство; упраздняются административные суды, находившиеся ранее под контролем правительства, и все дела административной юрисдикции переходят к обычным судам. В Конституции так и не был введен суд присяжных.

Глава седьмая Конституции посвящена финансам и бюджетному делу. Установлено, что распоряжаться государственными финансами может только Парламент. Бюджет на каждый финансовый год составляется Кабинетом министров, который предоставляет его на обсуждение и утверждение Парламенту.

В Главе восьмой Конституции о местном самоуправлении закреплялось, что все местные должностные лица, включая глав органов публичной власти и членов местных собраний, должны избираться населением путем прямых выборов (ст. 93). Органы местного самоуправления впервые получили свою автономию (ст. 92) и могли в пределах компетенции издавать постановления, взимать налоги, управлять местными делами. При этом органы местного самоуправления не имели собственного бюджета, а потому «жили» за счет государственных дотаций. Ряд отраслей коммунального хозяйства принадлежало частным компаниям, и муниципалитеты были лишены права самостоятельного управления.

В своей заключительной части Конституция 1947 г. объявлялась основным законом страны, которому не могут противоречить другие нормативные акты. Император, парламент, министры и все иные государственные лица обязуются охранять и уважать Конституцию.

Сразу после принятия Конституции было принято множество разъясняющих и дополняющих ее законодательных актов. Ряд законов были направлены на демократизацию и модернизацию государства, на отмену

¹ Haley J.O. The spirit of Japanese law. University of Georgia Press, 2006. P. 244.

предшествующих репрессивных актов, наподобие одиозного «Закона о поддержании общественного спокойствия» 1925 г. Были приняты следующие конституционные акты: Закон об императорской семье, Закон о парламенте, Закон о выборах в Палату представителей, Закон о Кабинете министров, Закон об организации государственной администрации, Закон о государственных публичных должностных лицах, Закон о регулировании политических фондов и расходах, Закон о жалобах на действия должностных лиц, Закон о местном самоуправлении, Закон о суде, Закон о прокуратуре, Закон о полиции, Закон об образовании и др.

В 1980 г. возобновилась деятельность Комиссии по обновлению Конституции. Результатом ее подготовки стал новый проект поправок к Конституции, содержащий в себе нормы о наделении императора полномочиями главнокомандующего Силами самообороны, что позволяло ему давать указания о начале боевых действий. Проект, однако, так и не был поддержан.

В 2017 г. премьер-министр С. Абэ призвал активизировать дебаты о поправках к Конституции: во-первых, дополнить ст. 9 третьим абзацем, официально определяющим статус Сил самообороны страны; во-вторых, сделать дополнение к ст. 26 о том, что получение высшего образования является безвозмездным. Ряд политиков призывает к дополнению Конституции так называемыми новыми правами человека: правом на благоприятную экологическую среду, правом на информацию, правом на приватность.

По мнению экс-премьера Накасонэ Ясухиро, «если и продолжится разговор о пересмотре Конституции, то только в условиях открытого и всестороннего общественного обсуждения ее проекта»¹. На сегодняшний день сложилось четыре типа отношения к тексту Конституции 1947 г.: его защита в первоизданном виде (*гокэн*), реформа путем внесения поправок (*кайкэн*), реформа через толкование имеющегося текста (*кай-сяку кайкэн*), дополнение конституции новыми поправками (*сокэн*)².

3.2. Развитие новых отраслей законодательства

После поражения милитаристской Японии во Второй мировой войне и принятия новой демократической Конституции 1947 г. для оздоровления экономического климата и новеллизации гражданского и торгового права стали постепенно вводиться законы: об обороте ценных бумаг (акций, облигаций, векселей и др.) 1948 г.; о восстановлении компаний 1952 г.; о возмещении ущерба, связанного с движением автомобильного транспорта 1955 г. или использованием атомной энергии 1961 г.; о специальных мерах в

¹ Накасонэ Ясухиро. Государственная стратегия Японии в XXI веке. М., 2001. С. 167.

² Hook G.D., McCormak G. Japan's Contested Constitution. Documents and Analysis. L.-N. Y., 2001. P. 2.

области налогообложения 1957 г.; о форсировании разработки водных ресурсов 1962 г.; о среднем и мелком предпринимательстве 1963 г. и др.¹

Дальнейшее развитие получило *антимонопольное законодательство* Японии, толчком которому послужило принятие Закона 1947 г. о запрещении частной монополии и поддержании честной торговли.

В связи с проведенной в 1951 г. реформой *акционерного законодательства* были внесены существенные изменения в Торговый кодекс Японии. Приняты важнейшие законы о восстановлении компаний 1952 г., о международных морских перевозках товаров 1957 г., о торговой регистрации 1963 г. и отдельный Патентный закон Японии 1959 г.

В 1950-е гг. началось обновление *земельного законодательства* (например, Закон о сельскохозяйственных землях 1952 г.), направленное на ликвидацию системы помещичьего землевладения, передачу земли в собственность крестьян².

Все это вместе взятое на фоне невысоких налогов и интенсивного освоения новых технологий заложило социально-юридические и экономические основы для бурного роста национальной рыночной экономики, который стал известен как «Японское экономическое чудо»³. На смену довоенным, жестко иерархичным *дзайбацу* во главе с аристократическими семействами пришли новые финансово-промышленные группировки – *кэйрэцу*, оставшиеся фундаментально связанными в своих экономических кластерах, но уже не вертикальными, а горизонтальными и координационно-партнерскими связями, группировавшиеся вокруг крупных банков (например, группы *Mitsubishi, Mitsui, Sumitomo, Fuyo* и др.). Послевоенная экономика Японии оставалась по своей сути госкапиталистической, а ее успех обеспечивался удивительным взаимным доверием верховной власти и большого бизнеса.

Наряду с предпринимательским и торговым правом, в послевоенный период необходимому обновлению подверглось *трудовое законодательство* Японии. Во второй половине XX в. были приняты специализированные законы о регулировании трудовых отношений 1946 г., о профессиональных союзах 1946 г., о трудовых стандартах 1947 г., об охране труда 1947 г., о страховых компенсациях несчастных случаев на производстве 1947 г., о минимальном размере оплаты труда 1959 г., о безопасности на производстве и здоровье 1972 г., о равных возможностях при найме на работу 1986 г., о благополучии работников, заботящихся о детях или других членах семьи 1991 г., о продлении трудовых контрактов 2000 г., об инди-

¹ Правовые системы стран мира: энциклопедический справочник / под ред. А.Я. Сухарева. М., 2003. С. 939.

² Сравнительное правоведение: национальные правовые системы / под ред. В.И. Лафитского. Т. 3. Правовые системы Азии. М.: Контракт: ИЗиСП, 2014. С. 371.

³ Феномен рекордного роста экономики Японии (+10 % ежегодно) в середине 1950-х – начале 1970-х гг., вплоть до нефтяного кризиса 1973 г. См.: Vestal J. Planning for Change: Industrial Policy and Japanese Economic Development, 1945–1990. Oxford: Clarendon Press, 1993.

видуальном разрешении трудовых споров 2001 г. и др. Так, Закон о трудовых стандартах 1947 г. установил национальные основы трудовой политики: 8-часовой рабочий день, ограничение рабочей недели, надбавки за сверхурочную работу, оплачиваемые отпуска, ответственность предпринимателей за охрану труда и др.

Постепенно сложилась пресловутая система *пожизненного найма*, когда предприниматель-работодатель обеспечивает работникам сохранность рабочего места на протяжении их жизненного цикла производственной деятельности. Почти не применяется система сдельной оплаты труда, а действует специфическая система заработной платы, размер которой зависит от стажа работы на одном предприятии или в организации, от возраста, образования, опытности работника, что ведет к ежегодному повышению размера зарплаты конкретного работника.

Японское *трудовое законодательство* содержит прямой запрет дискриминации женщин только применительно к оплате труда.

Необычное исчисление периода отпусков в японском трудовом праве заключается в том, что его продолжительность начинается с 10 дней в году и может увеличиваться при непрерывном стаже на один день за каждый дополнительный год работы, но при этом оплачиваемый отпуск не может превышать 20 дней в год. При этом каждый пятый работник не пользуется своим правом на отпуск, что связано с развитой здесь «культурой переработок», общественным стереотипом трудоголизма (яп. *кароши*) и страхом потерять рабочее место. Поэтому рабочие и служащие вынуждены идти на десятки и даже сотни часов переработки в месяц, которые официально редко не оплачиваются работодателем.

Пенсионное законодательство в Японии весьма запутано и специфично детализировано. Начиная с послевоенного периода принималось и отменялось множество пенсионных законов. Так, пенсионный возраст для государственных служащих установлен с 55 лет, для лиц, занятых в сельском хозяйстве, – 65 лет, для всех остальных работников и частных предпринимателей – 60 лет (одинаково для мужчин и женщин). С 1986 г. учрежден правительственный Фонд социального страхования, который является накопительной системой, куда поступают финансовые отчисления работодателей и работников для формирования пенсионных выплат. Таких пенсионных выплат три вида: 1) профессиональная пенсия в рамках «пенсионной системы обществ взаимопомощи» отдельных профессий государственных и муниципальных служащих (*кёсай нэнкин*); 2) государственная (бюджетная) пенсия для самозанятых в рамках «национальной пенсионной системы» (*кокумин нэнкин*); 3) «пенсионная система социального благосостояния» (*косэй нэнкин*), предполагающая единоразовое пособие пенсионерам (от руководства предприятия в соответствии с выслугой лет).

В послевоенное время берет свое начало законодательство о *защите прав потребителей* (*consumer's rights protection*) в Японии. Разрабатывается серия актов об ответственности за ущерб, нанесенный потребителю так

называемыми опасными товарами. В 1961 г. принимается Закон о продаже в рассрочку, в котором регламентировались основы механизма защиты и гарантий прав потребителей. В 1968 г. вводится в силу Основной закон о защите интересов потребителей, который гарантирует японским гражданам право на всестороннее и точное знание действительных свойств товаров и услуг. Закон о предотвращении неточной спецификации разрешает привлечь к ответственности компанию, чьи товары по своим реальным качествам не соответствуют указанным в рекламе. Сегодня действует более полусотни национальных законов и префектурных регламентов в сфере правовой защиты потребителей, в том числе Закон о безопасности потребительских товаров 1973 г.; Закон о мерах и весах 1985 г.; Закон о промышленной стандартизации 1980 г., законы, регламентирующие уровень информированности потребителей и др.

Наряду с этим блоком, развивается законодательство о безопасности технологического оборудования и применяемых в производстве веществ и материалов, об ограничении воздействия на человека опасных и вредных производственных факторов. Так, в 1977 г. был принят Закон об ограничении шума, вибрации, распространяющийся на все промышленные предприятия Японии.

В середине XX в. важное место в системе японского законодательства заняли *законы об охране окружающей среды*. В тот период в стране обострилась проблема «*когай*» – загрязнения и разрушения природной среды.

В такой обстановке парламент разработал серию экологических актов во главе с Основным законом о контроле за загрязнением окружающей среды 1967 г. Кроме того, были приняты законы о контроле над количеством дыма и сажи, выбрасываемых в окружающую среду, 1962 г., законы о предотвращении загрязнения атмосферного воздуха и об ограничении шума 1968 г. В 1961 г. были выпущены два закона о возмещении атомного вреда и о выплате компенсации за убытки, причиненные таким вредом.

Еще более интенсивно экологическое правовое регулирование развивается в 1970-е гг. после принятия законов об участии предпринимателей в расходах по предотвращению «*когай*» 1970 г., о предотвращении зловония 1971 г.; о сохранении окружающей природной среды 1972 г.; о возмещении ущерба, причиненного отработанными маслами 1975 г.; о регулировании вибрации 1976 г. и др.

Отличительной чертой национальной экологической политики Японии на рубеже нового XXI в. является внедрение инновационных «зеленых технологий»: 40% мировых патентов на гибридные автомобили, 33% патентов в области энергоэффективности, 10% на долю альтернативных источников энергии и др.¹

¹ Банчева А.И. Экологические инновации Японии: основные направления развития и особенности управления // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 5. С. 190–196.

3.3. Новеллизация гражданского и уголовного права

Гражданское (вещное и обязательственное) право. В дуалистической системе частного права Японии основные источники – это Гражданский кодекс 1898 г. и Торговый кодекс 1899 г. Известное место в системе источников гражданского законодательства занимают сложившиеся обычаи, деловые обыкновения, нормы этики и морали.

Так, ГК Японии раскрывает понятие сделки, подчеркивая, что ее ожидаемый результат достигается благодаря действию не правовых норм, а обычаев и морали. Как отмечает Умэ, при составлении кодекса «с самого начала признавался дуализм институтов права, созданных на основе западноевропейской науки и японских морали и обычаев. Исходя из этого, старались по возможности сделать так, чтобы институты права не противоречили морали»¹.

В ст. 90 ГК Японии указано на недействительность ряда сделок ввиду их противоречия публичному порядку (интересам государства и общества) и добрым нравам (нравственным категориям). Так, японские цивилисты С. Вагацума и Т. Ариидзуми, отталкиваясь от судебной практики и научных доктрин, выделяют пять элементов содержания термина «публичный порядок и добрые нравы»: 1) нарушение моральных принципов, противоречие человечности и морали (например, договоры, препятствующие совместному проживанию родителей и детей; обещания, расторгнув брак, заключить новый); 2) нарушение принципа справедливости (например, сговор с целью совершения преступления или иного незаконного действия; договоры, заключение которых является компенсацией за совершение незаконных действий (ст. 132 ГК); 3) использование в корыстных целях неосмотрительности или материальных затруднений контрагента (например, заключение договора займа под завышенные проценты); 4) чрезмерное ограничение свободы другого лица (например, договор о принуждении к проституции, договор найма в широкой сфере деятельности и длительный период); 5) спекулятивные сделки (например, азартные игры, лотереи без надлежащего разрешения).

Кроме того, в случае отсутствия правового регулирования японский судья может прибегнуть к аналогии права и использовать своей судейское усмотрение. Так, еще в декрете премьер-министра Японии № 103 1875 г. было прямо указано, что при отсутствии соответствующих законов или обычаев гражданское дело должно разрешаться судами, исходя из логики.

Гражданский кодекс Японии, введенный в действие с 16 июля 1898 г., состоит из пяти книг и 1 044 статей.

Первая книга ГК «Общие положения» состоит из глав о физических и юридических лицах, вещах, сделках, об исковой давности. Пункт 1 ст. 1

¹ Цит. по: Ерёмин В.Н. История правовой системы Японии. М., 2010. С. 194.

ГК Японии соответствует ст. 12 Конституции Японии и гласит, что частные права должны следовать общественному благосостоянию.

Возраст гражданского совершеннолетия установлен в 20 лет, что выше брачного возраста. Полная дееспособность может наступить ранее этого возраста, в силу самого факта вступления несовершеннолетнего в брак. В случаях, связанных с наследственным правом, и при возникновении деликта правоспособность человека наступает с момента рождения и распространяется также на ребенка, находящегося в утробе матери¹.

Вторая книга ГК «Вещное право» регламентирует такие институты, как право владения, право собственности, суперфиций, эмпфитевзис, сервитут, право удержания, право преимущества, заклад и ипотека.

Книга третья ГК «Обязательственное право» состоит из пяти глав: общая часть (цели обязательства, множественность лиц в обязательстве, передача и прекращение обязательства), институт договора, ведение чужих дел без поручения, неосновательное обогащение и деликатное право.

Принципы заключения сделок, условия действительности договоров и отдельные институты обязательственного права сконструированы под заметным влиянием соответствующих норм Германского гражданского уложения. Японцы по традиции используют вместо подписи под договором свои личные печати (*ханко*). Эти печати регистрируются в муниципальных органах, где затем хранятся их оттиски. Такие печати считаются официальными и ставятся в обязательном порядке при заключении договоров купли-продажи недвижимости или займа.

По ГК Японии *договор купли-продажи* движимости мог быть заключен в любой форме, независимо от суммы и характера сделки (гражданская она или торговая). Для перенесения права собственности на движимую вещь (как индивидуально-определенную, так и определенную родовыми признаками) требовалась передача вещи продавцом покупателю (ст. 239). На продавца возлагалась ответственность лишь за скрытые недостатки. При эвикции вещи покупатель был вправе считать договор неисполненным со всеми вытекающими последствиями. Продавец также имел право установить разумный срок для принятия вещи, по истечении которого он мог расторгнуть договор (ст. 541).

В Гражданском кодексе довольно детально регламентировались отношения по поводу *договора найма имущества*. Наймодатель обязывается поддерживать вещь в пригодном состоянии для предусмотренного договором использования и производить ее ремонт, кроме случаев текущих неисправностей (ст. 606). Наниматель обязан вносить наемную плату в сроки, установленные договором, а при отсутствии в договоре таких указаний – в сроки, предусмотренные законом или обычаем данной местности

¹ Лоренц Д.В., Шотт Е.К. Правоспособность насцитуруса: наследственно-правовой аспект // Наследственное право. 2015. № 3. С. 24–28.

(ст. 614). С согласия наймодателя наниматель мог сдать вещь в поднаем и даже передать свои права по договору, заключив договор перенайма (ст. 612).

По ГК Японии основанием *обязательств из деликтов* является причинение вреда личности или имуществу. При этом деликтная ответственность регламентируется не только Кодексом, но и целым рядом специальных законодательных актов. Так, действуют законы от 17 июня 1961 г. «О возмещении за атомный вред» и «О заключении соглашения о выплате компенсации за возмещение убытков, причиненных атомным вредом». Исходной идеей в регламентации этого вида деликтной ответственности считается идея «строгой», или «абсолютной», ответственности: владелец атомной установки отвечает за всякий вред, причиненный этой установкой, за исключением случаев, когда такой вред возник в результате исключительного стихийного бедствия или серьезных общественных беспорядков. При этом указано два способа обеспечения возмещения ущерба: 1) финансовая гарантия, которую представляет лицо, эксплуатирующее атомную установку, в виде страхового полиса, наличных денег или ценных бумаг; 2) специальное соглашение о возмещении, которое заключается между правительством и лицом, эксплуатирующим атомную установку.

Брачно-семейное право и наследование. В Японии, как и в ряде других государств (ФРГ, Швейцария, Франция), отсутствует семейное право как самостоятельная отрасль права. Здесь семейные правоотношения регулируются ГК Японии 1898 г. В нем изначально был установлен ряд прогрессивных моментов, в частности закреплено свободное волеизъявление в качестве условия вступления в брак, установлен институт моногамного брака и введен запрет на многоженство¹.

Послевоенная модернизация японского семейного и наследственного законодательства привела к изменениям в сторону меньшей патриархальности. При вступлении в брак семья могла выбрать фамилию любого из супругов, а не только мужа. Было упразднено обязательное проведение религиозного обряда при вступлении в брак, значительно упрощена сама процедура заключения брака. Так, Законом от 22 декабря 1947 г. был введен гражданский брак, если на него соглашались брачующиеся, ликвидировано бесправное положение женщины в семье, которая наравне с мужчиной получила право на развод и наделялась имущественными правами. В случае расторжения брака права на детей остаются только у одного из родителей и в большинстве случаев они переходят к матери.

В сфере наследственного права особая национальная специфика отражалась даже на самом понятии этого института. Так, наследование понималось не только как имущественное правопреемство, но и как наследование поста главы семьи, который традиционно передавался старшему

¹ Инако Ц. Современное право Японии. М., 1981. С. 45.

сыну вместе с верховным правом распоряжения семейным имуществом. При этом ранее жена не наследовала после смерти мужа, а дочери призывались к наследованию только при отсутствии сыновей.

Однако в послевоенный период наследственное право подверглось заметной новеллизации в ходе реформы 1947 г. В результате жена и дочери получили право наследовать наравне с сыновьями. Наследственное право стало регулировать только передачу имущественных прав. При наличии нескольких детей каждый из них получал равную долю наследства. Но доля внебрачных детей должна была быть наполовину меньше доли, наследуемой законнорожденными. При отсутствии детей переживший супруг получал 2/3 наследственного имущества, а оставшаяся часть переходила к родителям. В Японии укрепился режим плюрализма форм завещания: собственноручное завещание, тайное завещание и публичное завещание (завещатель диктует завещание нотариусу в присутствии двух свидетелей).

Что касается такой традиционной подотрасли национальной цивилистики, как *международное частное право*, изначально она не вошла в Гражданский кодекс Японии. Ее положения были консолидированы в отдельном Законе Японии «Об общих правилах применения законов» от 1898 г. № 10 (в ред. 21 июня 2006 г.), который регламентирует вопросы личного статуса и семейные отношения. В ст. 3 Закона Японии 2006 г. указано на обычай как самостоятельный источник МЧП, применимого к гражданско-правовым отношениям, связанным с иностранным правовым порядком. Применение иностранного права на территории Японии может быть ограничено посредством оговорки о публичном порядке (ст. 42)¹.

Гражданский процессуальный кодекс и Закон об организации суда 1890 г. длительный период регламентировали практически все вопросы гражданского процесса Японии. В 1926 г. японский ГПК был издан в новой редакции, подготовленной по образцу австрийского законодательства и предусматривавшей усиление активной роли суда в процессе. После Второй мировой войны ГПК существенным изменениям не подвергался.

В 1996 г. главным образом с целью рационализации и ускорения судопроизводства началась реформа действовавшего в стране законодательства о гражданском процессе. Был принят новый ГПК Японии, который вступил в силу 1 января 1998 г. Окружные суды и суды суммарной юрисдикции рассматривают обычные гражданские иски на сумму не более чем 900 тыс. иен.

Уголовное право. Уголовный кодекс, вступивший в силу 1 октября 1908 г., по сей день действует в Японии². Содержавшие в нем общие дефиниции различных составов преступлений и широкие рамки выбора видов и

¹ Касаткина А.С. Современные кодификации международного права в странах Юго-Восточной Азии (Китайская Народная Республика и Япония) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2.

² Ерёмин В.Н. История правовой системы Японии. С. 258.

мер наказаний способствовали расширению практики судейского усмотрения и развитию прецедентного права.

На протяжении XX в. УК Японии неоднократно подвергался изменениям и дополнениям, вплоть до разработки проектов его полной рекодификации и замены новым кодексом (проекты УК 1927, 1947, 1972 гг. и др.).

Сразу после Второй мировой войны уголовно-правовая реформа была направлена прежде всего на приведение УК в соответствие с новой Конституцией 1947 г. и принятыми на ее основе законами о малозначительных преступлениях 1948 г., о несовершеннолетних 1948 г. и др.

Так, Законом от 26 октября 1947 г. были смягчены условия для отсрочки исполнения наказания, вводилось правило о погашении судимости, исключалась норма о продолжающемся преступном действии. Были отменены главы Особенной части УК 1907 г., которые регламентировали ответственность за преступления против императорской фамилии (в связи с несоответствием конституционному принципу равенства всех перед законом), за преступления против общественного спокойствия и порядка, за преступления против глав и дипломатов иностранных государств; декриминализована супружеская измена со стороны жены (в свете конституционной нормы о равенстве полов). Напротив, были усилены наказания за посягательства на здоровье и жизнь человека, а также за злоупотребление властью со стороны публичных должностных лиц¹.

Во второй половине XX в. в японский УК четырежды вносились поправки. Так, в 1980 г. была ужесточена уголовная ответственность за коррупционные преступления. В 1987 г. внесено дополнение в институт действия уголовного закона в пространстве. В Общую часть УК была введена новая статья 4-II, которая устанавливала, что Уголовный кодекс применяется к любому лицу, совершившему за границей преступление, предусмотренное Особенной частью и преследуемое в соответствии с международным договором Японии. Было также включено понятие электронной записи и сформулировано несколько связанных с этим постановлений в Особенной части, в частности новые составы компьютерных преступлений.

Внесение в УК изменений по закону 1991 г. выражалось в увеличении размера уголовного штрафа и малого уголовного штрафа. Закон о внесении поправок 1995 г. затронул как Общую, так и Особенную часть УК. Упростилась сама форма изложения норм в кодексе, они подверглись редакционной обработке, трудные для понимания термины были заменены более четкими и понятными. Исключались положения об усилении ответственности за преступления, направленные против прямых родственников по восходящей линии, что соответствовало конституционному принципу равенства всех перед законом.

¹ Оно Сэйитиро, Накано Цугио, Уэмацу Та-даси, Датэ Акио. Кэйхо (Уголовный кодекс). Токио, 1981. 88 с.

Принципы, правила и понятия Общей части УК Японии нередко модифицировались под влиянием текущего законодательства иной отраслевой принадлежности. В частности, эту функцию выполняли законы о публичных должностных лицах, о предотвращении подрывной деятельности, о несовершеннолетних, о монопольной торговле, о контроле за сильнодействующими и ядовитыми веществами, о подоходном налоге, о водных транспортных средствах и др.

Так, если в Общей части УК Японии уголовная ответственность предусмотрена с 14 лет, то по Закону о несовершеннолетних – с 16 лет, что сужало круг лиц, на которых распространялся уголовный закон. В соответствии с этим же Законом к возрастной группе от 16 до 20 лет (совершеннолетие по японскому законодательству наступает с 20 лет) уголовные санкции могли применяться только в случае совершения тяжких преступлений, которые по УК караются лишением свободы или смертной казнью.

Несмотря на то, что УК Японии изначально предусматривал ответственность только физических лиц, в корпоративном законодательстве Японии появились нормы об ответственности за преступления и юридических лиц. Так, в Законе о наказаниях за преступления в виде загрязнения окружающей среды, затрагивающие здоровье человека, 1970 г. установлена возможность наказания в виде уголовного штрафа до трех миллионов иен для юридических лиц, умышленно или по неосторожности причинивших вред либо создавших угрозу его причинения жизни или здоровью человека.

Одним из недостатков Общей части УК Японии было отсутствие описания принципов уголовного права и специальных норм о задачах национальной уголовной политики. Здесь так и не нашли закрепления такие классические принципы, как «нет преступления и наказания без указания на то в законе», хотя принято считать, что он косвенно отражен в ст. 31, 39 и 36 Конституции Японии 1947 г.

В Общей части УК отсутствуют дефиниции таких важных понятий, как «преступление», «соучастие», «подстрекательство», «пособничество» и многие другие. Ряд основополагающих уголовно-правовых положений «реконструируются» путем судебного толкования и доктринальным путем, с помощью разъяснений Верховного суда Японии и посредством текущей судебной практики. Как отмечает Кида Дзюнъити, японский Уголовный кодекс не содержит общей характеристики преступления, следовательно, нет иного пути, кроме как разрешать эту проблему в научной доктрине, которая занимается разработкой понятия и признаков преступления в соответствии с международными стандартами¹.

¹ Кида Дзюнъити. Нихон кэйхо сорон (Общая часть японского уголовного права). Киото, 1977. С 49.

Положения Общей части УК регламентируют формы вины (ст. 38), вопросы вменяемости (ст. 39 и 41), обстоятельств, исключающих ответственность (ст. 35–37), множественность преступлений (ст. 45–54, 56), неоконченное преступление (ст. 43) и соучастие (ст. 60–65). Здесь закрепляется «лестница наказаний» в соответствии со степенью их тяжести. Вместо 19 видов наказаний, закрепленных в предыдущем УК 1880 г., в действующем кодексе предусматривается шесть основных наказаний: смертная казнь, пожизненное или срочное (от 1 месяца до 20 лет) лишение свободы, связанное или нет с принудительным физическим трудом, денежный штраф, уголовный арест, денежная пеня (или малый уголовный штраф) и конфискация имущества как дополнительное уголовное наказание.

В Японии смертная казнь через повешение предусматривается в качестве исключительного наказания только за один состав преступления – инспирирование внешнего нападения на страну. В качестве альтернативной меры она может быть назначена также еще за 13 составов тяжких преступлений (вооруженное восстание, поджог жилых домов, сопряженное с изнасилованием разбойное нападение, причинение смерти на дуэли, насильственный захват самолета с человеческими жертвами, убийство заложника и др.). Кроме того, есть специальные законы, в основном анти-террористического характера и не включенные в состав УК, нарушение норм которых также может повлечь вынесение смертного приговора (например, законы об использовании взрывчатых веществ, об угоне самолетов и др.).

В японском УК подробно разработаны положения о принципах назначения наказаний, об отягчающих и смягчающих обстоятельствах, об отсрочке исполнения наказания (условном осуждении), об условно-досрочном освобождении и о так называемом защитном надзоре. Отсрочка исполнения наказания (ст. 25) может быть предоставлена лицу, приговоренному к лишению свободы на срок не более 3 лет или к штрафу не более 200 тыс. иен, при условии, что это лицо ранее не было осуждено или с момента отбытия им прежнего наказания истекло 5 лет. В период отсрочки исполнения наказания может быть назначен защитный надзор. В задачи органов защитного надзора входит контроль над условно осужденными, отбывшими наказание в тюрьмах, освобожденными условно-досрочно и другими поставленными под надзор категориями лиц, обеспечение их социальной адаптации и предупреждение их возврата на асоциальный, преступный путь. «Правоохранительные органы проявляют большую гибкость и не прибегают к повальному привлечению виновных к уголовной ответственности и наказанию их»¹. Сложилась практика так называемого

¹ Козочкин И.Д. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части. М., 2010. С. 208.

онся, означающая прощение государством лица, совершившего преступление, если он проявляет законопослушание и оправдывает доверие, оказанное ему государством.

Часть II УК Японии под названием «Преступление» представляет собой Особенную часть. Она включает 40 глав, в которых составы преступлений сгруппированы по объекту посягательства и расположены по степени социальной опасности, начиная с государственных преступлений и заканчивая «преступлениями, состоящими в повреждении и сокрытии». Однако в УК упразднено прежнее тройственное деление преступных деяний на тяжкие, нетяжкие и полицейские деликты, так как его составители исходили из родственного японскому духу германского правопонимания и предоставили судьям неограниченное усмотрение в процессе определения деяния в качестве преступного и его степени тяжести.

Некоторые преступления предусмотрены не в УК Японии, а в специальном законодательстве. Всего насчитывается более 30 таких дополняющих уголовных законов и иных нормативных правовых актов. Имеются в виду прежде всего Закон о предотвращении краж и наказаниях за них 1930 г., Закон о пресечении незаконных деяний членов бандитских группировок 1991 г., Закон о мерах борьбы с преступными группировками 1992 г., Закон о регламентации технологий, связанных с клонированием человека, и других подобных технологий 2000 г., а также законодательные акты о наказаниях за преступления, связанные с гербовыми марками, о наказаниях за насильственные деяния, о наказаниях за преступное загрязнение окружающей среды, о наказаниях за деяния, создающие опасность для авиационных полетов, за вымогательство с использованием заложников, за неумышленное причинение смерти или телесных повреждений при управлении автомобилем.

На пороге XXI в. японская уголовно-правовая система сохраняет свою высокую эффективность, доказательством которой является чрезвычайно низкий уровень преступности и один из самых высоких в мире процент раскрываемости преступлений. Основой этого являются свойственные японцам традиционная дисциплинированность, подсознательное следование конфуцианским нормам нравственности и этичности поведения, общинность, мононациональность, минимизация религиозных конфликтов, высокий уровень и продолжительность жизни, строжайший контроль за огнестрельным оружием и наркотическими веществами.

В то же время большую угрозу для нормальной жизни японских граждан представляет национальный терроризм различных оттенков. Один из самых ярких примеров – деятельность японской секты «Аум Синрикё», бросившей вызов устоям японского общества в целом и правоохранительной системе. Не снижается опасность и масштабы японской организованной преступности на местах, в частности одного из самых влиятельных преступных синдикатов «Якудза». Основные сферы деятельности этой

«японской мафии» были сосредоточены в области игорного бизнеса, проституции и порнографии, торговли оружием и наркотиками, нелегальных финансовых операций и др. Главное отличие японской организованной преступности от преступных организаций за рубежом состоит в том, что *якудза*, *борёкудан* и др. не предъявляют исключительных прав на какие-то географические сферы влияния, не опираются на родственные и семейные связи как основу групповой солидарности и не засекречивают свою внутреннюю структуру. В связи с последней особенностью для иностранных исследователей во многом остается загадкой «открытость», прозрачность организации *борёкудан*, состоящая в том, что их структура, участники, штаб-квартиры и т. п. довольно хорошо известны полиции и широкой общественности.

Уголовный процесс и судостроительство. УПК Японии 1890 г. был отменен в 1922 г. в связи с вступлением в силу нового Уголовно-процессуального кодекса, составленного по образцу Германского уложения 1877 г. По Закону 1923 г. частично вводился *суд присяжных* по англо-американской модели, хотя большинство лиц, имевших право на рассмотрение дела с их участием, отказывались от этого права, поскольку вынесенный судом присяжных приговор нельзя было обжаловать.

После Второй мировой войны и принятия новой Конституции 1947 г. были провозглашены более демократические положения в сфере уголовного судопроизводства: запрет применять наказания без соответствующей процедуры (ст. 31), право на судебное разбирательство любого обвинения (ст. 32), запрет незаконного ареста (ст. 33), право на защиту (ст. 34), запрет незаконных обысков (ст. 35), применения пыток и жестоких наказаний (ст. 36), право каждого обвиняемого по уголовному делу на быстрое и открытое разбирательство его дела беспристрастным судом, на бесплатную, если в этом есть необходимость, юридическую помощь (ст. 37) и др.

С учетом распространенной практики нарушения элементарных прав подозреваемого и вынесения неправосудных приговоров в Конституцию была включена следующая норма: «Никто не может быть принуждаем давать показания против самого себя. Признание, сделанное по принуждению, под пыткой или под угрозой либо после неоправданно длительного ареста или содержания под стражей, не может рассматриваться как доказательство» (ст. 38).

На основе этих конституционных положений был разработан и утвержден четвертый по счету в истории страны *Уголовно-процессуальный кодекс 1948 г.* В дополнение к нему Верховный суд Японии в соответствии с предоставленными ему Конституцией широкими полномочиями разработал документ «Уголовно-процессуальные правила» 1948 г., в которых уточнялись многие предписания нового УПК. Затем аналогичные правила Верховный суд утвердил в отношении гражданского процесса и рассмотрения семейных споров.

УПК Японии закрепил принцип состязательности, исключил институт предварительного слушания дел, значительно усилены были права подозреваемого, обвиняемого и подсудимого (по американской модели процессуального законодательства)¹.

Во время судебного разбирательства прокурор с одной стороны и обвиняемый и его защитник с другой стороны действовали как равноправные стороны, а судья играл роль нейтрального арбитра. В то же время психология судей в значительной мере остается под воздействием традиционных постулатов японского правосознания, например о превосходстве собственного признания обвиняемого в системе доказательств.

В ходе послевоенных реформ уголовного процесса появился такой новый институт, как перекрестный допрос, заметно усиливший состязательное начало. Судебное разбирательство в целом отличалось затяжным характером, где элементы прежнего «инквизиционного процесса», в котором решающее значение имело признание обвиняемого и активная позиция суда, переплетались с элементами состязательного процесса.

Так, предварительное расследование проводилось главным образом полицейскими, к тому же на основе Закона о полиции 1947 г. Прокурор в виде исключения мог непосредственно проводить расследование, если считал это необходимым, например по сложным делам с большим числом подозреваемых, по делам о деятельности крупных компаний, о взяточничестве и иных должностных преступлениях.

Лицо, обратившееся в суд с заявлением о привлечении к уголовной ответственности или предъявившее гражданский иск в связи с преступлением публичного должностного лица, наделялось по УПК Японии правом требовать обязательного судебного разбирательства в отношении подозреваемого, даже если прокурор отказался возбудить дело.

В 1947 г. были приняты специальные законы о полиции, о судоустройстве и о прокуратуре, а также закон 1949 г. об адвокатуре. Так, Закон о полиции ликвидировал прежний предельно централизованный полицейский механизм и поставил его под известный контроль местных властей. Предварительное расследование проводилось главным образом полицией (здесь не было института следователей). При этом сохранялось одиозное правомочие японских полицейских в первые 23 дня после предъявления ордера на арест содержать подозреваемого в полной изоляции, без права на свидания с близкими и друзьями.

Согласно Закону о прокуратуре в ее ведении находятся иммиграционные службы, тюремные заведения, контроль за «подрывными организациями» и др. Прокуроры ведут следствие по ограниченному кругу наиболее важных уголовных дел, наблюдают за дознанием и расследованием,

¹ Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии / под общ. ред. и с вступ. ст. Н.Ф. Кузнецовой и В.Н. Ерёмина. М., 1989. С. 41.

проводимым полицией по всем остальным делам, за исполнением уголовных наказаний. Они возбуждают уголовное преследование, составляют обвинительное заключение, передают его в суд и поддерживают там обвинение, а также защищают «публичные интересы» при судебном разбирательстве гражданских дел. При этом прокурор не только не обязан предъявлять обвиняемому и его защитнику все имеющиеся в его распоряжении доказательства, но может скрывать оправдательные доказательства, в том числе подтверждающие алиби обвиняемого.

Судебное разбирательство в целом отличалось затяжным характером, где элементы прежнего «инквизиционного процесса», в котором решающая роль принадлежит признанию обвиняемого, переплетались с элементами, заимствованными из англо-американской системы судопроизводства, в которой всячески подчеркивается состязательный характер процесса и беспристрастная позиция судьи. В целях утверждения принципа состязательности японский УПК зафиксировал положение о том, что к подготовленному прокурором обвинительному заключению «запрещается прилагать документы и другие предметы, вызывающие опасение, что они создадут у судьи предубеждение, а также цитировать их содержание».

Доказательственная сила письменных показаний свидетелей, полученных в ходе предварительного следствия, столь велика, что, согласно ст. 321 УПК, прокурор при определенных условиях может потребовать их обязательного рассмотрения даже в случае отказа свидетеля от них в судебном заседании.

В ходе послевоенных реформ уголовного процесса появился и такой институт, как перекрестный допрос, заметно усиливший состязательное начало, а также институт «разъяснения», который означал право защиты требовать, после оглашения обвинительного заключения и до рассмотрения вопроса о признании подсудимым своей вины, чтобы прокурор подробно разъяснил отдельные пункты обвинительного заключения, что нередко давало хорошую возможность обнажить шаткость обвинения.

С 1950-х гг. в связи с наметившимся кризисом системы юстиции, порожденным перегрузкой судей и длительными сроками разбирательства дел, получила распространение идея интенсификации и упрощения судопроизводства. В 1954 г. принимается Закон об ускоренной процедуре судебного рассмотрения транспортных дел, согласно которому во время судебного разбирательства прокурор и защитник в зале суда, как правило, не присутствуют, а судья незамедлительно оглашает решение о наложении штрафа или пени. Но несогласные с таким решением суда могут требовать судебного рассмотрения с применением процедуры, предусмотренной УПК.

С 1 января 1962 г. вступили в силу уголовно-процессуальные нормы, окончательно узаконившие систему интенсивного судебного разбирательства, при которой примерно за неделю до суда проводится «предваритель-

ная подготовка», т. е. совещание судьи, прокурора и защитника о количестве вызываемых каждой стороной свидетелей, о регламенте их допроса, о документальных доказательствах и т. п. В целях ускорения процесса упрощалась и процедура составления протоколов судебных заседаний. В них стали вносить не буквальную запись, а общий смысл показаний свидетелей и выступлений сторон.

Судебную систему Японии возглавляет Верховный суд, а также в нее входят 8 высших судов (с 6 филиалами), 50 окружных судов и 50 семейных судов (приблизительно с 200 филиалами), 438 судов суммарной юрисдикции¹. В состав Министерства юстиции Японии входит пенитенциарный департамент, осуществляющий руководство системой пенитенциарных учреждений, которыми являются тюрьмы трех видов: обычные, для несовершеннолетних и следственные. Тюрьмы в административном отношении сводятся в пенитенциарные округа.

В Японии только суды вправе выдавать ордера на задержание и обыск. Конституция 1947 г. запрещает создание специальных судов, т. е. допускает существование только судов общей юстиции, что практически означает невозможность появления судов административной юстиции, военных судов и пр. Конституция закрепила принцип независимости и несменяемости судей. Так, статья 76 говорит о том, что все судьи независимы и связаны только Конституцией и законами. В свою очередь, статья 78 устанавливает, что судьи могут быть отстранены от должности только путем публичного разбирательства в порядке импичмента. Исключение составляют только ситуации, когда судья в судебном порядке объявлен умственно или физически неспособным исполнять свои обязанности².

Неформальным источником права в различных отраслях законодательства Японии по-прежнему остаются традиционные *нормы поведения гири*. Эти нравственно-этические правила установлены для каждого вида человеческих отношений и освещены традицией, основаны на чувствах долга, благодарности и привязанности³.

Английский социолог Р. Дор определяет термин *гири* в трех значениях: «Во-первых, *гири* возникает не из спонтанного побуждения, а из чувства долга. Во-вторых, данное обязательство понимается как долг перед определенным лицом или группой. В-третьих, в качестве санкции за невыполнение данного обязательства выступает недовольство или разочарование указанного лица или группы»⁴.

¹ Чурсина Т.И. Судебная система Японии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 5. С. 905–909.

² Конституция Японии 1947 г. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=37> (дата обращения: 20.09.2019).

³ Рене Давид, Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 2009. С. 422.

⁴ Dore R.P. City life in Japan. A study of a Tokyo Ward. L., 1958. P. 254, 258.

Так, в договорных отношениях японцы не любят четко фиксировать права и обязанности сторон. Для них договор служит только для закрепления основных моментов сделки, а вот конкретные изменения и пункты они традиционно оговаривают с помощью переговоров. Прежде всего важны межличностные отношения контрагентов. Например, средние компании, договорившиеся о сделке с более крупным предприятием, должны в случае желания изменить условия договора, преподнести своим партнерам подарки, а также выполнить ряд обязательств, не закрепленных в договоре, но вытекающих из гири.

Нода Есиюки верно заметил, что японцы, унаследовавшие западноевропейское право, в определенном смысле модернизировались и стали более рациональными в своем поведении. Но это вовсе не означает, что они стали западноевропейцами по своей сути и сущности своего правосознания¹. Японское право (не только статутное право, а дополненное всей системой норм жизни), возникшее и действовавшее в уникальной культурной среде, с точки зрения его функционирования носит резко отличный характер от западноевропейского².

¹ Нода Есиюки. Введение в японское право.

² Иванами кодза. Гэндайхо 14. Гайкокухо то Нихонхо (Курс Иванами. Современное право. Т. 14. Иностранное и японское право). Токио, 1966 (на яп. яз.). С. 180–181.

Библиография

Источники, памятники права, нормативно акты

- Кодзики: Записи о деяниях древности. СПб., 1994.
- Норито. Сэммё / пер. Л.М. Ермаковой. М., 1991.
- Конституция Сётоку // Народы Азии и Африки. 1980. № 1.
- Манифест Тайка // Нихон-секи-Анналы Японии. Т. 2 / пер. со старояп. и коммент. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. СПб., 1997.
- Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэ) / пер. с яп. М., 1969.
- Дайрисики («Нормативные установления государева дворца»). Токио, 1928.
- Нихон киракю («Краткие анналы Японии»). Токио, 1995.
- Нихон котэн бунгаку тайкэй // Японская классическая литература. Большая серия. Т. 68. Токио, 1965.
- Сёку Нихонги. Свиток 2. От 1-й луны 1-го года Тайхо (701) до 12-й луны 2-го года Тайхо (702) / А.Н. Мещеряков // История и культура традиционной Японии. М., 2011.
- Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова. М., 2004.
- Беседы и суждения Конфуция / пер. с кит. СПб., 1999.
- Свод законов «Тайхоре». 702–718 гг. I–XV законы / вступ. ст., пер. с древнеяп. и коммент. К.А. Попова. М., 1985; XV–XXX законы / вступ. ст., пер. с древнеяп. и коммент. К.А. Попова. М., 1985; Рицу (Уголовный кодекс) / вступ. ст., пер. с древнеяп. и коммент. К.А. Попова. М., 1989.
- «Рё-но гигэ» («Истолкование древних гражданских законов») 833 г. и «Рё-но сюгэ» («Комментарии к Тайхорё») 920 г. // Свод законов «Тайхорё». М., 1985.
- Указы бакуфу, регламентировавшие жизнь императорского двора, дворянства и духовенства. Княжеский кодекс («Букэ сёхатто») // Подпалова Г.И. Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII – начале XVIII в. М., 1960.
- Указы бакуфу, регламентировавшие жизнь императорского двора, дворянства и духовенства. Дворянский кодекс («Сёси хатто») // Подпалова Г.И. Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII – начале XVIII в. М., 1960.
- Кодекс дома Такэда («Законы [провинции] Каи» – «Косю хатто сидай») / пер. С.А. Полохова // Законодательные уложения сэнгоку даймё: исследования и переводы. М., 2015.
- «Свод [законов] дома Имагава» – «Имагава канамокуроку» / пер. С.А. Полохова // Там же.
- «Уложение клана Роккаку» – «Роккаку-си сикимоку» / пер. С.А. Полохова // Там же.

Ко:сю хатто-но сидай: структура законодательного уложения эпохи сэнгоку / пер. С.А. Полхова // История и культура традиционной Японии. М., 2010.

Кодекс бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листве / пер. с яп. М.: Эксмо, 2008.

Японские сказания о войнах и мятежах / пер. с яп. В. Онищенко. СПб., 2012.

Завещание Иэясу // Очерк истории Японии. СПб., 1888.

Законы Иэяса // Диксон В. Япония, ее история, правительство и внутреннее устройство. СПб., 1871.

Попов К.А. Законодательные акты средневековой Японии. М., 1984.

Госэйбай сикимоку / вст. ст., пер. и коммент. А.А. Толстогузова // Восток. 1992. № 1.

Стостатейные установления Токугава 1616 г. // Филиппов А.В. «Сто-статейные установления Токугава» 1616 г. и «Кодекс из ста статей» 1742 г. СПб., 1998.

Конституция Японской империи 1889 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2019.

Конституция Японии 1947 г. // Там же. М., 2019.

Научная литература (на русском языке)

Александрова В.Д. Анализ трудового права Японии // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2018. № 11(27).

Антонов М.Ф. «Государство-корпорация» потомков богини Аматаэрасу // От лжекапитализма к тоталитаризму! Мир в XXI веке и судьбы России. М., 2008.

Антонов П.А. «Потомственные парламентарии» («Сэсю: гиин») в политической системе современной Японии: сравнительно-исторический анализ // Сравнительная политика. 2019. № 2.

Ариидзуми Т., Вагацума С. Гражданское право Японии. М., 1983.

Арутюнов С.А. Дзимму-тэнно: мифический вымысел и историческая реконструкция // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.

Балакин В.И. Прусское влияние на формирование японской государственности периода Реставрации Мэйдзи 1868–1888 гг. // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4.

Банчева А.И. Экологические инновации Японии: основные направления развития и особенности управления // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 5.

Белова Л.В. Влияние буддизма на культуру воинского сословия средневековой Японии. Улан-Удэ, 2000.

Боги, святилища, обряды Японии: энциклопедия синто / отв. ред. А.Н. Мещеряков. М., 2010.

Брун. Японская конституция / пер. с нем. Н.И. Секерина. СПб., 1905.

Вагацума С., Ариидзуми Т. Гражданское право Японии: в 2 кн. / пер. с яп. В.В. Батуренко. М., 1983.

Виноградова О.П. Германское гражданское уложение 1896 г. как образец буржуазной кодификации права // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 4.

Волков С.В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М., 1999.

Волощак В.И. Проблема пересмотра 9-й статьи Конституции Японии в основных общественно-политических газетах Республики Корея // Известия Восточного института. 2017. № 2 (34).

Вооруженные силы и военная политика // Япония: справочник / сост. В. Н. Ерёмин. М., 1992.

Воробьев М.В. Древняя Япония. М., 1958.

Воробьев М.В. Некоторые формы зависимости в древней Японии // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. М., 1984.

Воробьев М.В. Япония в III–VII вв.: этнос, общество, культура и окружающий мир. М., 1980.

Воробьев М.В. Японский кодекс «Тайхо Ёро рё» (VIII в.) и право раннего средневековья. М., 1990.

Воробьев М.В., Соколова Г.А. Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии. М., 1976.

Воробьев М.В. Китайское средневековое право и его рецепция в средневековой Японии (до VII в. включительно) // XVII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1986.

Воробьев М.В. Межсословные и внутрисословные границы в раннесредневековой Японии: по кодексу «Тайхо Ёро рё» VIII в. // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Проблема социальной мобильности. М., 1986.

Гальперин А.Л. Некоторые вопросы объединения и изоляции Японии при первых сёгунах Токугава. М., 1960.

Гамалей М.С. Влияние контактов с европейцами в XVI в. – первой половине XIX в. на развитие идентичности японцев // Взаимодействие мировых цивилизаций: история и современность: сб. ст. М., 2009. С.

Гамалей М.С. Влияние социально-политических факторов на становление системы ценностей самурайского сословия // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2012. № 3.

Гамалей М.С. Трансформация морально-этической самооценки самурайского сословия в период Токугава (1603–1868). М., 2012.

Герасимова М.П. Киотский альбом. История, культура, традиции. М., 2002.

Говоров А.В. Влияние западной политической мысли на конституционное развитие Японии. М., 2001.

Горегляд В.Н. Общественная мысль и религия в эпоху Эдо // Из истории общественной мысли Японии. М., 1994.

Горячева Е.А., Кожевников В.В. О пересмотре Конституции Японии // Россия и АТР. 2018. № 1.

Горячева М.В. Влияние правовой культуры Германии на иные правовые культуры в новое время // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2011. № 1.

Гражданское и торговое право зарубежных стран / под общ. ред. В.В. Безбаха, В.К. Пучинского. М., 2004.

Грачёв М.В. «Наставления из 17 статей» Сётоку-тайси (604 г.): полемика, содержание, значение // Восток. 1997. № 6.

Грачёв М.В. Государь и подданные в древней и раннесредневековой Японии // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти / под ред. Д.М. Бондаренко и А.А. Немировского. М., 2009. С. 173.

Грачёв М.В. Идея преемственности императорской власти в древней и средневековой Японии // Синто – путь японских богов. Т. 1. Очерки по истории синто. СПб., 2002.

Грачёв М.В. Образование в древней Японии // Япония. Путь кисти и меча. 2003. № 2.

Грачёв М.В. Правовые привилегии чиновничества в Японии в VII–VIII вв. // Вестник Восточного института. 1998. № 2 (8).

Грачёв М.В. Система наказаний для придворного чиновничества в период Хэйан // Научная конференция «Ломоносовские чтения». Востоковедение. М., 2007.

Гришелева Л.Д. Формирование японской национальной культуры: конец XVI – начало XX в. М., 2002.

Гришелева Л.Д., Чегодарь Н.И. Японская культура Нового времени. Эпоха Мэйдзи. М., 1998.

Дальбинова Н.Г. Военные традиции в культуре Японии: культурно-религиоведческий анализ самурайских традиций. Чита, 2006.

Данилова В.И. История становления концепции экологической безопасности Японии // Вестник МГИМО. 2015. № 3 (42).

Дацышен В.Г. Новая история Японии. Красноярск, 2007.

Демченко М. «Непотопляемый авианосец» Пентагона // Журнал «Пограничник». 1984. № 4.

Демченко М. Альянс по-вашингтонски // Журнал «Пограничник». 1985. № 9.

Денисенко В.В., Трикоз Е.Н. Типология смешанных правовых систем // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород, 2018. № 2 (42).

Дружинин Н.Л. Японское экономическое чудо. СПб., 2003.

Елисеев Д. История Японии. Между Китаем и Тихим океаном. СПб., 2009.

Елисеев Д. Хидэеси. Строитель современной Японии. Евразия, 2008.

Ерёмин В.Н. История правовой системы Японии / отв. ред. А.А. Кириченко. М., 2010.

Ерёмин В.Н. Политическая система современного японского общества. М., 1992.

Жучкова С.М. Внутриполитическое развитие Японии в конце XIX – начале XX века. Владивосток, 2000.

Игнатович А.Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М., 1987.

Ильин А.П. Мейдзи Исин и создание регулярной армии Японии // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2010. № 5.

Инако Цунэо. Современное право Японии / пер. с яп.; под ред. В.Н. Ерёмина. М., 1981.

Иноуэ Киёси, Оконоги Синдзабуро, Судзуки Сёси. История современной Японии. М., 1955.

Иофан Н.А. Культура древней Японии. М., 1974.

Иошитанне-Санномийя. Государственный строй Японии / пер. с англ. М., 1906.

Искендеров А.А. Тоётоми Хидэёси. М., 1988.

Искендеров А.А. Феодалный город Японии. М., 1987.

История Японии. Т. 1. С древнейших времен до 1868 г.; Т. 2. 1868–1998. М., 1998.

Кабанов А.М. Формирование системы «годзан» (пяти монастырей) и бюрократизация дзэн-буддизма // Буддизм и государство на Дальнем Востоке: сб. статей. М., 1987.

Кабрияк Р. Кодификации / пер. с фр. Л.В. Головки. М., 2007.

Кайтэн Нукария. Религия самураев. Исследование дзэн-буддийской философии и практики в Китае и Японии. СПб., 2003.

Касаткина А.С. Современные кодификации международного права в странах Юго-Восточной Азии (Китайская Народная Республика и Япония) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2.

Кауракова М.В. Основы ограничения прав собственности в Японии // Евразийская адвокатура. 2017. № 6 (31).

Квигли Г. Правительство и политическая жизнь Японии. М., 1934.

Киддер Дж. Э. Япония до буддизма. Острова, заселенные богами. М., 2003.

Кин Д. Японцы открывают Европу. М., 1972.

Киреева А.А., Нелидов В.В. Прошлое и настоящее Сил самообороны Японии: роль в государстве, обществе и на международной арене // Ежегодник Японии. 2018. № 47.

Кирквуд К. Ренессанс в Японии. Культурный обзор XVII столетия. М., 1988.

Кирквуд К.П. Ренессанс в Японии. Культурный обзор семнадцатого столетия. М., 1988.

Ковалев С.И. Силы самообороны Японии: информационно-справочное издание. М., 2016.

Ковальчук М.К. Миссия Ивакура в Санкт-Петербурге. Анализ впечатлений японских посланников о России сто тридцать лет спустя // Япония. 2002–2003. М., 2003.

Кожевников В.В. Формирование древнего государства в Японии // Известия Восточного института. 2017. № 4.

Козочкин И.Д. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части. М., 2010.

Конрад Н.И. Очерки культуры средневековой Японии VII–XVI века. М., 1980.

Конрад Н.И. Япония. Народ и государство. Исторический очерк. Пг., 1923.

Конституционное право зарубежных стран / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. М., 2018.

Концевич Л.Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии. М., 2010.

Кузнецов С.И. Ито Хиробуми и создание современной Японии // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2005. № 3 (23).

Куклина А.С. История становления основных принципов экологической политики Японии // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2018.

Курицын В.М., Шалягин Д.Д. Опыт становления конституционализма в США, Японии и Советской России. М., 2004.

Кычанов Е.И. Ли и право // Этика и ритуал в традиционном Китае: сб. ст. М., 1988.

Латышев И.А. Конституционный вопрос в послевоенной Японии. М., 1961.

Лебедева И.П. Система социального обеспечения Японии: достижения и проблемы // Японские исследования. 2016. № 4.

Лещенко Н.Ф. Японский город эпохи Токугава // Ежегодник Японии. 1996. М., 1996.

Лоренц Д.В., Шотт Е.К. Правоспособность насчитуруса: наследственно-правовой аспект // Наследственное право. 2015. № 3.

- Макарьян С.Б., Молодякова Э.В. Истоки и корни японского национального характера // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 3.
- Мак-Клейн Дж.Л. Япония. От сёгуната Токугавы – в XXI век / пер. с англ. Е.А. Красулина. М., 2006.
- Маслов А.А. Бусидо. Кодекс чести самураев. Ростов н/Д, 2007.
- Мещеряков А.Н. Буддизм и этика в раннесредневековой Японии // Народы Азии и Африки. 1983. № 1.
- Мещеряков А.Н. Герои, творцы и хранители японской старины. М., 1988.
- Мещеряков А.Н. Древняя Япония: культура и текст. М., 1991.
- Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М., 2006.
- Мещеряков А.Н. Книга японских обыкновений. М., 1999.
- Мещеряков А.Н. Общественные сверхзадачи японской археологии // Вопросы философии. 1999. № 6.
- Мещеряков А.Н. Реформы периода Мэйдзи: человеческое измерение // Ежегодник Япония. 2018. № 47.
- Мещеряков А.Н. Японский император и русский царь: элементная база. М., 2004.
- Мещеряков А.Н., Грачев Н.В. История древней Японии. СПб., 2003.
- Мещеряков А.Н. Ранняя история японского архипелага как социоестественный и информационный процесс // Восток. 1995. № 5.
- Митфорд Алджернон лорд. Легенды о самураях: традиции Старой Японии / пер. с англ. О.Д. Сидоровой. М., 2010.
- Мишина Е.А. Реформа системы правосудия в Японии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 3.
- Молодяков В.Э. История Японии. XX век. М., 2007.
- Молодяков В.Э. Страсти по девятой статье: борьба консерваторов за пересмотр «мирной» конституции Японии // Япония эпохи Коидзуми. Оценки и перспективы. М., 2007.
- Молодякова Э.В. Проблемы пересмотра Конституции в контексте изменений в японском обществе // Восточная аналитика. 2014. № 4.
- Накасонэ Ясухиро. Государственная стратегия Японии в XXI веке. М., 2001.
- Насибулина А.С., Мантатова Л.В. Эколого-этические основы национальной стратегии устойчивого развития: опыт Японии // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2019. № 1.
- Норман Г. Возникновение современного государства в Японии / пер. с англ. М., 1961.
- Панов А.Н. Эпоха реформ в России и Японии (середина XIX века – начало XX века) // Ежегодник Япония. 2015. № 44.
- Пасков С.С. Япония в раннее Средневековье. VII–XIII века: исторические очерки. М., 1987.

Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.

Пиляева В.В. Гражданское и торговое право Японии. М., 2001.

Пионтковский А.А. Уголовная политика Японии. М., 1936.

Подпалова Г.И. Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII – начале XVIII в. М., 1960.

Подпалова Г.И. О типологии японского феодализма // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

Политическая культура древней Японии / под ред. А.Н. Мещерякова. М., 2005.

Политическая система современной Японии / под ред. Д.В. Стрельцова. М., 2013.

Полхов С.А. «Госэйбай сикимоку» и уложение периода «воюющих провинций»: опыт сопоставления // Япония наших дней. 2014. № 1 (19).

Полхов С.А. «Юки-си синхатто»: княжеские законы и наставления для вассалов в эпоху Сэнгоку // Япония. Ежегодник. 2013. М., 2013. № 42.

Полхов С.А. Законодательные уложения Сэнгоку даймё: исследования и переводы М., 2015.

Полхов С.А. К дискуссии об обстоятельствах создания законов дома Оути // Ежегодник Япония. 2014. № 43.

Полхов С.А. «Роккаку-си сикимоку» – свод законов периода «воюющих провинций» // Япония. Ежегодник. 2011. М., 2011.

Полхов С.А. Добродетели и пороки японского удельного правителя в период Сэнгоку (по материалам «Коёгункан») // Япония 2017. Ежегодник. М., 2017.

Полхов С.А. Законодательные уложения сэнгоку даймё: исследования и переводы. М., 2015.

Попов К.А. Ямато (Япония) VII в. // Манифест Тайка / пер. К.А. Попова. М., 1961.

Прасол А. От Эдо до Токио и обратно. Культура, быт и нравы Японии эпохи Токугава М., 2012.

Прасол А.Ф. Сёгуны Токугава. Династия в лицах. М., 2018.

Прасол А.Ф. Объединение Японии. Тоётоми Хидэёси. М., 2016.

Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы (этнопсихологические очерки). М., 1996.

Прюфер К.Б. К развитию экологического права Японии. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2000. № 3.

Радуль-Затуловский Я.Б. Из истории материалистических идей в Японии в XVII – первой половине XIX в. / отв. ред. Ян Хиншун. М., 1972.

Радуль-Затуловский Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.; Л., 1947.

Раймон Леже. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М., 2009.

Реховский А.Ф. Эволюция суда присяжных в Японии // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3.

Родин С.А. Отношения между личностью и государством в Древней Японии (по материалам жизнеописаний исторической хроники «Сёку ни-хонги») // Вопросы философии. 2014. № 2.

Родин С.А. Японские эпитафии-боси (VIII в.) // История и культура традиционной Японии. М., 2011. Вып. 2.

Рубль В.А. Японская цивилизация: традиционное общество и государственность. Киев, 1997.

Савельев В.И. Японская конституция и тенденции к ее пересмотру. М., 1966.

Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы) / под ред. В.А. Туманова. М., 2003.

Светлов Г.Е. Колыбель японской цивилизации: история, религия, культура. М., 1994.

Светлов Г.Е. Путь богов (синто в истории Японии). М., 1985.

Сила-Новицкая Т.Г. Культ императора в Японии. М., 1990.

Симигуллин В.К. Восток: мозаика правовых традиций. Уфа, 2016.

Симонова-Гудзенко Е.К. Япония VII–IX веков. Формы описания пространства и их историческая интерпретация. М., 2005.

Синто – путь японских богов: в 2 т. Т. 1. Очерки по истории синто. СПб., 2002.

Совастеев В.В. Очерки истории Японии. От Токугава Иэясу до Хасимото Рютаро. Владивосток, 2008.

Спальвин Е.Г. Конфуцианские идеи в этическом учении японского народа // Удар солнца, или Гири – чувство чести / сост. В.С. Пинсахович. М.; СПб., 1999.

Спальвин Е.Г. Обзор политического устройства Японии в прошлом и настоящем. Владивосток, 1910–1911.

Спеваковский А.Б. Религия синто и воины. Л., 1987.

Спеваковский А.Б. Самураи – военное сословие Японии. М., 1981.

Сравнительное правоведение: национальные правовые системы / под ред. В.И. Лафитского. Т. 3. Правовые системы Азии. М., 2014.

Степанишина А.И. Современная образовательная система в Японии: традиция и тенденции развития // Путь Востока: Традиции освобождения. Вып. 4. Материалы III молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. СПб., 2000.

Стрельцов Д.В. Система государственного управления Японии в послевоенный период. М., 2002.

Стрельцов Д.В. Япония как «зелёная сверхдержава». М., 2012.

Стрельцов Д.В. Японская пенсионная система: проблемы и пути их решения // Вестник Московского университета. Сер. 21, Управление. 2006. № 3.

Судзуки Д. Дзэн-буддизм. Бишкек, 1993.

Суровень Д.А. Возникновение и развитие брачно-семейных отношений и их правовое регулирование в древней Японии. Saarbrücken, 2012.

Суровень Д.А. Возникновение права и источники права древней Японии // Проблемы курса истории государства и права. Екатеринбург, 2004.

Суровень Д.А. Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии (I век до н. э. – III век н. э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1995. Вып. 2.

Суровень Д.А. Государственные преступления в древней Японии // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. Курск, 2011. Вып. 4, ч. 2.

Суровень Д.А. Имущественные преступления в древнеяпонском праве. Ч. 2. Корыстные преступления против собственности, имеющие признаки хищения // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. Курск, 2012. Вып. 5.

Суровень Д.А. Классификация преступлений в древней и раннесредневековой Японии // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. № 15.

Суровень Д.А. Наследственное право в древней и раннесредневековой Японии // Актуальные вопросы историко-правовой науки: материалы конференции Российского историко-правового общества. Екатеринбург, 2009.

Суровень Д.А. О китайском влиянии на классификацию тяжких преступлений в раннесредневековой Японии // Кросс-культурные взаимодействия в политико-правовой сфере: история, теория, современность. Екатеринбург, 2010.

Суровень Д.А. Правовое положение населения в древней Японии // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. науч. статей. Курск, 2010.

Суровень Д.А. Правовой статус лиц без гражданства в древнеяпонском праве: бэмин в IV – середине VII в. // Право. Законодательство. Личность. 2012. № 2 (15).

Суровень Д.А. Преступления против личности в древней и раннесредневековой Японии. Ч. 1. Преступления против жизни // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2012. № 4.

Суровень Д.А. Принципы регента-престолонаследника Умаядо (принца Сётоку-Тайси) из «Законоположений в 17-ти статьях» в правовой системе раннесредневековой Японии // Правовая система общества: проблемы теории и практики. СПб., 2011.

Суровень Д.А. Регулирование вещных отношений в древнеяпонском праве // Право. Законодательство. Личность. Саратов, 2008. Вып. 3.

Суровень Д.А. Регулирование договорных отношений в древнем и раннесредневековом японском праве // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2011. Вып. 3.

Суровень Д.А. Родительская власть, отыскание и признание отцовства, узаконение, усыновление, опека и попечительство в брачно-семейном праве древней и раннесредневековой Японии // Сборник статей, посвященный 75-летию со дня основания кафедры истории государства и права Уральской гос. юрид. академии. Екатеринбург, 2013.

Суровень Д.А. Систематизация права Японии во второй половине VII – начале VIII веков // Проблемы истории общества, государства и права. Екатеринбург, 2013. Вып. 1.

Суровень Д.А. Введение в Ямато в 603 году системы двенадцати рангов (по материалам японских и китайских источников) // Наука и просвещение: материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2011. Ч. 3.

Суровень Д.А. К вопросу о времени основания династии Ямато и царствования государя Дзимму // Genesis: исторические исследования. 2015. № 3.

Суровень Д.А. Основание государства Ямато и проблема Восточного похода Каму-ямато-иварэ-бико // Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств. Екатеринбург, 1998.

Суровень Д.А. Первые политические объединения в юго-западной Японии в I – середине II веков н. э. и их международные отношения // Вестник Челябинского государственного университета. Политические науки. Востоковедение. 2013.

Сырицын И.М. Проблемы феодального землевладения в Японии (VIII–XIV века) // Вестник МГУ. Сер. 13, Востоковедение. 1985. № 4.

Сырицын И.М. Современная историография генезиса японского феодализма // Историография стран Востока. М., 1977.

Тадагава С. Конституция Японии 1889 г. и «модернизация» страны // Правоведение. 2002. № 4.

Толстогузов А.А. Госэйбай сикимоку // Восток. 1992. № 1.

Толстогузов А.А. Очерки истории Японии. VII–XIV вв. Становление японского феодализма. М., 1995.

Толстогузов А.А. Советские ученые о периодизации японского феодализма // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М., 1986.

Толстогузов А.А. Японская историческая наука: очерки истории. М., 2005.

Тояма Сигэки. Мэйдзи Исин (крушение феодализма в Японии) / пер. с яп. В.П. Алексеева и др. М., 1959.

Триkoz Е.Н. Всемирный конгресс компаративистов в Японии (г. Фукуока, The IACL World Congress – 2018): тематический обзор // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2018. Т. 22, № 4.

Триkoz Е.Н. Кодекс «Тайхо рицурё» (VIII в.) // История государства и права зарубежных стран. Избранные памятники права. Древность и Средневековье. М., 2017.

Триkoz Е.Н. Кодификация права в средневековой Японии // Правовые традиции: сб. материалов Международной научной конференции «Жидковские чтения». М., 2014.

Триkoz Е.Н. Право Японии // История государства и права зарубежных стран. Т. 2. Современная эпоха / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М.: Норма, 2018.

Триkoz Е.Н. Феномен кодификации в смешанных правовых системах // Тенденции развития права в социокультурном пространстве. М., 2018.

Триkoz Е.Н. Гибридные правовые системы и их место в смешанном правовом семействе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 4 (32).

Триkoz Е.Н., Швеc А.А. Особенности рецепции западного частного права в Японии эпохи Мейдзи // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории. Краснодар, 2019.

Триkoz Е.Н., Швеc А.А. Соотношение кодификации права со смежными юридическими феноменами // Общество и право. 2019. № 2 (67).

Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. Обновление традиции в японской религиозно-философской мысли XIII–XIV вв. М., 2014.

Туганов Ю.Н., Дробышевский В.С., Гуменюк О.П. Теория права Китая: традиции и новации. Иркутск; Чита, 2005.

Уткин А.И. США – Япония: вчера, сегодня, завтра. М., 1990.

Учение Исиды Байгана о постижении «сердца» и становление трудовой этики в Японии. Беседы горожанина и селянина. Рассуждения о бережливом управлении домом / исследования, перевод и комментарии Л.Б. Карелова. М., 2007.

Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии / под общ. ред. и с вступ. ст. Н.Ф. Кузнецовой и В.Н. Еремина. М., 1989.

Файнберг Э.Я. Начало экспансии европейских держав в Японии (1542–1640) // Ученые записки Института востоковедения. Т. XXIII. Япония. Вопросы истории. М., 1959.

Фельдман-Конрад Н.И. Японско-русский учебный словарь иероглифов. М., 1977.

Филиппов А.В. «Завещание Иэясу» и «Кодекс из ста статей»: Следы неоконфуцианского влияния // XVII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. II. М., 1986.

Филиппов А.В. Два японских документа под названием «Сто статей»: из истории создания, публикаций и изучения памятников // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. IX. Л., 1986.

Филиппов А.В. К вопросу о традиционном праве Японии // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. Вып. 2. Л., 1987.

Филиппов А.В. «Три большие реформы» и процессы эволюции японского общества второй половины эпохи Эдо. СПб., 2003.

Хей Марк. Почему японские работники не ходят в отпуск? // VICE. 2015. 18 февр.

Хисао Мацуока. Особенности японского феодализма // XIII Международный конгресс исторических наук (г. Москва, 16–23 авг. 1970 г.). М., 1970.

Цветов И.А. Проблемы пересмотра Конституции в политической жизни современной Японии // Японский ежегодник. 1984. М., 1985.

Чурсина Т.И. Судебная система Японии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 5.

Щенникова Л.В., Быкова М.О. Категория «Добрые нравы» в гражданском законодательстве и цивилистической доктрине зарубежных стран // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 2.

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / отв. ред.: Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. М., 1984.

Эволюция политической системы Японии / отв. ред. Д.В. Петров. М., 1995.

Эйдус Х.Т. История Японии с древнейших времен до наших дней: краткий очерк. М., 1968.

Юдзан Дайдодзи Будосесинсю. Ямамото Цунэтомо Хагакурэ, Юкио Мисима Хагакурэ Ньюмон. Книга Самурая. Бусидо / пер. Р.В. Котенко, А.А. Мищенко. СПб., 2000.

Юрковский А.В. Сочетание традиционных и компаративистских начал в процессе конституционного развития политической системы Японии // Сибирский юридический вестник. 2003. № 3.

Японский милитаризм (военно-историческое исследование). М., 1972.

Научная литература (на иностранных языках)

Adolphson M.S. The gates of power: monks, courtiers, and warriors in premodern Japan. Honolulu: University of Hawaii Press, 2000.

Amaud A.-J. Les Origines Doctrinales du Code Civil Francais // LGDJ. 1969.

Arnesen P.J. The Medieval Japanese Daimyo. The Ouchi's Family Rule of Suo and Nagato. New Haven: Yale University Press, 1979.

Asakawa K. Land and Society in Medieval Japan. Tokyo, 1965.

Beasley W.G. Rise of Modern Japan: Political, Economic and Social Change Since 1850. New York: St. Martin's Press, 1995.

Beasley W.G. The Meiji Restoration. Stanford: Stanford University Press, 1972.

Beasley W.G. The Rise of Modern Japan: Political, Economic and Social Change Since 1850. New York: St. Martin's Press, 1995.

Blomberg C. The heart of the warrior: origins and religious background of the samurai system in feudal Japan. London: Routledge, 2013.

Bloomberg C. Samurai Religion: Some Aspects of Warrior Manners and Customs in Feudal Japan. Sweden, Upsala, 1976. 2 vols.

Bolitho H. Treasures among men: The Fudai daimyo in Tokugawa Japan. New Haven; London, 1974.

Brix H.P. Hirohito and the Making of Modern Japan. Harper Collins, 2001.

Brownlee J.S. Political Thought in Japanese Historical Writing: From Kojiki (712) to Tokushi Yoron (1712). Waterloo, Ontario, 1991.

Code of the Samurai: A Contemporary Translation of the Bushido Shoshinshu of Taira Shigesuke / Trans. by Thomas Cleary. Rutland, 1999.

Cody B.J. Unifiers of Japan: Nobunaga, Hideyoshi and Ieyasu // Great Historical Figures of Japan. Tokyo, 1978.

Court and Bakufu in Japan. Essays in Kamakura History / Ed. by J.P. Mass. Stanford, 1982.

Crump J.I. Penal Law in Early Japan // Occasional papers. Center for Japanese Studies (University of Michigan). Ann Arbor. 1953. № 4.

Dautremer J. The vendetta, or legal revenge in Japan // TASJ. Vol. XIII. Pt. 1. Yokohama, 1885.

Deal W.E. Handbook to Life in Medieval and Early Modern Japan. Oxford University Press US, 2007.

Dean M. Japanese Legal System: Text, Cases and Materials. Routledge-Cavendish, 2002.

Dore R.P. City life in Japan. A study of a Tokyo Ward. L., 1958.

Dower J.W. Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II. New York, 1999.

Eason D.A. The Culture of Disputes in Early Modern Japan, 1550–1700. Los Angeles, 2009.

Edo culture and its modern legacy // Modern Asian Studies. Vol. 18. Pt. 4. London, 1984.

Ensminger A. Recreation de la norme, recreation de la forme: trois venificateurs du Code civil français au XIX siècle, these. Montpellier 1, 1986.

Fraser A. The Osaka Conference of 1875 // Journal of Asian Studies. 1967. Vol. 26, No. 4.

Fraser A. The Osaka Conference of 1875. Journal of Asian Studies, Vol. 26, No. 4 (Aug., 1967).

Friday K. Bushido or bull? A medieval historian's perspective on the imperial army and the Japanese warrior tradition // *The History Teacher*. 1994. Vol. 27, No. 3.

Friday K.F. *Samurai, Warfare and the State in Early Medieval Japan*. Routledge, 2004.

Friday K.F. *They Were Soldiers Once: The Early Samurai and Imperial Court // War and State Building in Medieval Japan* / Ed. by J.A. Ferejohn, F. Rosenbluth. Stanford, 2010.

Gilson R., Roe M. Understanding the Japanese Keiretsu // *The Yale Law Journal*. 1993. Vol. 102, № 4.

Goble A.E. *Kenmu: Go-Daigo's Revolution*. Harvard University Press Asia Center, 1996.

Griggsby W.E. *The Legacy of Iyeyasu* // *Transactions of the Asiatic Society of Japan*. Vol. III. Pt. II. Yokohama, 1875.

Gubbins J.H. *The «Hundred Articles» and the Tokugawa government* // *Proceedings of the Japan society*. Vol. XVII. London, 1920.

Gubbins J.H. *The feudal system of Japan under the Tokugawa shoguns* // *TASJ*. Vol. XV. Pt.11. Yokohama, 1887.

Hagemann E. *The Persecution of the Christians in Japan in the Middle of the Seventeenth Century* // *The Pacific Historical Review*. 1942. Vol. 11 (2).

Haley J.O. *The spirit of Japanese law*. University of Georgia Press, 2006.

Hall J.C. *Japanese Feudal Laws. IV. The Tokugawa Legislation. Pt. 2* // *TASJ*. Vol. XLI. Pt. V. Yokohama, 1913.

Hall J.W. *Government and local power in Japan, 500 to 1700: A study based on Bizen Province*. Princeton, 1974.

Hardacre H. *Shinto: A History*. Oxford University Press, 2002.

Henderson D.F. *Chinese influences on 18th century Tokugawa codes* // *Essays on China's legal tradition*. Princeton, 1980.

Henshall K.G. *History of Japan: From Stone Age to Superpower*. Palgrave Macmillan, 2012.

Hook G.D., McCormak G. *Japan's Contested Constitution. Documents and Analysis*. L.-N. Y., 2001.

Hurst C.G. *Insei: Abdicated sovereigns in the politics of late Heian Japan 1086–1185*. Columbia University Press, 1976.

Imagawa R., Steenstrup C. *A Muromachi Warrior's Code of Conduct Which Became a Tokugawa Schoolbook* // *Monumenta Nipponica*. Tokyo, 1973. Vol. 28, No. 3.

Inazao Nitobe. *Bushido: the spirit of the samurai*. Colorado: Shambhala, 2005.

Inoguchi Takashi. *Winds of Change Buffet Group Mentality*. *The Nikkei Weekly*, 1997.

Ishii R. *A History of political institutions in Japan*. Tokyo, 1980.

Ito Hirobumi. Commentaries on the Constitution of the Empire of Japan / Transl. by Ito Miyoji. Tokyo, 1906.

Iyenaga Toyokichi. The Constitutional development of Japan. Baltimore, 1891.

Jansen M.B. The Making of Modern Japan. Harvard University Press, 2002.

Jansen M.B. Warrior Rule in Japan. Cambridge, 1995.

Japan: A Documentary History: The Dawn of History to the Late Tokugawa Period / Ed. by D.J. Lu. Armonk, New York, 1997.

Japanese law. Written by the Editors of Encyclopedia Britannica // URL: <https://www.britannica.com/topic/Japanese-law> (дата обращения: 01.02.2020).

Jones J. A brief history of lawyers in Japan // Mutantfrog Travelogue. Retrieved 6 August 2014.

Jouanjan O. Science juridique et codification en Allemagne (1850–1900) // Droits. 1998. № 27.

Kamikawa Hikomatsu. Japan-American Diplomatic Relations in the Meiji-Taisho Era. Tokyo, 1958.

Keene D. Emperor of Japan: Meiji and His World, 1852–1912. New York: Columbia University Press, 2005.

Kemmu Shikimoku. Sources of Japan Tradition / Comp. Wm.T. de Bary [et al.]. N.Y., 2001. Vol. 1.

Kenneth G. Henshall. History of Japan: From Stone Age to Superpower. Palgrave Macmillan, 2012.

Kidder J.E. Japan before Buddhism. London, 1959.

Kuroda N. Notes on Regulations. Ideals of the Samurai: Writing of Japanese Warriors / Ed. by Wm.S. Wilson, G. Lee. Los Angeles, 1982.

Lebra Takie Sugiyama. Japanese Patterns of behavior. Honolulu (University of Hawaii), 1976.

Leupp G. Male Colors: The Construction of Homosexuality in Tokugawa Japan. Berkeley: University of California Press, 1995.

Li Narangoa. Japan's Modernization: The Iwakura Mission to Scandinavia in 1873 / Nordic Institute of Asian Studies, University of Copenhagen.

Lowder J.F. The Legacy of Iyeyasu // Murdoch J. A History of Japan. Vol. 3. London, 1926.

Marius B.J. The Making of Modern Japan. Harvard University Press, 2002.

Marutschke H.-P. Beiträge zur modernen japanischen Rechtsgeschichte. Berliner Wissenschafts-Verlag, 2006.

Mass J. Warrior government in early medieval Japan: a study of the Kamakura Bakufu, Shugo and Jito. New Haven, 1974.

Mass J.P. The Kamakura Bakufu: A Study in Documents. Stanford, 1976.

Mass J.P. Yoritomo and the Founding of the First Bakufu: The Origins of Dual Government in Japan. Stanford, 1999.

Mass J.P. The Kamakura bakufu // The Cambridge History of Japan. Vol. 3. Medieval Japan / Ed. by Kōzō Yamamura. Cambridge, 1990.

Matsui Shigenori. The Constitution of Japan: A Contextual Analysis. Oxford, 2011.

Matsui Shigenori. The Constitution of Japan: A Contextual Analysis. Oxford: Hart Publishing, 2011.

Medieval Japan: Essays in Institutional History / Ed. by J.W. Hall, J.P. Mass. Stanford, 1988.

Meryll Dean. Japanese Legal System: Text, Cases and Materials. Routledge-Cavendish, 2002.

Moore R.A., Donald L. Robinson. Partners for Democracy: Crafting the New Japanese State under MacArthur. Oxford University Press, 2004.

Nabuyoushi A., Beer L., Masami Ito. Japan: The United States constitution and Japan's constitutional law. Constitutional system in late twentieth century Asia. Washington, 1992.

Nagai Michio. Westernization and Japanization: The Early Meiji Transformation of Education // Tradition and Modernization in Japanese Culture / Ed. by D.H. Shively. Princeton, New Jersey, 1971.

Nakamura Hajime. A History of the Development of Japanese Thought. Tokyo, 1967.

Niort J.-F. Droit, Economie et Liberalisme dans Vesprit du Code Napoleon // Archives de Philosophie de Droit. 1992.

Nish Ian. The Iwakura Mission to America and Europe: A New Assessment. Richmond, Surrey, 1998.

Nitobe Inazo. Bushido, the soul of Japan: An exposition of Japanese thought. Tokyo, 1901.

Noda Y. Introduction to Japanese Law / Ed. by A.H. Angelo. University of Tokyo Press, Oregon, 1975.

Perez L.G. Japan at War: An Encyclopedia. ABC-CLIO, 2013.

Picken S.D. B. Historical Dictionary of Shinto. Historical Dictionaries of Religions, Philosophies, and Movements Series. Scarecrow Press, 2002.

Rahn G. Recht und Rechtsverständnis in Japan // Entstehung und Wandel Rechtlicher Traditionen. München, 1980.

Ramseyer J.M. Thrift and Diligence: Houses Codes of Tokugawa Merchant Families // Monumenta Nipponica. 1979. Vol. XXXIV. № 12.

Ray A. Moore, Donald L. Robinson. Partners for Democracy: Crafting the New Japanese State under MacArthur. Oxford University Press, 2004.

Religion in Japan: arrows to heaven and earth / Ed. by Kornicki P.F., McMullen I.J. Cambridge, 1996.

Richard J. Miller. Ancient Japanese Nobility. The Kabane Ranking System. Berkeley-Los Angeles-London, 1974.

Röhl Wilhelm. History of Law in Japan Since 1868. BRILL, 2005.

- Rots A.P., Teeuwen M. Introduction: Formations of the Secular in Japan // Japan Review. Special Issue. University of Oslo, 2015.
- Russell E. The Knights of Bushido. London: Cassell, 1958.
- Sadler A.L. The maker of modern Japan. The life of Tokugawa Iyeyasu. London, 1937.
- Sansom G. A History of Japan 1615 – 1867. California: Sranford University Press, 1963.
- Sansom G.B. A History of Japan to 1334. Stanford, 1958. Vol. 1.
- Select Documents on Japanese Foreign Policy, 1853–1868. Oxford University Press, 1960.
- Sheldon Ch.D. The rise of the merchant class in Tokugawa Japan. 1600–1868. New York, 1958.
- Sieffert R. Le Japon et la France. Images d'une découverte. Paris, 1974.
- Sieffert René. Le Japon et la France. Images d'une découverte. Paris, 1974.
- Smith R.J. Japanese society: Tradition, Self and the Social Order. Cambridge; London; New York, 1983.
- Sources of Japanese Tradition. Vol. 1: From earliest times to 1600 / Comp. by Wm. Theodore de Bary, Donald Keene, George Tanabe, Paul Varley. New York, 2010.
- Steenstrup C. A History of Law in Japan Until 1868. Brill Academic Publishers, 1996.
- Steenstup C. A History of Law in Japan, until 1868. Leiden, 1991.
- Suchi Tokuhei. Nitobe Inazō to bushido. Tokyo: Seijisha, 1984.
- Sugiya Akira. Rekishika toshite no Kume Kunitake // Rekishika Kume Kunitake. Tokyo: Kume Museum of Art, 1997.
- Takekoshi G. The Shugo system of the Minamoto and the Hojo regimes // The Economic Aspects of the History of the Civilization of Japan. Vol. II. Routledge, 2003.
- The Cambridge History of Japan. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2006. Vol. 3. Medieval Japan; Vol. 4. Early Modern Japan.
- The Cambridge History of Japan. Vol. 3. Medieval Japan / Ed. by Kōzō Yamamura. Cambridge, 1990.
- Titsingh Isaac. Nipon o daï itsi ran, ou, Annales des empereurs du Japon. Paris, 1834.
- Totman C. Politics in the Tokugawa bakufu 1600–1843. Berkeley, 1988.
- Totman C.D. Tokugawa Iyeyasu: Shogun. San Francisco, 1983.
- Toyokichi Iyenaga. The Constitutional development of Japan. Baltimore, 1891.
- Tsukahira Toshio G. Feudal Control in Tokugawa Japan: The Sankin kotai system. Cambridge, 1966.
- Turnbull S. Tokugawa Ieyasu. Leadership, strategy, conflict. Oxford, 2012.

- Turnbull S. Toyotomi Hideyoshi. Oxford: Osprey Publishing, 2010.
- Turnbull St. The Samurai: A Military History. Routledge, 1996.
- Uchtmann D., Blessen R., Maloney V. The Developing Japanese Legal System: Growth and Change in The Modern Era // *Gonzaga Law Review*. Vol. 23.
- Vargö Lars. Social and economic conditions for the formation of the early Japanese state. Stockholm, 1982.
- Varley H.P. Morris I., Morris N. The Samurai. London, 1970.
- Varley H.P. Zen in Medieval Japan // *Monumenta Nipponica*. 1981. Vol. 36. No. 4.
- Vestal J. Planning for Change: Industrial Policy and Japanese Economic Development, 1945–1990. Oxford, 1993.
- Vogt G., Holdgrün Ph. Modernisierungsprozesse in Japan. München: Iudicium Verlag GmbH, 2013.
- Watanabe Ts., Jun'ichi I. The Love of the Samurai: A Thousand Years of Japanese Homosexuality. London, 1989.
- William G.B. Rise of Modern Japan: Political, Economic and Social Change Since 1850. New York, 1995.
- Yamaguchi T. Rapport Japonais. La circulation du modèle juridique français // *Travaux de l'association Capitant*. 1993. T. XLIV.
- Yosiyuki Noda. Introduction to Japanese Law / Trans. and ed. by A.H. Angelo. Tokyo, 1976.
- Zweigert Konrad, Kötz Hein. Einführung in die Rechtsvergleichung auf dem Gebiete des Privatrechts. Mohr Siebeck, 1996.
- Джаман К. Буассонад и его эпоха: Гражданский кодекс Японии и традиция западного права. Изд-во Университета Кюсю, 2000 (на яп. яз.).
- Иванами кодза. Гэндайхо 14. Гайкокухо то Нихонхо (Курс Иванами. Современное право. Т. 14. Иностранное и японское право). Токио, 1966 (на яп. яз.).
- Икэути Есисукэ. Госэйбай сикимоку-но кэнкю (Изучение «Госэйбай сикимоку»). Токио, 1973 (на яп. яз.).
- Исно Ёсихиса. Исследование по древнему японскому праву. Токио, 1959 (на яп. яз.).
- Кида Дзюнъити. Нихон кэйхо сорон (Общая часть японского уголовного права). Киото, 1977.
- Кикүти Синсукэ. Токугава кинрэй ко: (Собрание запретов [и законов сёгуната] Токугава): в 21 т. Токио, 1878–1882 (на яп. яз.).
- Китадзима Масамато. Цепь биографий сёгунов Токугава. Токио, 1975 (на яп. яз.).
- Китадзима Масамото. Эдо-дзидай = Период Эдо. Токио, 1958 (на яп. яз.).
- Коджи Ямамото. История Японии. Kodansha Scientific Library, 2009 (на яп. яз.).
- Миура Хироюки. Дзбэй сикимоку. Дзоку хосэйси-но кэнкю (Изучение истории права). Токио, 1925 (на яп. яз.).

Нагахара Кэйдзи. Средневековое общество и государство в Японии. Токио, 1982 (на яп. яз.).

Оно Сэйитиро, Накано Цугио, Уэмацу Та-даси, Датэ Акио. Кэйхо (Уголовный кодекс). Токио, 1981.

Синдзи Ёситомо. Жизнь военных домов в период Эдо. Токио, 1961. (на яп. яз.).

Согабэ Сидзуо. Ниттю рицурёрон (Очерк древнего права Японии и Китая). Токуо, 1963 (на яп. яз.).

Такахаша Йошиаки. Создание гражданского кодекса Буассонада. Омацудо Пресс, 1999 (на яп. яз.).

Тюсэй хосэй сирёсю. Букэ кахо. Т. 3 / под ред. Сато Синьити и Момосэ Кэсао. Токио, 2001 (на яп. яз.).

Хаясия Тацусабуру. Кинсэй-но тайдо = Зарождение Нового времени. Токио (на яп. яз.).

Цудзимото Хироаки. Тюсэй букэхо-но ситэки кодзо. Токио, 1999 (на яп. яз.).

Янаги Харуо. Кэмпо ёко (Общий очерк конституционного права). Курумэ, 1984 (на яп. яз.).

Ясаки Мицукуни. Хо сисо-но сэкан («Мир правовой мысли»). Токио, 1996 (на яп. яз.).

Оглавление

Предисловие	3
Глава 1. Традиционная правовая система	5
1.1. Система источников раннесредневекового права.....	5
1.2. Кодекс «Тайхо Ёро рицурё»: структура и особенности.....	16
1.3. Формирование институтов традиционного японского права...	19
1.3.1. Правовое положение японцев.....	19
1.3.2. Регулирование имущественных и семейных отношений ...	25
1.3.3. Особенности уголовного права и процесса	30
Глава 2. Модернизация правовой системы	36
2.1. Развитие источников и институтов права в эпоху сёгуната...	36
2.2. Конституционализация права в эпоху Мейдзи-исин	54
2.3. Отраслевая кодификация и европеизация традиционного права	62
Глава 3. Новеллизация правовой системы	69
3.1. Новая Конституция 1947 года: разработка и особенности...	69
3.2. Развитие новых отраслей законодательства	75
3.3. Новеллизация гражданского и уголовного права	79
Библиография	92

Учебное издание

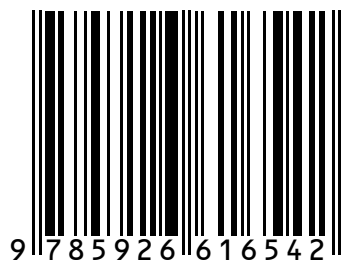
Карнаушенко Леонид Владимирович
Трикоз Елена Никалоевна
Швец Анна Анатольевна

**ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ЯПОНИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Учебное пособие

Редактор *Т. Г. Кривошеева*
Компьютерная верстка *Г. А. Артемовой*

ISBN 978-5-9266-1654-2

Подписано в печать 20.05.2020. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 6,6. Тираж 100 экз. Заказ 42.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.